

НЕ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

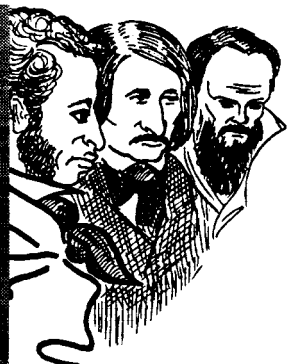
**Святой Георгий
Победоносец - покровитель
воинства российского
и града Московского.
Дню Победы советского
народа в Великой
Отечественной войне
посвящается...**

Литературно-публицистический альманах

В номере:

- ★ О воинах-мелекессцах, участниках Берлинской операции, рассказывают А.Милюшов и Я.Рогачев
- ★ Незабываемые страницы жизни разведчика Рудольфа Абеля
- ★ В рубрике «Дембельский альбом» фоторассказ о наших земляках-пограничниках
- ★ Приключенческий, научно-фантастический роман А.Никонова «Ковчег острова Альмендралехо»
- ★ «Под одной крышей» - поэзия В.Манухина, В.Сысуева, В.Гордеева, А.Горшенина, Л.Семеновой, Е.Парфеновой, В.Зиновьева
- ★ Тайные истории кладов в Мелекессе-Димитровграде. Расследование

НЕ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Патриотический,
литературно-
публицистический
альманах

ВЫПУСК ТРЕТИЙ
Май 2009

Ульяновский региональный
благотворительный общественный фонд
поддержки ветеранов и офицеров
запаса КГБ, ФСБ, МВД
«Эгида»

Об авторах

Валерий ГОРДЕЕВ
Член Союза писателей СССР, Союза писателей России. Автор многих книг и публикаций. Лауреат нескольких литературных премий. Поэт, публицист, переводчик, издатель.

Артем ГОРШЕНИН
Студент ДИТУДа. Поэт и прозаик. Лауреат городских молодежных литконкурсов «Муза». Публиковался на страницах СМИ, в литературно-краеведческом журнале «Черемшан». Кандидат в члены ДПО.

Римма ДОЛОДАРЕНКО
Член ДПО. Краевед, публицист, прозаик. Экстрим-путешественник. Человек большой эрудиции. Автор путевых очерков.

Владимир ЗИНОВЬЕВ
Член ДПО. Поэт, владеющий редким жанром - сатирических «гномов». Фотомастер, награжденный несколькими дипломами российских и областных выставок.

Василий КОРОБКОВ
Член Союза писателей России. Автор многих книг. Лауреат областного литконкурса. Поэт, прозаик. Ныне живет в Подмоскowie.

Валентин МАНУХИН
Член Союза писателей России. В прошлом - офицер РВСН. Автор трех поэтических сборников. Работает в Димитровграде.

Александр МИЛЮШОВ
Историк, краевед. Участник Великой Отечественной войны, фронтовик. Автор нескольких книг по истории города, о димитровградцах-фронтовиках.

Об авторах

**Александр
НИКОНОВ**
Член Союза
писателей России.
Автор четырех книг
прозы. Прозаик,
сказочник,
сценарист. Лауреат
областного
литконкурса.

**Александр
ОСИПОВ**
Член Союза
писателей России.
Автор трех книг.
Имеет публикации в
московских
изданиях. Поэт,
прозаик.

**Елизавета
ПАРФЕНОВА**
Член ДПО. Автор
многих публикаций
и произведений для
детей и юношества.
Поэтесса, прозаик.

**Яков
РОГАЧЕВ**
Член Союза
писателей. Поэт,
переводчик,
драматург, краевед,
критик, публицист.
Жил и работал в
Мелекессе-
Димитровграде.
Автор нескольких
книг на русском и
чувашском языках.

**Лилиана
СЕМЕНОВА-
БЕКЧЯН**
Автор двух
поэтических
сборников,
выпущенных в
Москве. В
Димитровграде это
ее вторая
публикация.
Родилась в
Белоруссии, жила и
работала в
Каракалпакии,
Узбекистане,
Анголе, Сирии.
Сейчас живет в
Ереване.

**Виктор
СЫСУЕВ**
Автор двух книг.
Член ДПО. Поэт,
прозаик,
переводчик, краевед.
В настоящее время
работает над книгой
о древнейшей
истории родного
края. Автор нового
переложения на
современный язык
памятника
древнерусской
литературы «Слово
о полку Игореве».

6 мая - День Святого Георгия Победоносца, покровителя воинства Российского, покровителя града Московского

Георгий Победоносец - в русском фольклоре Егорий Храбрый, (у мусульман Джирджис), в христианских и мусульманских преданиях воин-мученик, с именем которого фольклорная традиция связала реликтовую языческую обрядность весенних скотоводческих и, отчасти, земледельческих культов и богатую мифологическую топику, в частности мотив драконоборчества.

Ортодоксальная христианская житийная литература говорит о Георгии как о современнике римского императора Диоклетиана (284-305), уроженце восточной Малой Азии (Каппадокии) или сопредельных ливанско-палестинских земель, принадлежавшем к местной знати и дослужившемся до высокого военного чина; во время гонения на христиан его пытались принудить истязаниями к отречению от веры и в конце концов отрубили ему голову. Черты блестящего аристократа («коми́та»), сделали Георгия образцом сословной чести: в Византии - для военной знати, в славянских землях - для князей, в Западной Европе - для рыцарей. Иные мотивы акцентируются народным почитанием Георгия, вышедшим за пределы христианского круга (византийская легенда повествует о грозном чуде, научившем арабских завоевателей с почтением относиться к Георгию).

Мотив жизни в смерти, символизирующий христианскую мистику мученичества, но апеллирующий и к мифологической образности крестьянских поверий, не чужд и византийской иконографии, изображавшей Георгия стоящим на молитве с собственной отрубленной головой в руках (как на иконе, хранящейся в Историческом музее в Москве); этот же мотив стал причиной смешения в мусульманских странах Георгия (Джирджиса) с Хадиром (значение этого имени - «зелёный» - сопоставимо с фольклорным эпитетом Георгий) и Ильясом. Весенний праздник Георгия - 23 апреля отмечался в восточноевропейском и ближневосточном ареалах как сезонный рубеж скотоводческого календаря: в этот день впервые выгоняли скот на пастбища, закалывали первого весеннего ягнёнка, пели особые песни (ср. постромскую песню: «Мы вокруг поля ходили, Егорья окликали... Егорий ты наш храбрый, ты спаси нашу скотину в поле и за полем, в лесу и за лесом, под светлым месяцем, под красным солнышком, от волка хищного, от медведя лютого, от зверя лукавого»).

По-видимому, славянские народы перенесли на Георгия некоторые черты весенних божеств плодородия вроде Ярилы и Яровита, с чем, возможно, связаны народные варианты его имени типа Юрий, Юры, Юр (укр.), Еры

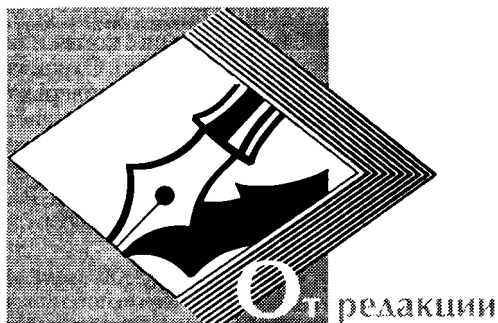
(белорус.). Эта линия почитания Георгия перекрещивалась с воинской, княжески-рыцарской линией на мотиве особой связи Георгия с конями (в подвиге драконоборчества он обычно изображается как всадник). Охраняя скотину и людей от волков, Георгий оказывается в славянских поверьях повелителем волков, которые иногда именуются его «псами». Он отвращает от человека и домашних животных также змей, что связано с его ролью змееборца (драконоборца): легенда приписала ему умерщвление хтонического чудовища, этот популярнейший подвиг богов-демиургов (напр., Мардука, Ра, Аполлона, Индры, отчасти Яхве) и героев (напр., Гильгамеша, Беллерофонта, Персея, Ясона, Сигурда и др.).

Повествуется, что возле некоего языческого города (локализуемого иногда в Ливане, иногда в Ливии или в других местах) было болото, в котором поселился змей-людоед; как всегда в таких случаях, ему выдавали на съедение юношей и девиц, пока черёд или жребий не дошёл до дочери правителя города (мотив Андромеды). Когда она в слезах ожидает гибели, Георгий, проезжающий мимо и направляющийся к воде, чтобы напоить коня, узнаёт, что происходит, и ждёт змея. Самый поединок переосмыслен: по молитве Георгия обессилевший и укрощённый змей (дракон) сам падает к ногам святого, и девица ведёт его в город на поводке, «как послушнейшего пса» (выражение из «Золотой легенды» италийнского агиографа Иакова Ворагинского, 13 в.).

Увидев это зрелище, все горожане, во главе с правителем, готовы выслушать проповедь Георгия и принять крещение; Георгий сражает змея мечом и возвращает дочь отцу. Этот рассказ, в котором Георгий выступает одновременно как богатырь, как проповедник истинной веры и как рыцарственный заступник обречённой невинности, известен уже в низовой, полуофициальной византийской агиографии. Тема драконоборчества вытесняет все другие мотивы иконографии Георгия, ложится в основу многочисленных произведений искусства. Интересное исключение представляют русские духовные стихи о «Егории Храбром», игнорирующие эту тему. В них Георгий оказывается сыном царицы Софии Премудрой, царствующей «во граде Иерусалиме», «на Святой Руси», его облик наделён сказочными чертами («Голова у Егория вся жемчужная, по всем Егорие части звезды»); от «царища Демьянища», т. е. Диоклетиана, он терпит за веру заточение в подземной темнице в продолжение 30 лет (как это заточение «во глубок погреб», так и 30-летнее сидение богатыря - постоянные мотивы былии), затем чудесно выходит на свет и идёт по русской земле для утверждения на ней христианства. Трёх своих сестёр, коснеющих в язычестве, он видит заросшими коростой и волосами дикими пастушками волчьей стаи; от воды крещения короста с них спадает, а волки, как и змеи, отходят под упорядочивающую власть Георгия. Всё кончается богатырским поединком Георгия с «царищем Демьянищем» и искоренением на Руси (выступающей как эквивалент Эйкумены) «басурманства».

С 14 в. изображение всадника на коне становится эмблемой Москвы (затем входит в герб г. Москвы, а позже - в состав государственного герба Российской империи). В 1769 в России был учреждён военный орден св. великомученика и Победоносца Георгия, в 1913 военный Георгиевский крест.

Для новой России память о Георгии Победоносце теперь тесно увязана с Днем создания Вооружённых Сил Российской Федерации - 7 мая. Покровитель воинства Российского и города-Героя Москвы навсегда братскими и кровными узами как бы связан с российскими солдатами, офицерами, генералами, а они находятся под его святой защитой, как и вся земля русская.

Ничего о прошлом не забыли!

64 года прошло с той поры, как отгремели последние залпы Второй мировой войны. Когда наши доблестные воины, те, кто сумел живым дойти до фашистского Берлина, поставили окончательную точку в неоспоримой Победе советского народа над войсками бесноватого Гитлера.

Долгие четыре года шла наша армия к этой желанной победе над врагом. И путь этот отмечен как горькими вехами, так и воинской доблестью. В рядах этой армии шли к Победе и тысячи наших земляков. Далеко не всем из них удалось вернуться в родной дом. Они сложили свои головы во многих знаменитых битвах, они тоже отстояли свою Родину, вернули нам мир и жизнь. Слава павшим Героям!

9 мая ежегодно над нашей Россией да и в странах бывшего СССР звучат слова торжественной команды для тех, кто еще остался в строю живущих сегодня:

«ФРОНТОВИКИ, НА ДЕНЬТЕ ОРДЕНА!»

И когда они, уже редким и неуклюжим строем, идут к Вечному огню у обелисков поклониться от имени боевых друзей, не дождавшихся этого - 64-го мгновения Победы, - невольно вспоминаешь тех, кто выиграл схватку с самым сильным противником всех времен и народов на Земле!

И здесь нам, мелекесцам-димитровградцам, есть, кем гордиться. Среди настоящих **ПОБЕДИТЕЛЕЙ** имена наших земляков:

прославленные генералы Отечественной войны - Баданов, Барсуков, Захаров;

комполков - Гордиенко, Коломин; комбаты - Игнатьев, Козлов, Пилыщиков;
ротные - Шильдин, Яшнев, Шулаев, Карандасов;

комиссары - Годунов;

старшины - участник Парада Победы Страшнов, Баранов, Милушов, Щелков, Тимошкин;

сержанты и рядовые – Симонов, Ермаков, Сладков, Ионов, Павлов, Каюров, Андреев, Дермугин...

Во всех родах войск воевали наши земляки, показывая боевое мастерство и мужество. В небе над Сталинградом начали ковать Победу летчики Забелин и Миронов. В море топили фашистские суда матрос Бибина и юнга Слюняев. В прибалтийских болотах и перелесках охотился за врагами и метил их снайперской пулей ныне Почетный гражданин Димитровграда, самый известный член Союза писателей России в Поволжье – Ларин. Первым открыл смертоносный для фашизма огонь по Берлину из пушек своего арtdивизиона Вишняков, вошедший в историю артиллерии. Вели эффективную разведку в тылах немецких Гарипов и Носов. Десантировался на головы врагов бесстрашный Жуков. Взламывал оборону фашистских войск на своем танке Ендурев. Бесстрашно спасала от смерти пленных солдат на виду у своих палачей в концлагере военврач Мусорова...

На фронт, на отпор ненавистному врагу, мелекесцы вставали целыми семьями. Среди династий фронтовиков в нашем городе было семеро Миляшинских, шестеро Бородулиных, Шулаевых, Храмовых, пятеро Тарасовых, Совалевых, Никулиных, четверо Милушовых, Игнатевых.

Это была поистине ВСЕНАРОДНАЯ битва за жизнь на земле. Она отмечена Киевской, Смоленской, Московской, Ленинградской, Тульской, Курской, Белорусской, Корсунь-Шевченковской, Карпатской, Варшавской, Одерской, Кенигсбергской, Пражской битвами. Но венцом всей Победы, конечно же, стала завершающая – БЕРЛИНСКАЯ!

Неоценим вклад в нашу с вами Победу любого из фронтовиков. Артогнем крушил врага, начиная от Подмосквы, лейтенант, кавалер ордена Александра Невского - Евгений Чуманов. Трех друзей сразу в течение двух дней потерял мелекесец, старший лейтенант из стрелковой дивизии Евгений Савельев при взятии Берлина. Всем троим посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. А наш земляк, которого за форсирование Одера представили к такому же званию, отказался от получения его, считая, что живые должны добивать фашизм не за награды, а в память о павших...

Старший лейтенант Иван Морозов со своим подразделением оказался в Корсунь-Шевченковской операции на пути отступавшего противника. Ни на шаг не отошли от своих позиций наши бойцы и не выпустили немцев из котла, побив их, затем пленив во много раз превосходящее войско и взяв немалые трофеи. Наш земляк был особо отмечен в приказе Верховного Главнокомандующего Маршала И. Сталина!

Герои, где бы они ни воевали, как и наша Победа, как и их подвиги – всегда будут бессмертны. А память о них – незабвенна. Из состава 65 штрафных батальонов и 1049 штрафных рот вернулись в строй, а потом к мирной жизни, едва ли десять процентов, воевавших там. Но и о штрафниках тоже, тем более пробивавших «с матерком и грудью» путь пехоте в наступлении, мы помним вечно, чтим их ратный труд на полях проклятой войны. Фронтовики – все дети нашей Родины-Матери. Все – наши деды, отцы. Самые родные нам люди и воины. Поклон вам, фронтовики! С самым главным праздником России вас, СПОБЕДОЙ!

Редакция благодарна историку Александру Семёновичу Милюшову, фронтовику и участнику Берлинской операции, автору книги «Мелекесцы в боях за Берлин» за предоставленные нам материалы, подробно освещающие эти события и вклад наших земляков в окончательную победу над гитлеровской Германией.

Александр МИЛЮШОВ

Трижды в Берлине

Впервые русские войска вошли в Берлин в сентябре 1760 года. Это было в период Семилетней войны (1756-1763гг.), когда правительство Императрицы Российской Империи Елизаветы Петровны присоединилось к союзу Австрии и Франции против Пруссии. Военные действия развернулись в главной области Пруссии - Бранденбурге. Русско-австрийская армия под командованием генерала-фельдмаршала П.С.Салтыкова заняла город Франкфурт-на-Одере.

До Берлина оставалось недалеко. 1 августа 1759 года произошло сражение у деревни Кунерсдорф.

В той кровопролитной битве русские потеряли убитыми 2614 человек, ранено было свыше 11 тысяч человек.

Неприятель потерял убитыми 7027 человек. Было захвачено в плен 4,5 тысячи человек, более 2 тысяч солдат дезертировало из прусской армии. Победители взяли 28 неприятельских знамен, 172 пушки. Фридрих II едва спасся от смерти бегством. Он потерял 48-тысячную армию.

5 августа русская армия перешла реку Одер.

Среди русских воинов, что брали Берлин, были и наши земляки. Об одном из них, Сомове Иване Андреевиче, вот что рассказывает в книге «Бери да помни» В. Гордеев:

«Иван Андреевич Сомов получил хорошую воинскую выучку и закалку в Его Императорского Величества Преображенском полку. Был в звании фейерверкера в отставке. И почти за четверть века до описываемых событий, провел на рекрутской службе в рядах действующей Русской армии добрый десяток лет. Его «воинский карьер» пришелся на междувластие на Российском троне. Когда экспедиционные войска генерала Петра Семеновича Салтыкова (одного из немногих прославленных громкими победами военачальников, русского по национальности) по приказу «дщери Петровой» императрицы Елизаветы - были двинуты в поход на прусские земли императора Фридриха, в рядах солдатских был и Иван Сомов. Сражаться против армии Фридриха – «короля солдат и солдатского короля», в те времена в Европе не решался никто. И вот такой армии был противопоставлен русский воинский характер: опыт, отвага, удача наших предков - крестьян и воинов. В этой «странной» войне русские войска Салтыкова, по прихоти дворцовых политиков, вынуждены были входить в альянс то с австро-венгерскими корпусами, то с французскими дивизиями. А нередко и противостоять так называемым союзникам.

Город Берлин заплатил победителям 200 тысяч талеров на содержание войска и выплатил в виде контрибуции 1,5 миллиона рублей. Военные предприятия города были разорены. Вся Европа, кроме Великобритании, поздравила Россию с этой блистательной победой.

Вскоре, однако, русская армия оставила Берлин и отошла на зимние квартиры к Висле. Война требовала огромных средств. Пруссия была опустошена. Войско потеряло боевой настрой, лучшие офицеры пали на полях сражений или были взяты в плен.

Изменилась ситуация и в России.

24 декабря 1761 года скончалась Елизавета Петровна. На престол вошел Петр III, который заключил с Пруссией 5 марта 1762 года генеральное перемирие, и 24 апреля был подписан мир. Пруссии возвратили все земли, занятые русскими войсками в Семилетнюю войну.

Боевые действия были прекращены, когда «молодцы» Салтыкова взяли с боем Берлин. Но преждевременная кончина Елизаветы возвела на трон Российский фанатичного поклонника полководческого таланта Фридриха, бесноватого императора Петра III. Он и повелел войскам в землях германских и прусских отступить, позорно оставляя без боев побежденным фридриховцам все завоеванное кровью и жизнями русских солдат.

Но виктория не надолго отвернулась от отважных: Голштинская принцесса (Екатерина II), оседлав русский трон взамен убиенного ею мужа, оказалась зело способной к политике и баталиям, твердой характером, ревностной сторонницей русских интересов страны и народов, доставшихся ей в правление. Ею из почетной отставки вновь был призван под боевые знамена уже генерал-фельдмаршал Салтыков. И его войска, в рядах которых служил фейерверкер Сомов, вновь совершили беспримерный боевой рейд, показав Европе еще один пример мужества, выучки, непобедимости русского оружия.

Уже политыми кровью германскими дорогами Салтыков вывел своих «молодцов» к стенам Берлина...

Наиболее отличившиеся в этих походах были жалованы наградами, в том числе медалью «Победителю над пруссаками» был отмечен фейерверкер Иван Сомов (звание это, правда, по-русски звучит довольно юмористично). Получил наш земляк вместе с товарищами и сотню рублей серебром, разрешено им было снарядить и обоз из трофейного «добра и рухляди».

По возвращении в Россию получил отставку, вернулся в Тиниск, думал поставить крепкое крестьянское хозяйство по примеру бюргеров в Пруссии. Но начавшийся крестьянский бунт под руководством Емельяна Пугачева увлек Сомова, и он разделил участь организаторов восстания.

Весной 1813 года, преследуя поспешно отступающую армию Франции и ее союзников (Австрия, Бавария, государства Рейнского Союза), русские войска во второй раз вступили в Берлин, а затем союзные войска двинулись на Париж. 19 марта 1814 года они вошли в столицу Франции. Торжественно был организован въезд в Париж императора Александра I.

Особенно памятен нам всем в России день, когда начался ТРЕТИЙ штурм немецкой столицы. 16 апреля 1945 года началась Берлинская операция - заключительный этап в Великой Отечественной войне советского народа и его Вооруженных Сил с фашистской Германией. Операция осуществлялась войсками Первого Белорусского фронта (командующий - маршал Г.К.Жуков), Второго Белорусского фронта (командующий - маршал К.К.Рокоссовский) и Первого Украинского фронта (командующий - маршал И.С.Конев).

К.К.Рокоссовский с 1949 по 1956 год был министром национальной обороны Польши, ему было присвоено воинское звание Маршала Польши. Единственный военачальник в мире стал маршалом двух народов. В день начала Берлинской операции к воинам, штурмовавшим Зееловские высоты, с самолета были сброшены ключи от Берлина (копии), взятые русскими войсками в сентябре 1760 года, и листовки. В них было обращение авиаторов: «Гвардейцы-друзья! К победе - вперед! Шлем вам ключи от Берлинских ворот».

Берлинская операция закончилась победой советских войск. 2 мая 1945 года Берлинский гарнизон капитулировал.

Согласно решению Крымской (Ялтинской) конференции глав государств и правительств стран антигитлеровской коалиции: Соединенных Штатов Америки - президент Ф.Д.Рузвельт; Союза Советских Социалистических Республик - председатель Совета Министров И.В.Сталин; Великобритании - премьер-министр У.Черчилль - Германия была разделена на четыре оккупационные зоны: американскую, советскую, английскую и французскую. Соответственно, на четыре сектора был разделен и Берлин. В каждой зоне находились союзнические войска.

Советские войска выведены из Восточной Германии, соответственно и из Берлина, - в 1991 году. Германия стала единым государством - Федеративной Республикой Германии.

Войска наших союзников по антигитлеровской коалиции Соединенных Штатов Америки и Великобритании находятся на территории Германии и поныне. Они входят в Северо-Атлантический Союз, созданный в 1949 году с целью недопущения распространения коммунистических идей на планете.

Яков РОГАЧЕВ

Помнутся пути фронтовые

С Иваном Васильевичем мы познакомились в начале пятидесятих годов. Работал он тогда на фабрике имени Клары Цеткин (потом - фирма «Олимп»). Бывалый солдат Великой Отечественной войны много внимания уделял работе на предприятии оборонного общества и военно-патриотическому воспитанию молодежи. Наши команды на городских соревнованиях по стрельбе (я входил в команду Типографии) соперничали за призовые места.

Поработав некоторое время в соседнем районе, я поступил в 1971 году на работу на ДААЗ, где и встретился вновь с Иваном Васильевичем.

«Вот, друг-земляк, до окуляров доработался, а ведь каким метким стрелком был», - пошутил он тогда.

После выхода на пенсию мы часто встречались в ветеранской организации завода. Энергичный, общительный, он принимал активное участие во всех проводимых массовых мероприятиях, заряжал всех весельем и задором.

К большому огорчению, сейчас КУМАЕВ уже лишен такой возможности, тяжелая болезнь приковала его к постели... Не может старый солдат, как бывало, выступить перед молодежью с рассказом о днях минувших, о друзьях по оружию. Поэтому и решил я рассказать об отважном земляке, ветеране войны, используя его личные воспоминания.

Семнадцатилетним юношей надел Ваня Кумаев солдатскую шинель. В семи километрах от Инзы, в Труслеевских лесах, он прошел полный курс подготовки младших командиров и был направлен на фронт.

- Первый бой наш 185-й стрелковый полк принял на 1-м Белорусском фронте, - вспоминает Иван Васильевич. - Затем нашу дивизию перебросили на 1-й Прибалтийский фронт, где запомнились тяжелые бои под Ригой. От сильного натиска противника пехота отступила. Наша батарея 120-миллиметровых полковых минометов и соседний дивизион 76-миллиметровых орудий остались в полуокружении. До прихода наших войск мы решили занять круговую оборону. Но фашисты, стремясь прорвать ее, двинули на наши позиции девять «тигров». Мы били из своих орудий по вражеским танкам прямой наводкой, и вскоре - пять «тигров» уже горели. Но понесли потери и мы: были разбиты четыре пушки и два миномета. В этом бою меня контузило и завалило землей от взрыва снаряда.

Ночью к нашим подразделениям подошли свежие силы: пехота, танки и «Катюши». Свой рубеж мы удержали и утром пошли в наступление.

Вскоре 185-й стрелковый полк вплотную подошел к столице Латвии - Риге. Город, являвшийся важной военно-морской базой, был превращен фашистами в мощный узел обороны. За участие в боях за освобождение Риги Кумаев был награжден медалью «За отвагу», а приказом Верховного Главнокомандующего ему была объявлена благодарность.

Затем полк снова был переведен на 1-й Белорусский фронт, которым в тот период командовал маршал Г. Жуков. В январе 1945 года Кумаев участвовал в освобождении столицы Польши Варшавы, за что и был награжден второй медалью «За отвагу».

- С победными боями наш полк двигался все ближе к логову фашистского зверя, - вспоминает Иван Васильевич. - Мы воевали на Штеттинском направлении. Под городом Альтдамм я был вторично тяжело ранен в голову. Очнулся за пятьдесят километров от передовой, в полевом госпитале. А оттуда меня переправили в город Штутгарт.

Однажды во дворе госпиталя случайно увидел заместителя командира полка майора Сабирова. Поговорив с ним, я узнал, что скоро полк будет переброшен в другое место. Решение пришло быстро: прямо в госпитальной одежде спрятался в кузове грузовой машины, на которой приехал майор. Так, не долечившись, и уехал в родной полк. Там мне за участие в овладении городом Альтдамм и ликвидацию сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки Одер, восточнее Штеттина, вручили орден Славы III степени.

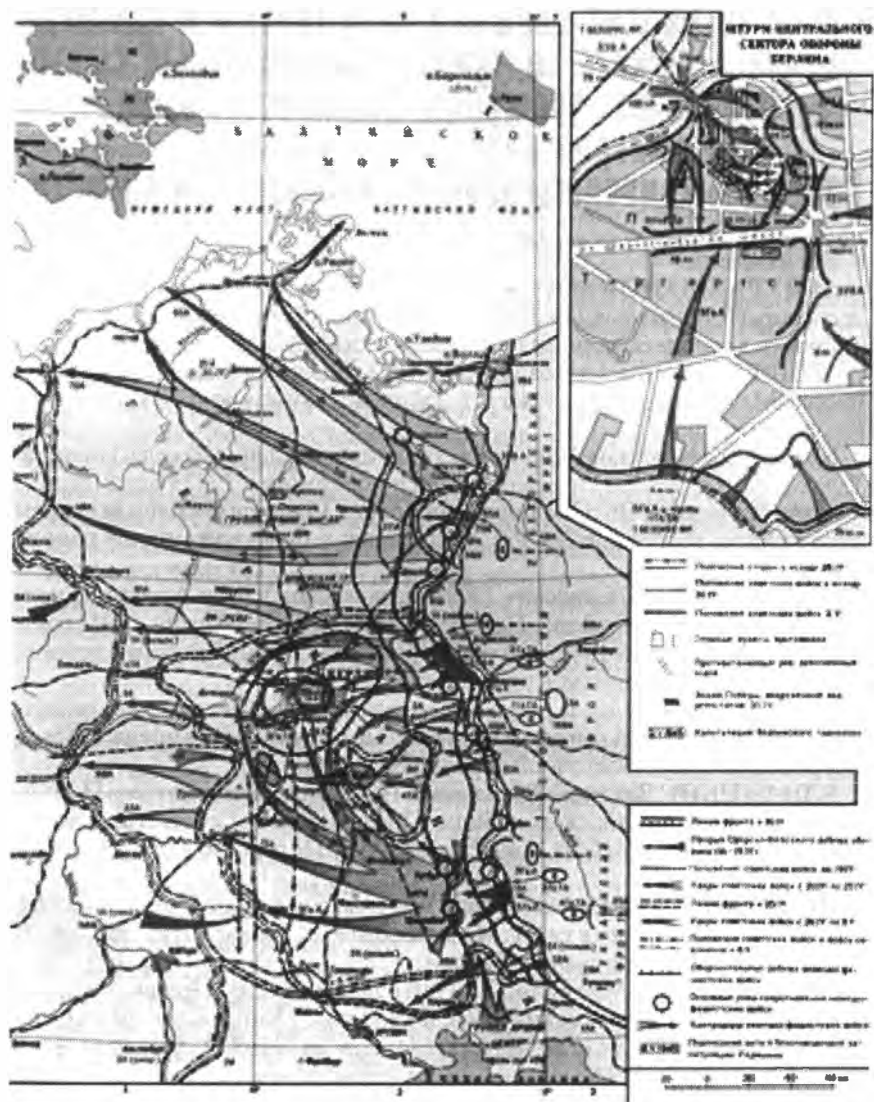
Приняв участие в штурме Берлина, 185-й полк был направлен вслед за отступающими немецкими войсками на запад для соединения с войсками союзников. С боями полк дошел до реки Эльбы. С союзниками встретились в районе города Ордуф.

Войну Иван Васильевич закончил в звании старшего сержанта и в должности командира противотанкового 57-миллиметрового орудия. Затем служил в оккупационных войсках в Германии. В семейном архиве Кумаевых хранится письмо, присланное оттуда в 1946 году матери командованием части.

«Здравствуйте, уважаемая Елена Спиридоновна, - говорится в письме. - В нашей части служит Ваш сын - гвардии старший сержант Кумаев Иван Васильевич. Приносим Вам глубокую благодарность за то, что Вы воспитали такого сына. Он с честью и достоинством отстаивал свободу и независимость нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков. Отважный воин-гвардеец победителем вошел в Берлин...»

Каждая строчка этого письма напоминает ветерану грозные фронтовые годы. А поводом для письма к Е. Кумаевой послужила вот что: «В период мирной учебы Ваш сын упорно и настойчиво повышает свои военные знания и передает свой боевой опыт молодым красноармейцам. Являясь командиром орудия, он во всем служит примером для своих подчиненных. Его расчет держит первенство в подразделении по боевой и политической подготовке, а также по дисциплине».

Последние одиннадцать лет перед уходом на пенсию по состоянию здоровья Иван Васильевич работал на автоагрегатном заводе. Как и всегда, принимал активное участие в военно-патриотической работе.

В боях за Берлин сложили свои головы и навсегда остались лежать на чужой земле славные сыны Отечества, уроженцы Мелекесса, ныне Димитровграда, Мелекесского и Новомалыклинского районов Ульяновской области

Вот их имена:

АБДУРАХМАНОВ Мардук, 1907г. рождения, родом из села Средний Сантимир, Ново-Малыклинского района, рядовой, погиб 2 мая 1945 года и похоронен в городе Биркенвердер на воинском кладбище.

АНДРЕЕВ Виктор Александрович, 1923 года рождения, из Мелекесса. Призван Мелекесским РВК в 1942г., гв. лейтенант. Погиб в бою 30 апреля 1945г. Похоронен в Берлине.

БАРАНОВ Николай Яковлевич, 1925 года рождения из села Тинарка, Мелекесского района. Призван в Красную Армию в 1942 году бывшим Малокандалинским РВК. Старшина. Умер от ран 16 апреля 1945 года в полевом передвижном госпитале №4360. Похоронен в братской могиле города Кюстрин.

БУТЕНКО Павел Демидович, 1909 года рождения, из села Александровка, Новомалыклинского района. Призван в ряды Красной Армии в 1941 году. Погиб в бою 23 апреля 1945 года и похоронен на северной окраине деревни Ной-Циттау Бранденбургской провинции.

ВАФИН Гирей, 1915 года рождения, из села Боровка, Мелекесского района. Призван в Красную Армию в 1941 году. Погиб в бою 23 апреля 1945г. и похоронен на северо-восточной окраине Берлина.

ЕЛИФАНКИН Владимир Васильевич, 1926 года рождения, из села Нижняя Якушка, Новомалыклинского района. Призван в ряды Советской Армии в 1943г. Рядовой. Погиб в бою 24 апреля 1945 года. Похоронен в Маркфардене, районе Берлина.

ДЕРМУТИН Иван Александрович, 1926 года рождения, Мелекесс, призван в ряды Советской Армии в 1944 г. Мелекесским РВК. Рядовой. Погиб в бою 24 апреля 1945 года. Похоронен в г. Берлин.

Жителева Фаина Михайловна, 1918 года рождения. Призвана в ряды Красной Армии Мелекесским РВК в 1939 году. Капитан медицинской службы. Умерла от ран 30 апреля 1945г. в ЭГ №4859. Похоронена в г. Бунцлау, могила №43.

ИОНОВ Владимир Степанович, 1925 года рождения, уроженец Мелекесского района. Призван в Советскую Армию в 1943 году. Рядовой. Умер от ран в ППГ №689 31 марта 1945 года. Похоронен в г. Дроссен, Бранденбургской провинции.

ИШМАЕВ Николай Петрович, 1924 года рождения, село Тинарка, Мелекесского района. Призван в ряды Советской Армии в 1942 году Мелекесским РВК. Воинское звание лейтенант. Погиб на фронте 26 марта 1945 года. Похоронен в Цорндорфе Бранденбургской провинции.

КАРАНДАСОВ Владимир Семенович, 1916 года рождения, из Мелекесса. Призван в ряды Красной Армии в 1937 году, лейтенант. Погиб в бою 17 апреля 1945г. Похоронен в четырех километрах северо-западнее ст. Шенфлос, Бранденбургской провинции.

КАСИМОВ Илья Семенович, 1923 года рождения, из Мелекесса. Призван в ряды Красной Армии в 1942 г. Погиб в бою 22 апреля 1945г. Похоронен в местечке Хайнейсдорф, Бранденбургской провинции.

КИЯТКИН Семен Петрович из села Александровка, Новомалыклинского района. Погиб в бою 19 апреля 1945 г. и похоронен в городе Долгеллин под Берлином.

КРИКУНОВ Виктор Васильевич, 1924 года рождения, из р.п. Новая Майна, Мелекесского района. Призван в ряды Красной Армии в 1942г. Младший лейтенант, погиб в бою 19 апреля 1945г. Похоронен в деревне Альт-Малиш, округ Франкфурт-на-Одере.

КУЗЬМИН Михаил Андреевич, 1926 года рождения, из р.п. Новочеремшанск (бывший Салаван), Новомалыклинского района. Призван в ряды Советской Армии в 1944г. Ефрейтор. Погиб в бою 29 апреля 1945г. Похоронен на братском кладбище дер. Клейн Керис под г. Темплин.

МАМЫЛИН Иван Николаевич, 1907 года рождения, из Мелекесса, погиб в бою 26 апреля 1945 г. Похоронен на северной окраине д. Хейлингезе.

НЕТФУЛЛОВ Мирза, 1907 года рождения, из деревни Елховый Куст, Новомалыклинского района. Ефрейтор. Погиб в бою 20 апреля 1945г. Похоронен в местечке Райхенберг, округ Букков.

НЕФЕДОВ Иван Алексеевич, 1926 года рождения, из с.Рязаново, Мелекесского района (бывш. Николо-Черемшанский). Призван в ряды Советской Армии в 1943г. Рядовой. Умер от ран 29 апреля 1945 года в отдельном медико-санитарном батальоне №459. Похоронен на дивизионном кладбище в пригороде Берлина - Вилгельмсберге.

ПАНЫШИН Петр Михайлович, 1923 года рождения, г. Мелекесс, призван в ряды Красной Армии в 1942г. Старший сержант, погиб в бою 16 апреля 1945г. в районе г. Зеелов. Похоронен в м. Альт-Тухенбау.

ПОЛЁТОВ Алексей Константинович, родился в городе Мелекесс. В 1941г. призван в ряды Красной Армии. Рядовой. Погиб 3 марта 1945г. Похоронен в м. Рейтвейн, Бранденбургский округ.

ТЕНЦЁВ Михаил Владимирович, 1915 года рождения, из Мелекесского района. Младший лейтенант. Умер от ран 18 мая 1945г. в полевом эвакуационном пункте №103. Похоронен в деревне Грева, район Бранденбурга.

ЯКУБОВ Акзам, 1916 года рождения, из села Аллагулово, Мелекесского района. Призван в ряды Советской Армии в 1944г. Рядовой, умер от ран 21 апреля 1945г., похоронен в г. Цибенген, Бранденбургской провинции.

*Сведения о погибших взяты из «Книги Памяти»
(том четвертый – «Уроженцы г. Мелекесс, Мелекесского,
Новомалыклинского районов Ульяновской области».
Ульяновск, изд. «Дом печати», 1995г.*

Мелекессы - участники штурма Берлина

Абрамов Александр Андреевич
Абдурахманов Мардук
Аверин Владимир Павлович
Аверьянова Мария Ивановна
Алексейченко Иван Сергеевич
Андреев Михаил Евгеньевич
Афанасьева Валентина Ивановна
Анисимов Гордей
Ахтямов Анвар
Баранов Николай Яковлевич
Белов Леонид Андреевич
Беляков Михаил Аркадьевич
Бобылева Вера Михайловна
Бобина Антонина Федоровна
Бобин Семен Григорьевич
Боева Анна Павловна
Большебородов Василии Егорович
Боровков Александр Иванович
Бутенко Павел Демидович
Вафин Гирей
Вишняков Федор Федорович
Гарипов Абдулла Касимович
Герасимов Илья Николаевич
Гирфанов Нурулла
Гнатуш Василий Кириллович
Годунов Прокофий Тимофеевич
Гумеров Муладжан
Дедоева Александра Дмитриевна
Д бков Александр Николаевич
Елифанкин Владимир Васильевич
Ендурасев Василий Демьянович
Ендурасев Алексей Иванович
Епанешников Петр Васильевич
Ермаков Николай Иванович
Жителев Виктор Михайлович
Жителева Фаина Михайловна
Захаров Николай Михайлович
Захарова Нина Антоновна
Земскова Клавдия Ивановна
Зиатов Шариф
Игнатьев Александр Семенович
Ильина Антонина Андреевна
Иняков Алексей Григорьевич
Исаенко Константин Евсеевич
Канунников Григорий Васильевич
Касимов Илья Семенович
Карандасов Владимир Семенович
Катиркин Евдоким Павлович
Каюров Валентин Александрович
Кириллов Александр Степанович
Кияткин Семен Петрович
Козлов Семен Васильевич
Коротков Горгоний Григорьевич
Краснов Алексей
Крыштопов Зиновий Федорович
Ксенофонтов Виктор Васильевич

Куряев Федор
Крикунов Виктор Васильевич
Кузьмин Михаил Андреевич
Кузнецов Иван Леонтьевич
Куликов Василий Прокофьевич
Кумаев Иван Васильевич
Куприянов Василий Михайлович
Логунов Василий Петрович
Максимов Виктор Павлович
Майтак Михаил Степанович
Малькова Юлия Сергеевна
Мамылин Иван Николаевич
Милушов Александр Семенович
Молчанов Виктор Алексеевич
Мыльников Дмитрий Михайлович
Мышьяков Василий
Недоносков Юрий
Нетфуллов Мирза
Нефедов Иван Алексеевич
Никитин Алексей Николаевич
Носов Иван Михайлович
Нуруллин Насык
Паньшин Петр Михайлович
Панкрушин Григорий Емельянович
Пильщиков Николай Иванович
Петров Борис
Платонов Федор Алексеевич
Полетов Алексей Константинович
Поляков Михаил Николаевич
Савельев Евгений
Саврасов Герман Игнатьевич
Самарцев Михаил
Свидерский Алексей Александрович
Серов Петр Михайлович
Ситник Павел Иосифович
Сладков Петр Васильевич
Совалев Степан Иванович
Страшнов Иван Степанович
Тенцев Михаил Владимирович
Тимошкин Иван Григорьевич
Тойгильдин Иван Федорович
Уваров Александр Михайлович
Филиппов Иван Павлович
Фиоктистов Василий Иванович
Храмцовский Аркадий Васильевич
Чернов Николай Николаевич
Чердакчиев Николай Емельянович
Чертухин Александр Петрович
Чимбарцева Мария Георгиевна
Чуманов Евгений Васильевич
Шевченко Григорий
Шулаев Константин Дмитриевич
Шушарина Мария Федоровна
Щелков Павел Иванович
Яблочкин Алексей Филиппович
Якубов Акзам
Яшнев Алексей Степанович

*К 95-летию видного деятеля
международного коммунистического
движения, органов госбезопасности,
Генерального секретаря ЦК КПСС
и лидера Советского государства
Ю.В.Андропова*

Товарищ председатель

Юрий Владимирович Андропов родился 2 (15) июня 1914, как указано в официальных документах - на станции Нагутская Ставропольского края, в семье железнодорожного служащего. Станцинешка эта находится между Минеральными Водами и Невинномысской. Очень рано в 1930-м, не получив образования или специальности, он ушел на заработки. Сначала работал в Моздоке рабочим телеграфа, затем какое-то время матросом на Волге. Двадцатилетний Андропов осел в скромном верхне-волжском городке Рыбинск. Учился в техникуме водного транспорта. В 1936-м окончил техникум но, работал уже комсоргом ЦК ВЛКСМ на судовой верфи им. Володарского Рыбинского речного порта.

В 1937-м он переводится в Петрозаводск на другую комсомольскую работу. После известных сталинско-ежовских "чисток" в партии, комсомоле и армии, когда был расстрелян и Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косырев, молодого работника Андропова переводят в Ярославль, где избирают первым секретарем комсомола крупной по промышленному потенциалу и географическому положению Ярославской области. И только в 1939-м Юрий Владимирович становится членом ВКП (б).

После войны с Финляндией Сталин создал Карело-Финскую Советскую Союзную Республику. Пусть в этом было и много фикции даже по национальному составу в ней, но маленькая территория, обретая данный статус, предполагала размещение здесь союзного Совмина и своего ЦК Компартии. Андропов переведен в Петрозаводск, где избирается первым секретарем ЦК ЛКСМ. Здесь молодого и делового коммуниста примечает старый революционер, известный деятель Коминтерна, избранный первым секретарем ЦК Компартии К-Ф СССР, финн Отто Куусинен.

В октябре 1941-го немецко-финские войска взяли Петрозаводск. Куусинен и весь советский, партийно-комсомольский, руководящий аппарат К-Ф СССР перебрались в Куйбышев, а затем в Москву. Здесь Ю. Андропов участвовал в руководстве партизанским движением на территории оккупированной республики. Достаточно примечателен факт скромности этого человека, когда он возглавил ЦК КПСС, некоторые литературные прилипы к нему с предложением сочинить его мемуары о деятельности карельских партизан,

по примеру “Малой земли” маршала Л.Брежнева, - Андропов отнесся к предложению сугубо отрицательно...

В июне 1944-го Петрозаводск был освобожден советскими войсками, и туда сразу же вернулось все руководство, в том числе Ю.Андропов с семьей. Теперь его избирают уже секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947-м - вторым секретарем ЦК Компартии республики.

В 1951-м он вызван в Москву, где начинает работать инспектором, затем заведующим подотделом по международным вопросам ЦК КПСС. Непосредственным руководителем его, кроме Куусинена, стал секретарь ЦК по международным вопросам и наш земляк М.А.Суслов.

С 1953 года Ю.В.Андропов назначается послом в Венгрию. Именно там, в 1956-м, в полной мере проявились его дипломатические, организационные, партийно-политические качества, жесткость и принципиальность в решении оперативных и стратегических вопросов. Умер И.В.Сталин. Н.С.Хрущев взял курс на развенчание культа личности своего предшественника, чем был буквально шокирован весь коммунистический мир...

В Венгрии это выразилось в более острой обстановке: диктатором страны был жестокий руководитель, еврей Ракоши, ставленник расстрелянного уже Л.П.Берии. В стране шли массовые аресты и казни людей по политическим мотивам. В июне 1956 года Ракоши был отстранен от руководства. К власти пришел Имре Надь. В Первую мировую войну он был австро-венгерским военнопленным в России. В гражданскую - служил здесь в отрядах красных интернационалистов, принимал участие в расстреле семьи императора Николая Романова, затем успешно сотрудничал с НКВД, работал в Коминтерне. Приняв руководство над Венгрией, он получил поддержку от югославского руководителя и коммуниста-раскольника И. Броз-Тито, главы венгерской католической церкви кардинала Миндсенти, западных спецслужб (после разгона мятежников Надь скрылся в югославском, а кардинал - в американском посольствах). Восстание антикоммунистических сил в Будапеште шло под лозунгом “Русские, - домой!”, в городе пролилась кровь...

Посол Андропов в этой ситуации проявил настойчивость и требовательность и, когда в Будапешт с проверкой ситуации прибыли члены Политбюро А.Микоян и М.Суслов, сумел убедить их в необходимости замены И.Надя на репрессированного ими, но стойкого просоветского коммуниста, венгра Яноша Кадара и ввода в Венгрию советских войск. Вечером 1 ноября советские танковые колонны перешли границу с Венгрией, а 4 ноября уже заняли Будапешт, восстание было подавлено, его лидеры взяты под стражу. В Венгрии уже под руководством Я.Кадара на 35 лет был восстановлен мир и стабильность в обществе, экономическое процветание.

А главный деятель этой победы разума над истерией национализма Андропов в 1957 году возвращен в Москву, где становится зав. отделом, ведущим курирование над соцстранами, а в 1961-м - членом ЦК КПСС и в 1962-м - секретарем ЦК. В середине 1967-го, в результате упрочения в партии власти Л.И.Брежнева и ряда аппаратных перестановок, освободилась должность председателя КГБ СССР. На эту ответственной должность Политбюро назначает Ю.В.Андропова и, впервые через 14 лет после Л.Берии, его избирают еще и кандидатом в члены Политбюро.

Его деятельность в руководстве органов госбезопасности страны была особенно заметна. В те годы КГБ вел успешные действия против западных разведслужб, значительно ослабив их шпионский потенциал. Разведка Советского Союза получила новый качественный импульс, возросли ее потенциальные и экономические возможности, завербованные нами агенты работали вплоть до разведштабов и аппарата правительств даже таких “закрытых” в этом отношении стран как США и Великобритания. В разы усилились возможности научно-технической разведки, ее электронных средств радиолокации, были переоборудованы специальные суда в ВВС и ВМФ. Советский народ особенно одобрял действия КГБ в области борьбы с коррупцией, экономических преступлений, взяточничества. На памяти тех лет разоблачение воров самого высокого ранга: в Краснодарском крае (Сочи), на Кавказе, в Узбекистане, позднее в Москве. Некоторые коррупционеры были даже приговорены судами к расстрелу. Андропов лично причастен к разоблачению неблаговидных действий в аппарате министра МВД Щелокова, в семье самого генсека Брежнева...

Но интересна нам деятельность подчиненных Андропову структур, занимавшихся внутривнутриполитическими проблемами и защитой конституционного строя. С одной стороны, либеральствующий Андропов (он сам нередко сочинял стихи, но запрещал их публиковать, любил слушать и ценил политические анекдоты), всецело способствовал выходу на сцены спектакля драматурга М.Шатрова (Маршака, родственника А.Рыкова) “Так победим!” и стал инициатором посещения премьеры членами Политбюро. Поэт Е.Евтушенко (Гангус) имел личный телефонный номер шефа КГБ и мог созвониться с ним в любое время. Андропов имел личные встречи с писателем и редактором “Литературной газеты” А. Чаковским, протекционировал модному режиссеру Львову-Анохину...

С другой стороны - Андропов был инициатором высылки из СССР А.Солженицина, из Москвы - академика А.Сахарова, музыканта М.Ростроповича и певицы Г.Вишневской, диссидента А.Щаранского (ставшего в Израиле министром), ареста и заключения в лагерь писателя Л.Бородин, четырех руководителей Социал-христианского союза освобождения народа, генерала П.Григоренко, научного сотрудника А.Иванова. Он лишал руководящей работы в СМИ В.Ганичева (ныне - председатель Союза писателей России), С.Семанова (редактор популярного юридического издания “Человек и закон”), директора книжного издательства “Современник” Л.Прокушева и редактора В.Сорокина, редактора саратовского средневолжского литжурнала “Волга” Н.Палькина (журнал был закрыт), А.Никонова (редактор “Молодой гвардии”), им инициирован разгром редколлегий журналов “Молодая гвардия”, “Вечер”, “Вопросы истории”, “Наш современник”... В то же время в ЦК был возвращен ярый борец с русофильством и “деревенщиками-прозаиками”, отправленный Брежневым в “ссылку” послом в Канаду - А.Яковлев, ставший после главным идеологом в КПСС. В августе 1982-го Андропов - один из инициаторов интернациональной “помощи” ДРА и войны в Афганистане, освобождается со своего поста в КГБ и переводится в секретари ЦК КПСС и члены Политбюро. Так начинается его борьба за высшую партийную власть в стране. Все понимают, что на его стороне не только

молодость по отношению к остальным старцам в ЦК (Андропову только 67 лет, а остальным, всем вместе одиннадцать членам Политбюро, на круг - 989!), на его стороне армия, в лице сторонника афганской авантюры министра обороны Д.Устинова, а также созданный им впервые в КГБ в 1974-м сверхсекретный отряд, первоклассно обученная и вооруженная "Альфа".

Потому, когда из Кремля одного за другим начали вывозить на пушечных лафетах на кладбища "долгожителей" от КПСС, а 10 ноября 1982 года - и самого всенародного любимца, генсека Л.Брежнева, вопрос о его преемнике практически уже не стоял. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Ю.В.Андропов. Его избрание в высшее руководство страной было одобрено основной массой советского простого народа. С ним связывали надежды на укрепление общей дисциплины, внутриэкономические преобразования, искоренение воровства, мздоимства, коррупции...

Однако эта деятельность Андропова и КПСС была хотя и эффективной, но недолгой. Более всего народ запомнил генсека тем, что при нем была выпущена массовая и дешевая водка, тут же прозванная "Андроповкой"...

После тяжелой и долгой болезни, 10 февраля 1984 года Ю.В.Андропов скончался в больничной палате ЦКБ, оставив после себя память, как самый эффективный и разумный руководитель органов госбезопасности и очень скромный в быту человек, непримиримый борец за чистоту рядов партии и Советов, руководителей-хозяйственников.

2 июля – исполнилось бы 106 лет известному советскому разведчику-фронтовику Вильяму Фишеру (Рудольфу Ивановичу Абелю). В 1957 году он был, как агент-нелегал арестован в США и посажен в тюрьму и только в 1962-м обменян работниками ЦРУ на арестованного КГБ Гери Пауэрса, сбитого нашими ПВО летчика американского самолета-шпиона...

Его любили все - и люди, и животные, и даже... враги

Рудольф Иванович Абель – был псевдоним советского разведчика Вильяма Генриховича Фишера (при аресте в США он назвался фэбээровцам именем своего советского товарища по службе, и до обмена они так и не узнали его настоящего имени), а он еще долго после возвращения на родину носил свой псевдоним, под которым его знают многие и сегодня. Абель - автор воспоминаний о своей рискованной службе разведчика-нелегала в годы Великой Отечественной войны и после нее, опубликованных в сборнике «Чекисты рассказывают» издательством «Советская Россия», а отрывки из его биографических заметок публиковала газета «Неделя», на них мы и будем опираться.

«Я родился и вырос в семье рабочего-металлиста, - вспоминал Рудольф Иванович, - большевика-революционера, ученика и соратника Владимира Ильича Ленина по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Все, кто окружал отца, отличались жизнерадостностью, неистощимой энергией, деятельностью... Они своим примером воспитали во мне уважение к старшим, любовь к труду, преданность делу. Немалое значение имела также служба в Красной Армии, куда я ушел по призыву в 1925 году; большую роль сыграл и Ленинский комсомол, ну и, наконец, должен подчеркнуть влияние старых чекистов, с которыми я начинал работу в ВЧК».

Рудольф Абель начинал свою службу чекистскую в радиороте, вместе со знаменитым полярником Кренкелем и будущим народным артистом Царевым. Он вьедливо изучал криптограмму, математику, искусство. Впервые выходы за рубежи родины совершал почти легально, как представитель Коминтерна, затем ушел в «нелегалы». Работал тщательно и эффективно. Прекрасно говорил на пяти языках, не знал провалов и добывал ценнейшую информацию, как

военно-стратегического, так и политического, научно-технического характеров. Долгое время после войны некоторые люди в СССР были уверены, что Штирлиц из романов Ю.Семенова был списан с удачливого разведчика Абеля, проникнувшего в самое логово фашистов. Хотя это далеко от действительности...

Отправив семью в эвакуацию в Куйбышев, Рудольф Иванович сам отправился готовить профессионалов-радивистов для разведки в Подмоскovie. Там и случился эпизод, наглядно говорящий об особой тщательности Абеля в работе даже с бытовыми мелочами, которые, порой, имеют решающее значение в жизни разведчика. Он ехал с работы в столицу. Электричка была переполнена. Абель, случайно, стоя прижатым к двум молодым людям, услышал их разговор. «Давай выйдем на следующей станции, а то как бы не проехать Москву», – предложил один, а другой согласился с ним.

Эти люди, поняв чекист, не знают, что электрички не ходят транзитом через город! А вот, например, в Берлине, электропоезда проходят через столицу Германии...

Парни все же доехали до Ярославского вокзала столицы, где Абель попросил военный патруль проверить их документы. Позднее он узнал, что его «крестники» были арестованы и оказались немецкими шпионами. А дело было в августе 1941 года!

Потом были у него и «ходки» за линию фронта. О его боевом умении и высоком профессионализме говорят боевые награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, два Красной Звезды, медали.

В 1948 году, путем сложных перемещений по Европе и смены документов, Абель прибыл на «постоянное место работы», определенное ему Центром, - в США, ставшие к тому времени самым вероятным противником СССР на мировой арене. Разведчик долго вживался в отведенную ему роль, пока не начался сбор разведданных. Абель, как руководитель-резидент разветвленной сети агентов-нелегалов, ставил своим товарищам задачи, принимал через связных отчеты и добытые данные, шифровал-криптографировал их, передавал в центр. Он был асом в своей работе...

Проживал в Америке под тремя именами, в трех адресах. В отеле «Латам», например, в нем видели бизнесмена Мартина Коллина. А вот с конца 1953 года он жил постоянно в Бруклине, на Фултон-стрит, 252, под именем Эмиля Голдфуса. Здесь все его знали как художника и профессионального фотографа. «Я старался ничем не выделяться, - вспоминает Р.И.Абель, - среди несчастных и одиноких в бедности скромных поэтов-самоучек, безвестных художников: питался скромно, жил без семьи»...

Когда, подставленный своим связником-предателем Рейно Хейханненом, сработавшем на низком профессиональном уровне, Абель был блокирован прямо на своей квартире после радиосеанса с Центром, имея на руках полученную шифровку и микрофильмы-письма от жены и детей, которые разведчик не мог уничтожить в тоске по родным, - этот боевой офицер не потерял самообладания. Спокойно дал произвести обыск и попросился только в туалет, а там, на глазах у американских профессионалов из ФБР, сумел спустить в унитаз эти ценнейшие, компрометирующие его и советскую разведку материалы.

Потом последовали изуверские допросы, заманчивые предложения о перевербовке, провокации, угрозы. Он выдержал это стойко. Как и полагается настоящему полковнику-чекисту. Только 14 октября 57-го начались слушания по сфабрикованному делу в суде Нью-Йорка. Абелю ставили в вину: заговор с целью передачи СССР атомной и военной информации (смертный приговор), заговор с целью сбора такой информации (десять лет тюрьмы), пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в госдепартаменте (пять лет заключения). Рудольф Иванович попросил «назначить ему защитника по усмотрению ассоциации адвокатов». Таковым стал американец Джеймс Бритт Донован, известный тем, что был не только однофамильцем основателя УСС-ЦРУ Уильяма Донована, не только работал под началом этого умудренного разведчика, но и был помощником главного обвинителя от США на Нюрнбергском судебном процессе над главарями фашизма. После обмена Абеля на шпиона Пауэрса адвокат написал книгу «Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля». И там он, как и потенциальный, идейный противник, и как объективный, честный человек дал нашему герою такую оценку: «Абель – культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он свободно говорил по-английски и прекрасно ориентировался в американских идиоматических выражениях, знал еще пять языков, имел специальность инженера-электронщика, был знаком с химией и ядерной физикой, был музыкантом, математиком и криптографом... Рудольф – человек, обладающий чувством юмора. Как личность его просто нельзя было не любить...» Адвокат сумел эффективно противостоять фактически слабому обвинению, предвзятости судей, завоевал симпатии присяжных. Абель получил в совокупности 30 лет заключения, а не смертную казнь, благодаря тому, что Донован сумел убедить и судей и руководителей государства в том, что советский, крупный разведчик понадобится, когда в СССР будет пойман американский шпион достойного Абеля ранга. Он не только посещал Абеля в тюрьме, носил ему необходимые вещи и продукты, договорился с надзирающими о разрешении его подзащитному рисовать картины, вышивать (потом тюремное начальство использовало талант Абеля, заставляя его рисовать по 2000 рождественских открыток для поздравления родственников и заключенных), но сделал для нашего полковника нечто большее. Устроил встречу Абеля с директором ЦРУ Алленом Даллесом и тот – разрешил своему визави переписку с родными в СССР, по которым Рудольф очень скучал. Что было немаловажно для 55-летнего человека, получившего такой огромный срок...

Донован, говоря о возможном обмене Абеля на равноценную фигуру из США, как в воду смотрел! 1 мая 1960 года советская ракета сбила самолет-шпион У-2 (новейшая разработка для ЦРУ), пилотируемый 30-летним полковником Гером Пауэрсом, арестованным нашей контрразведкой. Которому советский суд сохранил жизнь, определив, – всего десятилетний срок заключения. 10 февраля 1962 года такой обмен состоялся в присутствии адвоката Донована на берлинском мосту Глиникер-брюкке, прозванном русскими и американскими солдатами-фронтовиками – «Мостом свободы». Этот эпизод памятен нам по известному кинофильму «Мертвый сезон».

Абель в своих мемуарах не жалуется на тюремную жизнь в США, хотя «...вспоминал я и некоторых заключенных, с которыми пришлось жить в неволе. Среди них были «знаменитости» - вроде главарей мафии Дженовезе и Костелло; Робинсона, первого осужденного по «закону Линдберга» за похищение дочери богача на выкуп; грабителей банков, жуликов всех мастей, фальшивомонетчиков и прочих... За четыре года, что я провел в Атланте, там перебывало свыше семи тысяч человек».

Возвратившись на родину, Абель был сильно истощен физически и нервно. Отдыхал, лечился, писал отчеты. Затем работал наставником молодых кадров в разведшколе. Вышел на пенсию и жил под Москвой на даче с женой и двумя дочерьми. В «Комсомольской правде» приемная дочь разведчика Лидия Боярская (сама в прошлом фронтовичка-орденоносец и сотрудник КГБ) вспоминает, что отец любил возиться с разными животными, которых ему сплавляли дачники. Выхаживал их, кормил. И кошки, собаки, птицы – отвечали ему взаимной любовью...

Он ушел от нас в 1971 году на 69-м году жизни. А жаль! Сколько доброго и умного, интересного и рискованного мог бы еще успеть сделать этот герой.

Диверсанты Великой Отечественной

Диверсионные отряды появились в тылу немецких войск практически в первые же месяцы войны. В основном они стихийно формировались из попавших в окружение частей РККА, были и первые отряды профессионалов-чекистов, переходивших линию фронта, появились первые партизанские формирования.

К декабрю 1941 года диверсионная подготовка формирований НКВД была поставлена «на поток» и централизована. Под Москвой в тыл к немцам были массово заброшены отряды комсомольцев-диверсантов для проведения актов подрывной работы на важных вражеских объектах. В истории Великой Отечественной войны наиболее известен подвиг диверсантки Зои Космодемьянской, пойманной и повешенной врагами...

В 1943 году из диверсионных спецшкол НКВД пошли массовые выпуски профессионально подготовленных для этой работы кадров. Они десантировались целыми группами, создавали базы в тылу врага, объединялись с партизанами, создавали целые районы, освобожденные от немцев, вели настоящие боевые действия с отозванными с фронта на борьбу с советскими диверсантами целыми дивизиями врага...

Чекисты шли даже впереди наступающих войск, навязывая немцам бой перед атакой действующих армий. Диверсионные отряды действовали на самых неудобных участках местности. Десантировались с воздуха, моря, выходили из лесов. Их, как огня, боялись фашисты, поскольку профессионалы были неуловимы. А под откосы летели воинские эшелоны, горели склады, на минах подрывались автомобили, штабы, казармы врага.

Среди этих героев, воевавших за линией фронта, был и один из наших земляков, о котором мы хотим здесь упомянуть.

Отец Николая Аношкина был из крепких хозяев-крестьян в селе Старая Куликовка, Мелекесского района. За что и попал под раскулачивание и на долгие годы был сослан в Сибирь. Семья «кулака» - жена и семеро детей долго бедствовали, мыкались в селе по чужим углам. Николая поначалу даже в школу не принимали. Однако восьмилетку закончил в числе лучших и подался учиться в Самарский электромеханический техникум. Был после его окончания распределен в Башкирию.

Откуда призван в ряды РККА.

Год парень отслужил в 570-м стрелковом полку в Новосибирске, а к июню 1941 его часть была перебросена под Конотоп. С боями отступал до Киева, пока не попал в окружение. Немногим из четырех советских армий удалось

прорваться к своим. Уже за Сумами был пленен Аношкин и отправлен в прифронтовой сборный пункт военнопленных в селе Хрестителево...

Вываться из немецкого плена почти никому из защитников Киева не удалось. Но здесь вторично Николаю повезло. Выкупили у немцев, под видом родственника, сердобольные хохлушки. И - переправили в леса, где собирал партизанский отряд будущий Герой Советского Союза лейтенант Покровский. Его отряд, носил имя маршала Ворошилова, терзал немецкие тылы по мере возможности. Пока не влился в сформированный Центром чекистский диверсионный отряд «Запорожец». Это был один из немногих мобильных и боеспособных диверсионных отрядов в Восточной Украине.

Далее в документах Николая Аношкина появляется интересная запись: «С 1943-го по 1944г. - служба в органах госбезопасности. В/ч №404334, специальность - радист-телеграфист...»

А обстоятельства сложились так, что в январе 1943 г. самых подготовленных бойцов из чекистского отряда «Запорожец» перебросили на Большую землю, где под Тулой из них сформировали новый диверсионно-чекистский отряд «Штурм» и стали готовить к заброске в Брянские леса, с прицелом на наступление в Белоруссии.

О том периоде боевых действий чекистского диверсионного подразделения «Штурм» и о своем боевом товарище Аношкине (по конспиративным соображениям и твердой традиции воевавшем под партизанским псевдонимом - Анохин), - пишет воспоминания в книге «Ты помнишь, товарищ?...» командир «Штурма» П. Кочешков. Немало душевных и уважительных строк посвятил командир своему другу.

Это и беспримерные марши на сотни километров по лесам и топям. Это - бои с немецкими гарнизонами, минирование складов, подрывы железных дорог, воинских эшелонов, добыча разведывательной информации о передвижении вражеских войск...

Вся эта напряженная и крайне опасная, почти непосильная боевая работа диверсантов описанию не поддается. За нее красноречиво говорят такой факт, что Н.Аношкин за этот период был награжден орденом «Красной Звезды» и... орденом «Знак Почета» - самой редкой наградой для бойцов в период Второй мировой войны, его присуждали только тем, кто воевал в глубоком вражеском тылу. Правда, на руки эти награды, как и личные документы, чекистам-партизанам не выдавали. Они в сейфах штабов ждали возвращения хозяев из-за линии фронта.

Вот что сообщает командир отряда «Штурм» П. Кочешков:

«Я, как бывший командир партизанского отряда «Штурм», действовавшего в 1943 году в районе Белоруссии и Украины, подтверждаю, что боец Аношкин... при выполнении боевого задания по подрыву железной дороги и воинского эшелона противника, на перегоне между станциями Костюковичи - Белинковичи, был тяжело контужен в августе 1943 года и частично лишен слуха...»

Лечился Николай Федорович там же - в лесном партизанском лазарете. Лазарете, где не хватало не только хирургических инструментов, врачей достаточной квалификации, а порой и перевязочного материала. Партизанский лазарет к тому же должен был передвигаться вместе с отрядом, выполнявшим особые маневры и боевые задачи.

Войну чекист-партизан заканчивал уже в звании сержанта в рядах

Посадка в самолет диверсионной группы

Работа диверсантов - уничтожение фашистского эшелона

действующей армии, освобождая Восточную Пруссию. До октября 1945 года он, уже военнослужащий 793-го батальона аэродромного обслуживания 60-го района авиабазирования 4-й авиационной армии, только и мечтал о демобилизации, о дороге домой. Ясно, что в аэродромную службу его определили, как ограниченно годного к несению сложной боевой работы после ранения и контузии. Чекист умел сдерживаться, контролировать себя, однако ранения, ослабленность перед скорой Победой притупили бдительность диверсанта...

И вот однажды «брякнул», не подумав, в казарме среди солдатского спора, что «у немцев-то дороги отличные, не сравнить с нашей грунтовкой», - и по статье 165-й был осужден военным трибуналом Московского военного округа к 4 годам лишения свободы!

Итак, четыре года и лагерь в Вельске Архангельской области... Но - времена были уж очень суровые! Позднее не военные, а гулаговские власти выяснили: Аношкин - сын «кулака», да и в комсомол его не приняли, и в плену побывал... И 4 года «герою» - не срок!

28 октября 1948 года - ровно за год до освобождения - специальным лагерным судом «ИТЛ-Я» МВД СССР он «за хищения государственного и общественного имущества» был приговорен к 15 годам лишения свободы и 3 годам поражения в правах!

Сегодня это звучит смешно, - ну что может похитить в лагере зерк? Кусок мыла, хлеба, топор с лесоповала? Но в те времена было в порядке вещей.

Слава Богу, в марте 1953-го сталинская эпоха кончилась и, отсидев за «вредное происхождение и контрреволюционную пропаганду» почти 8 лет, Аношкин был амнистирован, а освобожден по постановлению Президиума Верховного совета СССР лишь в октябре 1954-го! Правда, со снятием поражения в правах. Теперь ему, фронтовику, доверяли придти на избирательный участок и проголосовать там за указанного кандидата или - без ограничения появляться в больших городах, поселках, где располагаются и стратегически важные объекты...

Реабилитация героя войны и возвращение ему звания и наград и есть самое твердое доказательство его невиновности! Ордена и медали воину возвратили уже только в 1966 году...

Потому и выбрал герой-диверсант свою родную Куликовку, где и в помине не было никаких стратегических объектов, опять сработала чекистская выучка на осторожность. А там, поди, было чуть слаще жизнь, чем в «Вельсклаге».

Продкарточки, колхозные трудовни, недоверие односельчан. Познакомился он в это время с красавицей Анной, сыграли свадьбу - да подались искать молодое семейное счастье в Мелекесс. Так и прожили здесь без малого 50 лет вместе. 22 года Николай Федорович проработал мукосеем на 2-м хлебозаводе. Потом был в охране на КСК - и так - до самой пенсии. Росли сыновья Костя и Володя, потом внук и внучки, за ними - две правнучки...

Но, никак не давала покоя настоящая боевая слава, настоящего диверсанта, а особенно его зекская биография некоторым, сверхбдительным товарищам. Потому теребили и вызовами «куда следует», а там копались в его непростой биографии.

Однажды даже определили на лечение в психиатрическую лечебницу, как алкоголика. И это притом, что выпивал контуженный и израненный на войне воин-диверсант только по праздникам, не более 2 рюмок. И - совсем не курил

- профессия диверсанта не располагала к табачному дыму, который в любой момент мог выдать немецким жандармским и карательным отрядам не только курящего бойца, но и всю боевую группу на задании...

Мог презирать Аношкин-чекист недобросовестных коллег, но вот есть и такой документ в его семье, составленный иными работниками госбезопасности:

«Управление Агентства Федеральной Безопасности по Тульской области.

Действительно подтверждаем, что Аношкин Н.Ф. являлся бойцом партизанского отряда «Шторм», сформированного в 1943 году в Туле, командиром которого был П.С. Кочешков...»

В Туле не забывают своих боевых товарищей. Чтят настоящих фронтовиков, не завидуя их фронтовой судьбе...

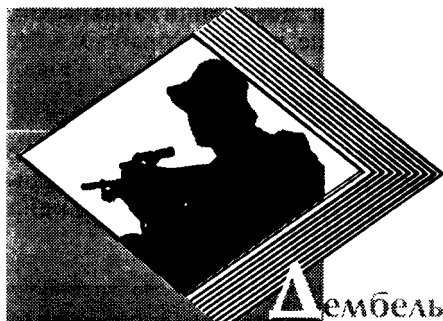
А скоро в Дмитровграде стало на кладбищенской аллее фронтовиков еще одной могилкой больше. Не выдержало ветеранское сердце. Исыкали силы и энергия, с которой он «заваливал» фашистские эшелоны, громил врагов в городах и селах в годы фронтовые.

Вечная память и Слава тебе - ветеран! Настоящий фронтовик и боец. Партизан. Диверсант. Чекист. Человек легендарной судьбы, имевший среди наград, кроме орденов, и такую редкую для наших мест медаль – «Партизан Отечественной войны» второй степени.

В.Домбровский

Отряд под командованием В.Квитинского перед отправкой в Чехословакию. Слева направо: П.Выходец, С.Кобелев, А.Олейник, В.Квитинский и М.Троицкий. Из архива Троицкого.

Дембельский альбом

28 мая свой профессиональный праздник отмечают российские пограничники. Пограничные войска теперь снова вошли в состав Федеральной Службы Безопасности, несут воинскую службу по всей границе нашей родины, являясь фортпостом России на самых передовых ее рубежах. О том, как димитровградцы, проходившие службу в Пограничных войсках, наш фоторассказ в новой рубрике альманаха «Дембельский альбом».

Океанские мили границы

Это сегодня Олег Георгиевич Силитов мирный димитровградский житель, директор Казанского филиала Центра микрофинансирования, у которого за плечами суровая служба на морских рубежах России. После окончания Бакинского высшего военно-морского училища прибыл он в Курильскую морскую погранбригаду на службу лейтенантом и прошел здесь весь путь до командира боевого корабля. Вместе с ним нелегкую пограничную судьбу разделила и его любимая жена Татьяна Юрьевна, с которой он вместе учился еще в школе с четвертого класса. Их фото периода начала службы на Курильских островах поместила на своих страницах газета Краснознаменного Тихоокеанского Пограничного округа «Пограничник на Тихом океане» еще в далеком 1984 году. С той поры эта газета, а также журналы «Пограничник» и «Вестник границ» не раз писали о боевой работе в море О.Силитова. 1 июля 1967 года на его корабле, прозванном нарушителями российской границы «Акулой» был поднят впервые Военно-морской флаг. За все годы службы его экипажем было пройдено почти 300000 миль, осмотрено и задержано более тысячи иностранных судов нарушителей, перевезено почти 200000 тонн грузов...

В большом очерке «Если веришь как себе...» майор В.Самотохин, корреспондент «Пограничника на Тихом океане», детально и красочно

рассказал об экипаже пограничного корабля и задержании тайваньских шхун браконьеров в нашей экономической зоне, причем, кораблем в тот период, когда его командир Я.Адамсонс был в отпуске, командовал капитан-лейтенант Олег Силитов. В этом материале от 7 ноября 1990 года следует и редакционная приписка: «Как нам стало известно, два офицера корабля переведены на вышестоящие должности. Капитан 3 ранга Янис Адамсонс назначен заместителем начальника штаба бригады, а капитан-лейтенант О.Силитов – командиром корабля. Коллектив редакции поздравляет офицеров и желает им семь футов под килем!»

*Курсанты Бакинского
высшего военно-морского училища.
Олег Силитов справа.*

*Лейтенант-пограничник –
таким О.Силитов
прибыл на Тихий океан.*

*Боевой экипаж пограничного судна со своим командиром
О.Силитовым на ремонте своего корабля в доке.*

*Работа досмотровой группы пограничников ПСКР-482
на японском судне-нарушителе водных рубежей России.*

Моряки-пограничники
из экипажа
О. Силитова на
безлюдном
острове
Кунашир
во время
передышки
в службе
собирают по
берегам
горной речки
так
необходимые
воинам
«витамины» -
черемшу...

Фото из архива капитана 3-го ранга, награжденного медалями «За отличие в воинской службе» II степени и «За отличие в охране государственной границы», командира пограничного сторожевого корабля «Амур» Олега Георгиевича Силитова.

От тайги величавой до высоких Карпат...

Глядя на респектабельного господина, каким выглядит сегодня заместитель проректора по научной работе и информационным технологиям Ульяновского государственного университета, доцент, кандидат технических наук, Почетный работник высшей школы Владимир Михайлович Плотцев, - никогда не подумаешь, что в начале семидесятых годов прошлого века он нес нелегкую пограничную службу. В Симферопольском погранотряде Плотцев учился в спецшколе младших командиров КГБ. Его давнее увлечение собаководством, участие в выставках собаководов Димитровграда и Ульяновска, пригодились молодому пограничнику как никогда в период его учебы и службы в Пограничных войсках. В числе лучших курсантов Плотцева отметил на выпускных экзаменах знаменитый советский пограничник Карацупа...

А вот служить Плотцеву пришлось не только как инструктору службы собак со своей овчаркой «Тарзаном», но и осваивать еще одну пограничную профессию – наездника. И конь «Веер» был закреплен за старшим сержантом Плотцевым на кавалерийской горной заставе в Мукачевском погранотряде.

Отроги Карпатских гор стали сторожевой тропой для нашего земляка, выходившего на охрану государственной границы. Даже пограничная полоса здесь в горах была буквально сделана воинами вручную – землю в горы носили в рюкзаках и выкладывали так всю полосу!

Но он, из рода Плотцевых, не спасовал перед этими трудностями. Его дед был офицером в Преображенском полку еще в Первую мировую войну. А вообще семью Плотцевых – Сергея Федотьевича и его жены – Анны Дмитриевны хорошо знали в селе Супоньево ныне Кошкинского района, где и было родовое поместье Плотцевых...

А служить Владимиру Плотцеву пришлось под командованием начальника заставы Константина Ивановича Орлова, в одной части с ребятами из Киевщины, Татарии, Башкирии, Житомира, Витебщины. Другом же был сержант Кантур, впоследствии солист из «Песняров»...

*Кавалерийская застава Мукачевского погранотряда
Пограничных войск КГБ во главе с ее командиром Орловым.*

*Пограничная
полоса
с погранзнаком
в Карпатах.*

Старший сержант Плотцев на своем боевом коне.

*Пограничники,
несущие службу
на хребте
«Поп Иван» и
с сопредельной
стороны
«Иван-поп».*

Пограничник В.М.Плотцев,
удостоенный следующих наград:
медалей «За ратную доблесть»,
«80 лет Пограничным войскам»,
«15 лет со дня вывода советских
войск из Афганистана», медали
Жукова, «За заслуги»,
знака - «Отличник Пограничных
войск КГБ СССР»

II степени;
благодарности от Президента
России В.Путина.

**На фото дед и бабушка
В. Плотцева в своем
родовом поместье.**

Приказ министра обороны СССР

29 сентября 1974 г. № 213 г. Москва

Об увольнении из Вооруженных Сил СССР в ноябре—декабре 1974 г. военнослужащих, выслуживших установленные сроки службы, и об очередном призыве граждан на действительную военную службу

В соответствии с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» приказываю:

1. Уволить из рядов Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск в запас в ноябре—декабре 1974 г. военнослужащих, сроки действительной военной службы которых истекают до 1 января 1975 г.

2. В связи с увольнением в запас военнослужащих, в соответствии с пунктом первым настоящего приказа, призвать на дей-

ствительную военную службу в Советскую Армию, Военно-Морской Флот, в пограничные и внутренние войска граждан, которым ко дню призыва исполняется 18 лет, не имеющих права на отсрочку от призыва, а также граждан старших призывных возрастов, у которых истекли отсрочки от призыва.

3. Приказ объявить во всех ротях, батальонах, эскадрильях и на кораблях.

**Министр обороны ССР
Маршал Советского Союза А. ГРЕЧ**

Полезные сведения из истории России

Наш город

С 1698 года наше поселение именовалось – МЕЛЕКЕССКИЙ ВИНОКУРЕННЫЙ ЗАВОД , а – 15 июля 1877 года Высочайшим указом Императора Всея Руси – Александра II – «Освободителя» - был переименован в – ПОСАД МЕЛЕКЕСС.

Но, выражая верноподданные чувства к правящей Династии, наши предки, в честь рождения Цесаревича Алексея и 300-летия Дома Романовых 13 сентября 1914 года обращались к Царствующим особам, с просьбой о переименовании посада Мелекесса в город АЛЕКСЕЕВСК, - в честь потомка Императора Николая II. Видимо, война 1914 года, грянувшая по всей Руси, не позволила Императору решить столь немаловажный в то время вопрос. Так мы -95 лет назад и не стали городом – АЛЕКСЕЕВСКОМ.

В 1918-м, когда наш ПОСАД МЕЛЕКЕСС брали с бою части Народной армии Самарского Комитета Учредительного Собрания и корпуса военнопленных чехословаков, никто и недумал, что они завоевывают ЦЕНТР СТАВРОПОЛЬСКОГО УЕЗДА И САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ на Волге – последние оплоты перед Симбирском и Казанью. Таковым, неопределенным до конца правительством Ленина-Троцкого, непризнанным ГУБЕРНСКО-УЕЗДНЫМ ЦЕНТРОМ оставался посад Мелекесс до 8 января 1919 года!

Интересно, что вернувшиеся из «беженства» посадские большевики не торопились с определением статуса нашего городка...

И – вот, – когда в Германии была расстреляна демонстрация пролетарски настроенных проституток во главе с большевичкой Кларой Цеткин, которая пошла под суд, ЗА ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, а потом была казнена, мелекесские «пролетарии», не составлявшие десятую часть населения посада, приняли НЕПРАВОПРИЕМЛЕМОЕ решение о переименовании МЕЛЕКЕССА в - город - ЛЮКСЕМБУРГ.

«Товарищи из Центра», в лице посетившего посад в вагоне агитпоезда М.Калинина – «Всесоюзного старосты», - поправили местных, зарвавшихся большевиков, - городок вновь стал – МЕЛЕКЕССОМ. И – только год мы были – ЛЮКСЕМБУРГОМ...

История о переименовании продолжается...

Факт, что 30 января 1919 года, когда и возник спор между местными властями и Центром по поводу переименования населенного пункта, и мог перейти в конфликт, спор был решен просто: название оставили прежним – МЕЛЕКЕСС, - но статус мы получили – ГОРОДА! В январе этого года исполнилось 90 лет со дня того события.

Так, оставаясь МЕЛЕКЕССОМ, имея управление и городским и районным хозяйствами, социо-культурным и политическим потенциалами, город и район жили – то отдельно, то – совместно - вплоть до ИЮНЯ 1972 года.

11 июня 1972 года – в честь 90-летия болгарского руководителя Компартии, репрессанта многих членов, возглавляемого им Комитерна, руководителя террористической организации в Германии, а после Второй мировой войны - диктатора Республики Болгарии - Георгия Димитрова, - город наш ПЕРЕИМЕНОВАН В «ОХЛОКРАТИЧЕСКИЙ» ДИМИТРОВГРАД! А через десять лет городу, ни с того, ни с сего, - был присужден орден «Дружбы народов»...

15 июля будет 132 года, как Мелекесс стал ПОСАДОМ в дореволюционной Российской Империи.

*Паровая мельница
Торгового дома Марковых*

Героическая песня России

*10 июля – День воинской Славы России.
300 лет, как Русская армия под
командованием Императора Петра I
наголову разгромила шведские войска под
Полтавой (1709 г.)*

В августе 1707г. шведский король Карл XII с 50-тысячной армией двинулся из Саксонии на Россию. У русской границы с ним должен был соединиться Левенгауптс 16-тысячным войском, стоявшим в Риге. Стратегический план Карла XII сводился к разгрому русской армии и занятию Москвы (движением через Смоленск).

Расчеты Карла XII на непрочность внутреннего положения Русского государства (боярская оппозиция) не оправдались. На его сторону перешел лишь украинский гетман Мазепа с небольшим отрядом.

Шведские войска, выступив в августе из Саксонии, в январе 1708 г. заняли Гродно и в середине июня переправились через Березину, а 7 июля заняли Могилев. В начале августа Карл XII выступил с войсками из Могилева в направлении на Смоленск.

План шведского короля - достигнуть Москвы через Смоленск - был сорван искусной обороной русских войск, действующих при поддержке населения. Шведские войска оторвались от своих баз и шли по опустошенной земле. Крестьяне зарывали хлеб в ямы, уводили скот, а сами уходили в леса. Дальнейший путь по прямой дороге на Москву по "оголощенной" местности грозил шведской армии гибелью. Карл XII повернул армию, следуя на Украину.

Весной 1709г. Карл XII, находясь со своей армией на Украине, решил возобновить наступление на Москву через Харьков и Белгород. Силы его армии значительно уменьшились и составляли 35 тыс. человек. Стремясь создать выгодные предпосылки для наступления, Карл решает быстро овладеть Полтавой, расположенной на правом берегу Ворсклы. Гарнизон Полтавы насчитывал 4 тыс. солдат, кроме того, были вооружены 2500 жителей. Героическая оборона Полтавы под руководством полковника Келина имела большое стратегическое значение, так как приковала к Полтаве шведские силы на три месяца (апрель - июнь) и дала возможность русской армии выиграть время для подготовки к генеральному сражению. Немногочисленный гарнизон Полтавы отбил около 20 штурмов, нанося значительные потери противнику.

В июне Петр I прибыл в армию, которая располагалась неподалеку от Полтавы и решил дать шведам генеральное сражение. Вечером 25 июня русская армия перешла ближе к Полтаве, к оврагу севернее деревни Яковцы, находившейся в 5 км от Полтавы, и устроила здесь укрепленный лагерь.

На открытом пространстве (до 1,5 км), окруженном лесом, было построено

шесть редутов в линию и четыре редута перпендикулярно линии первых шести, из них два редута не были полностью закончены. Редуты представляли собой полевые четырехугольные земляные укрепления и были расположены один от другого на расстоянии примерно 200 шагов. В битве участвовало со стороны русских до 42 тыс. человек, располагавших 72 орудиями, со стороны шведов - до 30 тыс. человек. Русская конница состояла из 23 драгунских полков и 1 эскадрона, из них 6 полков не принимали участия в битве, так как были направлены для связи с гетманом Скоропадским, который с отрядами казаков двигался на соединение с главными силами русской армии в направлении к Сорочинцам и Будинцам. Драгунские полки и отряд Скоропадского должны были образовать заслон и не допустить возможного отступления шведов за р. Днепр.

В ночь на 27 июня русские пехотные полки и артиллерия располагались в укрепленном лагере, Белгородский пехотный полк - в редутах, а вся конница под начальством Меншикова - в перелеске у поперечных редутов.

Замысел Петра I сводился к тому, чтобы измотать противника на передовой позиции и затем разбить его в главной баталии.

27 июня (8 июля) в 2 часа утра шведский король двинул свою армию к месту расположения русских войск. В первой линии шла пехота, построенная в четыре колонны, во второй - конница в шесть колонн. На подступах к русским укреплениям передовой позиции завязался бой за передние (продольные) редуты. Карл XII приказал коннице пройти между пехотными колоннами и выбить русских с занимаемых позиций. Так началась знаменитая Полтавская битва.

Первый этап битвы - бой русской конницы и Белгородского пехотного полка со шведами на передовой позиции. В 3 часа начался бой у редутов, который сопровождался ожесточенными атаками с обеих сторон. Отбрасываемые русскими войсками шведские конные полки, поддерживаемые пехотой, приводили себя в порядок и с новой силой обрушивались на русских драгун.

Бой длился уже около двух часов, а шведы овладели лишь двумя передними редутами, которые не были достроены. Но овладеть еще двумя продольными редутами они не могли. Карл XII приказал войскам податься влево и обойти редуты. Заметив этот маневр, Меншиков в свою очередь приказал драгунским полкам занять промежуток между Будищенским лесом и продольными редутами. Шведская армия не могла разместиться в боевом порядке между Будищенским лесом и продольными редутами, в результате во время разгоревшегося здесь боя часть шведских войск (шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов), отрезанная редутами, оторвались от основных сил и укрывалась в Полтавском лесу.

Петр I приказал Меншикову с драгунами левого крыла и с пятью батальонами пехоты из укрепленного лагеря уничтожить укрывшегося в лесу противника а Боуру принять командование над остальной конницей и "биться", если шведы будут атаковать только конницей, если же противник начнет атаку конницей и пехотой - начать отход к укрепленному лагерю, заняв позицию справа от него.

В шестом часу утра конница Боура стала отходить. Шведские войска

прорвались между поперечными редутами, гарнизоны которых оказывали стойкое сопротивление, и, наступая вслед за отходившей русской конницей, оказались своим правым флангом в 90-100 шагах от русского укрепленного лагеря. Русские полки встретили шведов сильным фланговым картечным огнем батарей лагеря и огнем ружей. Шведы, не ожидавшие огневого нападения, в беспорядке бросились к Будищенскому лесу.

Между тем полки Меншикова разгромили оторвавшуюся шведскую колонну. Здесь же они натолкнулись на резервный отряд шведов, прикрывавший правое крыло главных сил, и нанесли ему поражение. Затем Меншиков отрядил пехоту для преследования остатков разгромленных шведских сил, бежавших к Полтаве, а сам с конницей возвратился к главным силам, заняв позицию влево от лагеря.

Второй этап битвы - столкновение главных сил. После отступления шведов к Будищенскому лесу Петр I принял решение дать бой шведам на открытой местности. Пехота была выведена из лагеря и построена в две линии. В целях наилучшего осуществления взаимной выручки один батальон пехотного полка строился в первой линии, другой - во второй. На флангах размещалась конница: на левом фланге - Меншиков с 6 полками, на правом - Боур с 11 полками и 1 эскадроном. В резерв были выделены девять батальонов и несколько сот человек из дивизий. Резерв оставался в лагере и образовывал третью линию. Артиллерия под начальством генерала Брюса располагалась впереди по всему фронту. Всей пехотой командовал фельдмаршал Шереметев. Карл XII, чтобы удлинить фронт, выстроил пехоту в одну линию, а кавалерию - на флангах в две линии. В девятом часу утра русская и шведская армии пошли на сближение и после непродолжительного залпового ружейного огня бросились в рукопашную. Правое крыло шведских войск, при котором находился Карл XII, потеснило новгородский батальон, прорвав русскую линию почти у самого центра. В это время Петр I лично повел в бой батальон новгородцев, стоявший во второй линии, который стремительным броском смял прорвавшихся шведов, закрыв образовавшийся прорыв.

Ожесточенный рукопашный бой шел по всему фронту. Между тем русская конница, ведя успешно бой, охватывала фланги шведов, угрожая их тылу. Шведы дрогнули, начали отступать и через некоторое время обратились в паническое бегство к Будищенскому лесу. К 11 часам утра после почти двухчасовой главной баталии шведы, кичившиеся своей непобедимостью, были разгромлены.

Остатки шведских войск бежали по пути к Переволочне. Для их уничтожения были посланы посаженная на коней гвардия под командованием генерала Голицына и десять драгунских полков под начальством Боура. Командование преследующими войсками было возложено на Меншикова.

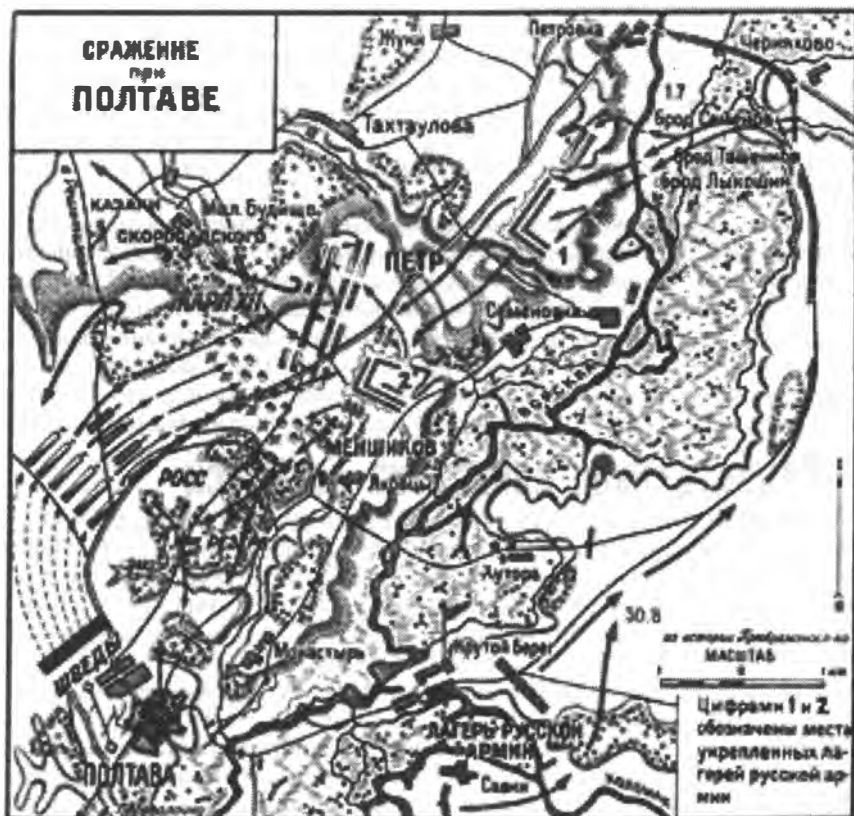
30 июня шведы были настигнуты у Переволочны. Более 15 тыс. человек во главе с Левенгауптом без боя сложили оружие, Карл XII вместе с изменником гетманом Мазепой и небольшой охраной в ночь на 30 июня переправился через Днепр и бежал в Турцию.

Шведский король потерял всю свою армию. На поле боя осталось 9234 убитых; взято в плен вместе со сдавшимися полками Левенгаупта 19 тыс. человек, в том числе весь генералитет и более тысячи офицеров. Русская армия потеряла 1345 человек убитыми и 3290 ранеными.

Битва под Полтавой имела огромное политическое и стратегическое значение. «...Карл XII, - писал Энгельс, - сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России». Полтавская битва изменила весь ход войны.

Победа под Полтавой явилась результатом долгой и упорной материальной, организационной и тактической подготовки русской армии, результатом хорошо продуманного и искусно осуществленного стратегического плана. Русская армия показала высокие боевые качества и тактическое превосходство над противником. Организация передовой позиции с редутами, трехчасовой бой на этой позиции, отделение от главных шведских сил колонны Росса и ее разгром, а также разгром шведского резервного отряда - все это новые явления в тактическом искусстве.

Источник - "История военного искусства", М., 1966.

Ученые доказывают: драконы существовали

Исследователи Международного союза криптозоологов, собравшего 800 ученых из 20 стран, на днях пришли к выводу, что на гербе Москвы изображено реальное, а не мифическое чудовище.

Чудовищная быль

Образ Георгия Победоносца, всадника-змееборца с копьем, появился на гербе Московского княжества при Иване III (1462 - 1505). Сохранилась до сегодняшнего дня и печать великого князя Ивана (1479 г.), на которой помещен воин, поражающий копьем маленького крылатого дракона. А на рисунке с фрески XII в. (церковь Святого Георгия в Старой Ладоге) так вообще изображено невероятное: чудовище-многоножка с хвостом крокодила, головой собаки и с крыльями, как у орла. Его ведут на веревочке, как домашнее животное.

Что это - нарисованные сказки наших предков или самая настоящая ЧУДОВИЩНАЯ БЫЛЬ?

- Этот самый Змей вполне мог обитать когда-то в российских лесах, - считает руководитель научной экологической программы РИКАНН (Российский интеллектуальный корпус актуальных научных направлений) Ирина ЦАРЕВА. - Многочисленные предания недвусмысленно указывают на то, что когда-то в европейской части России водились кровожадные драконы. Они обладали свирепым нравом: набрасывались на пеших и конных и разрывали их на куски. С ними боролись русские богатыри. А в Западной Европе их уничтожали средневековые рыцари, чтобы завоевать благосклонный взгляд дамы сердца.

Удивительная запись из летописи

- Это не такой уж абсурд, каким может показаться на первый взгляд, - говорит кандидат исторических наук, специалист по мифологии Ольга ЗАХАРОВА. - Ведь не только легенды и сказки повествуют о загадочных монстрах, напоминающих по описанию ящеров. Существуют и другие, вполне заслуживающие доверия источники, со сведениями о неведомых драконоподобных существах. К примеру, в тридцатом томе Полного собрания русских летописей можно найти удивительную запись, датируемую 1582 годом, из Новгорода: «...В лето изыдоша коркодилы лютии из реки и путь затвориша, людей много поядаша, и ужасашося люди и молиша Бога по всей земле. И паки спряташася, а иных избиша. Того же году преставися великий князь Иван Иванович, в Слободе, декабря в 14 день...» Спрашивается, что это за

«крокодилы» - крокодилы (?) - вышли из реки и напали на людей? Ведь дело происходило не в далекой Африке, а под Новгородом.

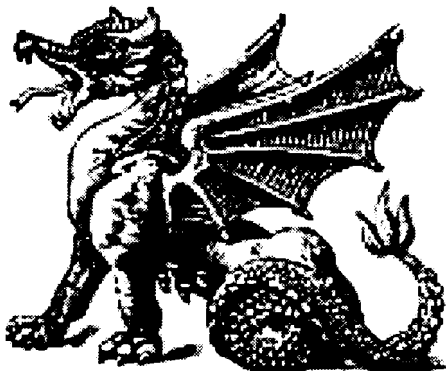
- И что? - интересуюсь я.

- Возможно, на Руси так окрестили драконов - сухопутную разновидность морских змеев, - говорит Ольга Владимировна. - А упоминание об этих монстрах можно встретить еще у Аристотеля и Еврипида, а затем в хрониках и исторических трудах средних веков. Сохранилось и древнее описание чудовища, датированное 600 г. н. э.: «Дракон - самая крупная из змей и вообще самое большое из всех существ, живущих на Земле. У него большая морда и узкие дыхала, через которые он дышит и высовывает язык».

Встречи со змеем

- А более современные описания есть? - интересуюсь я.

- Про драконов сегодня ничего не известно, но свидетельств встреч с морским змеем великое множество, - говорит Ольга Владимировна. - Пару лет назад мне звонил мой знакомый из ИТАР - ТАСС и рассказал, что на одной из китобойных баз в Индийском океане вертолетчики дважды наблюдали животных, похожих на исполинских змеев, 10 - 15 метров в длину. Змей

спокойно лежал на поверхности воды. Пилот вертолета снизился на 30 метров, и наблюдатель Игорь Долженко с помощью бинокля смог определить: морское чудище было толщиной в метр и имело светло-коричневую окраску. Через несколько минут был замечен второй такой змей.

А известный телеведущий Юрий Сенкевич рассказывал: «В одном эксперименте, связанном с сейсмикой, потребовался взрыв на большой глубине в океане. И мы вместе с моим товарищем - заметьте, биологом - внезапно увидели, как на расстоянии около полукилометра за кормой научно-исследовательского судна поднялось над водой какое-то огромное туловище и через мгновение исчезло в глубине».

Существование чудовища подтверждают и удивительные находки. В 1932г. у берегов Северной Америки произошло сильное землетрясение, выбросившее на берег множество трупов обитателей моря, в том числе и морского змея. У животного была заостренная голова и пасть, полная острых зубов. А в 1947г. на западном берегу острова Ванкувер в Атлантике был найден скелет удивительного создания 12 метров в длину с головой, напоминающей голову барана.

- Значит, чудовища существуют?

- То, что люди действительно видели морского змея, не подлежит сомнению, - говорит биолог, исследователь аномальных явлений Евгений ПОТАПОВ. - А описания монстров различаются между собой потому, что морские змеи могут принадлежать к разным видам.

Валерий ГОРДЕЕВ

Тайные истории Мелекесса-Димитровграда

2. Золотой запас и его хранители

История не такая уж далекая от наших дней. Относится она к 1919-му году. А начинается в июле 1918 года, когда войска Народной армии Самарского Комитета членов Учредительного собрания России, разогнанного Свердловым и отрядом матроса Железнякова, приступили к взятию и освобождению от большевиков Казани. Военный министр Комуча Лебедев, командующий войсками чехословаков Чечек, командир русского добровольческого офицерского корпуса Каппель взяли на себя всю ответственность за операцию под Казанью и стремительным штурмом ворвались в город. Именно это и предредило судьбу золотого запаса Русской Империи, захваченного новой властью и находившегося в подвалах казанских банков. Большевики не только не смогли организовать его эвакуацию, но и даже те, кто пытался «на своем горбу», вроде мелекесского комиссара Аблова, вытащить в чемоданах часть золота из боя, были выловлены и расстреляны каппелевцами на месте. В руках членов Комуча оказалось 500 тонн золота на сумму 664984357,63 рублей.

10 сентября Народная армия с боями отошла от Казани, но в отличие от большевиков, золотой запас был ими заблаговременно вывезен в Самару. Так, на долгие годы сохраняется история и легенды об эшелонах с золотом, перешедшим «по наследству» главе Сибирского директората – адмиралу Колчаку.

Нас же, в связи с начатыми поисками ульяновскими историками казны корпуса генерала Каппеля, якобы, зарытой в лесах под Мелекессом, тоже волнует судьба этого пропавшего небывалого клада. Давайте посмотрим на детали этой истории, вооружившись известными сегодня фактами. Итак, что же предстоит нам найти?

Накануне Октябрьского (большевистского) переворота в России золотой запас Русской Империи составлял более 1337 тонн. Куда «утекли» эти эшелоны золота? После отбытия на родину в Чехословакию из порта Владивостока корпусов генералов Чечека и Гайды, чехи сдали охрану эшелонов с золотым русским запасом, остававшимся еще в строю солдатам и офицерам Белой армии, но при этом, впоследствии, контрольная комиссия недосчиталась 27 вагонов!

Есть свидетельство замминистра финансов в правительстве Колчака Новицкого, сообщившего, что в 1920 году в банках разгромленной Чехословакии оказалось неожиданно 63050 золотых рублей (никولاевский рубль равен сегодня 12 долларам США). На эти деньги в Чехии был открыт

некий «Легио-банк». В Японии, не без помощи белых генералов, после гражданской войны было тоже открыто несколько банков, запас русских драгметаллов в которых составил более 200 тонн. Семь лет (с 1922-го по 1929 год) тяжбу с японцами об этом золоте вел русский атаман Забайкальского казачьего войска Семенов, в 1932 году получить по суду эти деньги пытался генерал Петров – все было тщетно!

Царским золотым запасом поживились, конечно же, и ленинцы. Какое-то количество вагонов было все же отбито ими у колчаковских войск под Иркутском и Читой. Расчет за пресловутый Брест-Литовский мирный договор с немцами произведен был и этим запасом – четыре эшелона чистого золота! Подсчитано, что только нижегородского золотого запаса, так и не попавшего в руки войск Лебедева-Каппеля, было переправлено в Германию всего 93535 кг, и 203 миллиона 635 тысяч бумажными ассигнациями.

Согласно Версальскому договору (статья 259), царское золото должно было только храниться во Франции и быть возвращено по первому требованию российских властей. Сегодня «хранители» должны нам, вместе с набегавшими за это время процентами, десятки миллиардов долларов, но не допускают и мысли о возврате наших денег! Хотя известны прецеденты, когда Литве было возвращено 3,2 тонны золота, в Албанию возвращено 1574 килограмма их золотого запаса.

Примечательно, что бывший российский премьер Виктор Черномырдин на вопрос о возврате долгов из Франции «честно» ответил: «Какое золото? Все ленинское, колчаковское, сталинское и прочее золото... нет его. И не будет его!» И тут же выплатил французам по... царским ценным долговым бумагам 400 млн. франков!

Золотой запас России. Казань, 1918 год

*А.В.Котчак
в рабочем кабинете*

Так сколько же вагонов из тех эшелонов с золотым запасом оказалось потеряно на российских дорогах от Казани до Владивостока? Нас этот вопрос волнует потому, что мы полагаем: небольшая доля – в виде казны каппелевцев – осела именно под Мелекесом и до сей поры не найдена. К такому выводу нас подводит признание заключенного Бутырской тюрьмы В.П.Хренникова. Об этом подробно говорилось в газете «Совершенно секретно» и телепередаче Андрея И – «Искатели».

В 1948 году Хренников заявил: «Мне известны обстоятельства сокрытия колчаковцами золота на территории Татарской АССР». Конечно, получив 25 лет тюрьмы, спасая свою свободу, можно и не в таком сознаться. Но вот что интересно: в 1929 году в советское посольство в Париже обратились

представители одного французского банка с предложением совместно поискать в СССР «173 ящика - пятьсот пудов золота в слитках и монетах царской чеканки, похищенного группой офицеров белочехов во время перевозки из Казани в Самару золотого запаса». Не верить французским банкирам нет оснований. Тем более нам – что-то знающим из этой истории. Но интереснее всего, что и советское правительство посчитало это за правду!

«Совершенно секретно» пишет подробно о том, что Госбанк СССР заключил с французами договор, по которому в Казань прибыли имеющие на руках ПЛАН ЗАХОРОНЕНИЯ КЛАДА француз – уполномоченный банка, полковник-англичанин, специалист по поискам затерянных сокровищ и два польских адвоката. Считая, что за ними и так будет негласный и неусыпный чекистский контроль, они отказались от предлагаемой помощи со стороны наших властей. Для нас в этой истории важно, что экспедиция долгое время водила за собой соглядатаев в МЕЖДУРЕЧЬЕ ВОЛГИ И ЧЕРЕМШАНА ПО ЛЕСНЫМ ПОЛЯНАМ. Все места остановок следом за кладоискателями были перерыты работниками Экономического управления ОГПУ, была даже временно выкрадена карта у англичанина и скопирована, но... Видимо, кладоискатели перехитрили чекистов, и золото обнаружено не было.

Бутырский сиделец Хренников уточнил, что при отступлении от Казани частей Народной армии Комуча, золотой запас отправляли в Самару на пароходах. Однако два больших грузовых автомобиля с золотом так и не прибыли на пристань. Командование посчитало, что они перехвачены противником. На самом же деле их похитил офицерский конвой. Машины ушли в ЛЕСНУЮ ГЛУШЬ, где ящики сгрузили в старом овраге и тщательно замаскировали. Когда выбирались на СИМБИРСКИЙ тракт, напоролись

*Командующий корпусом
Народной армии Комуча
и Сибирской армией В.О.Каппель*

на конный разезд красных. В скоротечном бою офицерский конвой погиб. Чудом уцелел только поляк Константин Ветеско. Его, раненого, подобрали местные крестьяне. Он долго жил в окрестностях Казани, навещался в овраг, нарисовал план захоронения, но потом его свалил тиф, и он умер, успев перед смертью передать свои записи брату Вячеславу. После гражданской войны брат железнодорожник Вячеслав Ветеско вернулся в Польшу, на полученные от умершего золотые монеты купил имение, обзавелся семьей. Затем вступил в переговоры с адвокатской конторой и банком «Люберсак», сумев их заинтересовать, но и подстраховался, рассказав всю историю эмигранту Хренникову. Но советские органы госбезопасности тогда, в условиях войны с Польшей, на контакт не пошли. А в 1948-м, поверив

Хренникову, чекисты выехали в Польшу, отыскали семью умершего Ветеско, обыскали его дом и сад и в корешке одной из книг нашли план захоронения золота, но... он не отличался от того, который был у французов! И еще целый год чекисты перелопачивали ПОЛЯНЫ И ОВРАГИ ПО ЛЕСАМ, но клад так и не нашли. Ничего не дали и допросы семьи Ветеско и их польского адвоката. Ключ к расшифровке плана найден не был.

В плане того, как Самарским правительством Комуча был захвачен в Казани золотой запас, интересны воспоминания генерала-эмигранта В.Лебедева. Город обороняли две стрелковые дивизии, полковой резерв штаба Восточного фронта, около дивизии из частей отошедших к Казани отрядов, оборонявших Симбирск, красные войска, собранные из нижегородских чекистов, отряды партийных и советских работников, эвакуированных из Самарской, Саратовской, Пензенской, Симбирской губерний, освобожденных Комучем от большевиков, и, что особенно важно нам, - отдельный полк латышских стрелков, особо преданных большевизму профессиональных военных – участников Первой мировой войны. Здесь припомним, что недавно почему-то именно Литва и Латвия получили возможность вернуть в свои суверенные ныне государства никогда ими не заработанные, мифические долговые миллионы долларов, прятавшиеся до поры в банках Европы...

В том направлении, которое интересует мелекесцев, вслед за отступавшими из Казани войсками Народной армии Комуча, под руководством генерала Каппеля шли части красного командира – мичмана Сергея Павлова. 24 сентября ими был взят город Чистополь, и его ударная группировка, состоявшая из анархистов моряков-балтийцев, буквально

на плечах каппелевцев рвалась к Мелекессу и Самаре! С чем это было связано? Откуда у «братков» вдруг образовалось такое безрассудство? Чем мог их заинтересовать наркомвоенмор Л.Троцкий, прекрасно знавший о военной мощи и профессионализме офицерских батальонов каппелевцев - ветеранов войны с германцами?

Берусь утверждать, что отряды Павлова были сформированы как первые части советского спецназа со специальной же задачей - догнать, перехватить и отобрать у комучевцев увозимый ими золотой запас!

Входезтого, безуспешного тогда, преследования группа Павлова была срочно доформирована головорезами, сочувствующими большевикам, и развернута в 27-ю стрелковую дивизию специального назначения. Причем, С.Павлов здесь, как не совсем благонадежный большевик-чуваш, стал только начальником штаба, а вот командование спецназом было доверено особо отличившимся в партии людям, членам РСДРП(б) с 1912 года: Алексееву, а затем - Яхлакову. Вслед за каппелевцами в Мелекесс ворвался передовой полк 27-й дивизии под командованием Я.Пунги, латыша из руководства той группой охранников золотого запаса, которые почти без боя сдали ценности десантникам Лебедева-Чечека в августовской Казани...

Следует отметить, что на флангах 27-й дивизии в бой шли тоже особо проверенные войска: Железная дивизия Гая и 25-я - будущая Чапаевская. А 27-й впоследствии командовали В.Путна и опять С.Павлов...

Еще один штрих из биографии 27-й. Заместителем у Павлова - замначштаба - был Б.Терпиловский - один из организаторов русского спецназа в войсках Брусилова в Первую мировую и сослуживец симбирского «Бонапарта» - М.Муравьева. Впоследствии он же командовал войсками спецназа Правой группы экспедиционного корпуса 5-й армии, разгромившей на территории Монголии части барона Унгерна...

Несколько замечаний по поводу золота, «украденного» офицерским конвоем на пристани в Казани. Мне не верится в версии произошедшего, озвученные Ветеско и чекистами. Слишком свято верили каппелевские офицеры, воспитанные в лучших традициях Русской армии, в свой долг и честь, на поле боя, на дуэлях ли легко отдававшие жизнь за Веру свою в Отечество, чтобы стать в одночасье грабителями! Скорее всего, ворвавшиеся в Казань спецназовцы-интернационалисты не дали времени на раздумье, оттого и часть конвоя с машинами и телегами, на которые было нагружено золото, просто стали самостоятельно пробиваться к своим на Самару. Само поведение в эти дни такого преданного присяге, воинскому и Белому делу военачальника, каким был фронтовик, штабс-капитан, получивший звание полковника в Народной армии Комуца, самарский дворянин, ставший командующим войсками Директории Колчака, - Владимир Оскарович Каппель, - наводит на многие размышления. (Слава Богу, прах этого выдающегося человека ныне возвращен из Харбина на родину, и перезахоронен в родных генералу краях.)

Почему начальник всех войск вместо того чтобы вовремя отойти на заранее укрепленные позиции и на запасной КП командующего, чего требовал Устав армии и тактическая обстановка, остается в самой гуще боев, отступает в непрекращающихся стычках с красным спецназом и чуть было не попадает в плен?

Что такого (если не большое количество золота) он ЛИЧНО прикрывает со своей гвардией, задерживая на минуты и часы преследователей? Из-за чего рискует жизнью и будущим? И последнее: за что предводитель Сибирской Директории, боевой адмирал А. Колчак, имея в своем распоряжении десятки боевых генералов, именитых военачальников, так беспредельно верит только Каппелю, произведенному им в высшие генеральские чины? Доверяет ему командование армиями прорыва, а затем главнокомандование всеми войсками, если на счету Владимира Оскаровича нет пока ярких побед, кроме взятия Симбирска и Казани?

Ответ на этот вопрос дали события января-февраля 1920 года. Преданный командованием союзной Антанты, чехословацкими грабителями, японскими самураями, сибирскими олигархами, собственным правительством и даже генералитетом Колчак пробивается по железнодорожному пути к Монголии или Владивостоку. Его личная гвардия и эшелоны с золотым запасом зажаты по флангам и с фронта чехами-предателями, среди которых уже идет свара из-за золота. Преследуется отрядами большевиков повстанцев-партизан и личными воинскими формированиями т.н. демократической оппозиции Колчаку, которую он не успел уничтожить, и ее лидеры вошли в предательское соглашение с большевиками...

Очевидец тех событий Д. Малиновский в газете "Новая русская жизнь" писал, что вначале поезд Колчака состоял из 8 эшелонов. В одном ЭШЕЛОНЕ РАЗМЕЩАЛСЯ ЗОЛОТОЙ ЗАПАС, ПРИМЕРНО 30 ТЫСЯЧ ПУДОВ ЗОЛОТА (это - не менее 500 тонн или около 20 вагонов!) Личный конвой адмирала составлял около 1500 человек. Но в Краснойрске чехи заставили Колчака сократить все до 3 эшелонов... Вот где уже начинаются потери золотого запаса! Затем в Нижнеудинске эшелоны блокируются на 2 недели. Адмиралу его же генералы-предатели ставят условие сохранения жизни: проезд только под охраной чехов, только в одном вагоне, только, сдав остатки золотого запаса тем же чехам...

Под давлением обстоятельств негибимый адмирал слагает с себя полномочия Верховного правителя Русской империи и передает их командующему Южной русской армией - генералу А. Деникину, тем самым как бы обозначив древнюю флотскую традицию: последним покидает гибнущий «корабль». Последним ли?

Через неделю ОДИН поезд с Колчаком подходит к Иркутску! Не есть ли это - отвлекающий маневр?

"Все меня бросили, ничего не поделаешь", - сокрушался Колчак. Говорят, за одну ночь он поседел... Через неделю в Иркутске разыграется еще одна русская трагедия! Естественно, что большевики требовали от Колчака сдать им весь золотой запас. Чехи отрицали факт перехвата ими вагонов с золотом. Куда же они подевались?

А здесь давайте вспомним, что еще под Красноярском от эшелонов Колчака отстал штаб главковерха войск адмирала - В. Каппеля. В то время, пока в Иркутске большевистская охранка "трясла" адмирала на предмет пропажи 20 вагонов с золотом, под Нижнеудинском части генералов К. Сахарова, С. Войцеховского и В. Каппеля начали форсированный марш на Иркутск. Свидетельства тех дней: Капель ГНАЛ ВОЙСКА НА ВОСТОК

НЕВЗИРАЯ НА МОРОЗЫ И ГЛУБОКИЕ СНЕГА, НЕ ШАДЯ НИ СЕБЯ, НИ ЛЮДЕЙ... Гнал... без эшелонов, доверенных ему Колчаком под охрану, пешим порядком...

На этот счет есть версия писателя Василия Звягинцева, считающего, что охраненные от разграбления 10-15 вагонов с золотом именно каппелевцы вывели на давно заброшенные железнодорожные ветки, ведущие от Нижнеудинска на Тайшет, на Братск и далее - северный путь будущего БАМа, где в горах масса недопробитых тоннелей. В одном из которых и “законопачен” до сего дня золотой запас!

А что же главный герой тех дней, главный хранитель казны и тайн Колчака - Владимир Каппель, оказавшийся на высоте своего долга, воинской доблести и удачи еще в боях под Казанью? Человек, которого высоко ценил Верховный правитель России, которому доверил не только “последний и решительный бой”, но и величайшую тайну столетия? Отвлекая на себя внимание, уводя противника в сторону от круглобайкальских тоннелей, Каппель действительно пытался помочь адмиралу, прорываясь сквозь сибирские морозы, бездорожье, сотни километров к берегам Ангары, подо льдом которой скоро успокоится с большевистской пулей в груди герой морской России, ее лучший адмирал и Верховный правитель...

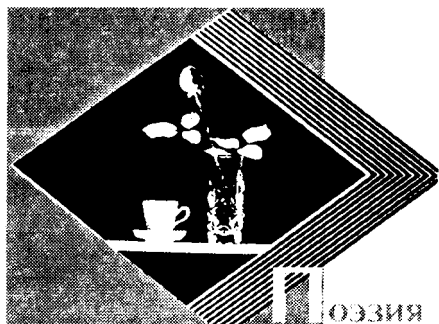
Владимир Оскарович же, гоня войска, не жалел и себя. Под станцией Зима вместе с конем провалился в ледяную полынь, отморозил ноги, а 26 января 1920 года умер от крупозного воспаления легких на разезде Утай уже под самым Иркутском. Войска повел генерал Сергей Войцеховский. 5-6 февраля их ледяной поход сквозь 40-градусные морозы, тифозные деревни, красные заслоны, где они никого не брали в плен, а сами, раненые, замерзали на месте, - закончился в Иркутске. Но где уже не было в живых их Правителя...

Нас же в этом случае интересует факт наличия или пропажи основного золотого запаса, возможно, действительно упрятанного его последними хранителями в байкальских тоннелях. А его первая - “казанская” часть, несомненно, была в таких же безвыходных для Каппеля ситуациях, в боях под Мелекесом, упрятана в лесных оврагах, глухих селах, как и архив его армии, ее казна, тяжелый скарб под деревушкой Бряндино...

*Памятник
на могиле В. О. Каппеля.*

(Продолжение следует).

Валентин МАНУХИН
Грезить рано о покое...

У ОБЕЛИСКА В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

9 мая – день Славы солдатской
И Праздник Победы народа над злом.
И вечный огонь
 над могилою братской, –
Как памятник
 павшим в сраженье с врагом...

Играет оркестр
 у плиты обелиска.
Внизу на ступеньках
 два друга сидят:
Два старых солдата,
 два бывших танкиста –
Товарищи
 здесь погребённых ребят.

Сидят, вспоминают,
Как здесь вот, под Ельней,
Стояли все насмерть
 за землю свою...
Грицко с Украины, Паньков из Тюмени –
Вот весь батальон,
 уцелевший в бою...

Да, им повезло,
что живыми остались,
И раны зажили,
но сердце саднит, -
Всё помнит и чтит всех,
с кем вместе сражались.
Их воинский подвиг велик,
не забыт...
Сидят и дивятся:
Как всё скоротечно,
Как круто меняется мира лицо.
- Распался Союз...
Украина безопасно
Стучится в дверь НАТО, -
вздыхает Гришко.
Бандеровцы ныне героями стали!
Кому и зачем эта кривда нужна?
Они нам, защитникам,
в спины стреляли,
А им всем за это
дают ордена...

- Неужто, Гришко,
власть вот этих уродов, -
Всерьёз хочет сделать
из братьев врагов?
Ведь издревле ясно:
для наших народов
Кто друг, а кто враг, -
рассуждает Паньков.
И новым бандерам - вождям «оранжистов» -
День нашей Победы –
хороший урок!
Пусть помнят,
чем кончились
марши фашистов
И их авантюрный поход на Восток...
Играет оркестр
у плиты обелиска.
На лицах -
и радость, и слёзы видны.
Сидят, поминают,
два бывших танкиста
Всех тех, кто погиб,
не вернулся с войны...

РОДНИК

Я слышал, как поёт река,
Как говорлив ручей весною.
Но тихий голос родника
Ласкает душу чистотою.

В лесном овражке средь берёз
Он вышел в свет, как Божье чудо!
И день, и ночь,
 в жару, в мороз,
Струясь, журчит
 на радость людям.

К нему идут и стар, и млад
Набрать живительной водицы -
Здесь чувства светлые парят,
И светятся улыбкой лица.

Спешу и я
 чуть свет тропой
Лесную песнь
 его послушать
И ощутить своей душой
Его божественную душу...

Когда встречаешь с ним зарю,
Забудь про беды и про годы,
Подставь ладошки под струю –
Глотни целебный дар природы!

* * *

Спешу на встречу с озером
Через ручей и бор,
Где солнце диском розовым -
Поэзии костёр!
Душа там исцеляется,
Теплеют взгляд и нрав,
И утро умывается
Среди душистых трав.
Водицу родниковую
Ладонью зачерпну,
Под песню тростниковую
Послушаю желну!
И в жизни всё вновь - праведно -
Всё на своих местах.
И сказано всё ж правильно:
Спасёт мир КРАСОТА!

* * *

Продавши совесть,
Не купишь уваженья,
И пришлое богатство не поможет.
Хоть золото очень ценится,
В том нет сомненья,
Но ИСТИНА и ЧЕСТЬ всего дороже.

* * *

Сколько в жизни не ловчи,
Зло не прячь, нувориш:
Коль фундамент из лжи –
Счастье не построишь.

* * *

Если деньги мутят разум,
Алчность сердце каменит -
Совесть, честность гибнут сразу,
Истина – в грязи лежит.

* * *

Сбежать сейчас бы в глушь,
Где лес, избушка, озеро,
От этой городской сварливой суеты.
Нужду, продажность, лживость, сплетни –
Всё бульдозером!
Забывшись вдалеке,
Сжечь в прошлое мосты...

Когда-то коммунизм
Словами власти строили,
Под стоны лагерей, без хлеба и жилья.
Теперь вот буржуа
Мучения устроили,
Создав страну чинуш, коррупции, жулья.

Народ пока молчит,
Всё терпит, всё надеется,
Что ВЛАСТЬ сама поймёт.
Так дальше жить нельзя.
Но дым, что ест глаза,
Без ветра не рассеется,
А ветру перемен сопутствует гроза...

* * *

Года летят,
Но грезить рано о покое.
Стараюсь устоять под тяжестью времён.
Спешу любить,
Творить добро, понять земное.
Иначе для чего тогда на свет рождён?..

В прошедшее смотрю
 смирненно и с улыбкой,
Чтоб настоящее ничем не омрачить.
Ведь совесть до сих пор
 за прошлые ошибки
Всё с назиданием
 по-старчески ворчит.

БЕРЁЗА

Стоишь ты одна у дороги,
В пушистый укутавшись снег,
И смотришь куда-то с тревогой
Задумчиво, как человек.

Осколки под белою кожей
Неровной лежат полосой.
Нет, я для тебя не прохожий,
Нет, я для тебя не чужой...

Но только давно это было.
Я, может, теперь не похож?
Вглядись, неужели забыла?
Да я это, я, узнаёшь?!

Ты вспомни:
Здесь рвутся снаряды,
Вокруг всё земное круша.
Вдруг женщина падает рядом,
Собою закрыв малыша.

Стояла ты белой-пребелой,
Когда, испугавшись, худой
Мальчишка к холодному телу
Прильнул и звал с плачем домой...

Я часто потом сюда бегал,
Трескучей зимой за село
И холмик укутывал снегом,
Чтоб матери было тепло.

Весною, примчавшись из дома,
От бабки к тебе босиком,
Берёзовый сок пил с истомой –
Грудное твоё молоко...

С тех пор я поездил немало,
Сдружившись с армейской судьбой,
Но ты дорога мне, как мама,
Убитая рядом с тобой.

И если во время учений
Берёзы вдруг гибнут в бою –
Прошу за солдат я прощенья
И шапку снимаю свою.

Больной ангел

Валерий ГОРДЕЕВ

Отвести беду стихами...

ПРИШЛАВОЙНА

Налетели, как вороны,
Стаи черных похоронок,
Занавешивают в избах
Зеркала...
Шиты бисером кисеты, -
Дети шлют бойцам приветы,
А на фронте все еще
Без перемен...
Под ремень рукав заправлен, -
Все село встречает парня:
- Как там наши?
- Может, без вести пропавший,
Но - живой?!
Пролетают над полями
«Птицы» с черными крестами, -
Значит к самому крыльцу
Пришла война...
Круто стрижены мальчишки,
Отложив на время книжки,
Из-за парты привставали -
Прямо в бой!
Пол-Европы прошагали,
Тост победный поднимали
За себя
И тех, кто с ними не дошел...
Громяет канонада,
Но пугаться нам не надо,
То не бой гремит, -
А праздничный салют!
Обелиск - живую память
На селе решили ставить -
Все герои
Возвращаются домой.

Дома им - почет и слава,
Вся земля им - братской стала.
Только - ярче пламя
Вечного огня...
Всем, восставшим из гранита,
Люди головы склоните,
Здесь бессмертье
Обрели вчера они.
На израненной земле
Все равны уже здесь стали:
Кто кормили, одевали, воевали!
Но не все свои
Получат ордена...

Меня простят мои однополчане
за скорбное и долгое молчанье,
за ничего не значащие строки,
за их красоту, и за их пороки,
за главный смысл того, что мы творили,
о чем поэты - не заговорили...
Меня простят мои однополчане
за то, что часто трезвым не встречали,
ведь нас венчал на службу, будь он проклят, -
нам суженый Сибирский военокруг!
Любимый нами, клятый тоже нами,
и нами почитаемый, как знамя.
Меня простят мои однополчане,
что выражался матом, не стихами,
мое высоким слогом увлечение, -
несбывшееся мне предназначенье,
как наше равнодушие к скрижалям,
но... все же мы от них не убежали.
Меня простят мои однополчане, -
Мы не об этом времени мечтали!
Готовились миры перевернуть,
но так и не собрались в долгий путь...
Быть может, мне и не хватило слова,
до боли жилы не тянул я снова?
Вот жду, когда простят однополчане,
мы все фальшиво в жизни отзывали:
стихи зачали и детей зачали,
на оскорбленье смехом отвечали,
тревожно спали липкими ночами, -
страны огромной все - ОДНОПОЛЧАНЕ...

Простили все!
А дети нас спросили:
«Как сдали иноверцам вы Россию?!»
Что я за вас отвечу, земляки?
Я не писал великие стихи...

Глаза остудно угасали
Под желтым лбом.
Слова последние сказали
под медный гром.
И тупо гвозди заходили
в мореный дуб.
Глазницы черные следили,
стон рвался с губ...

Ну вот, - еще на одного
нас меньше стало.
Чей срок идет?
Ещекого -
граним металлом?!

НЕ ИВАНЫ И НЕ ГРОЗНЫ

Неказисты те солдаты,
Что большой войной росли:
Грубоваты, хромоваты,
Ростом-то - коротковаты,
А, поди ж ты, донесли
Стяг - могучий, заскорузлый,
Весь в крови солдатских ран,
До земли берлинской, чуждой,
И в рейхстаг воткнули там!
Сколько было сердцу милых
Той войною городов...
Прносило, пропылило,
Все Победой замирило
Пред войной, -
Под родной вернуло кров.
Изб соломенные главы
Низко кланялись ветрам.
Что там - право,
Что - неправо, -
Прощено.

Не имут сраму -
Покалеченные с виду,
Метр с шапкою бойцы.
И, раскрыв походный «сидор»,
Угощают нас отцы:
Кус, испятнанный махоркой,
К чаю сахара,
Размен,
Шириной с ладонь, - для порки -
Офицеристый ремень,
Со звездой пилотку-лодку,
Семь фарфоровых слонят,
Шнапс во фляге -
Всем «по сотке»,
Два отреза на наряд...

Удивительное дело! -
Как с похмелья, -
От войны, -
На бардак они глядели
Тихо так, -
Со стороны.
На работу шли всё сучью:
Косарем на сенокос,
На реку, вонзая крючья
В топляки,
На паровоз...
Дорожили партбилетом
С лысым черепом вождя,
Только верили при этом -
Все в народные приметы
Коммунизма, -
Как дожда...
По райкомам «гренадеров»,
Телом «гладких» и лицом,
В кителях, - не в гимнастерках,
Подбирали... подлецов.
Путь, указывая сладкий,
Поводя рукою вдаль,
«Гренадер» по разнарядке
Отправлял отцов
На сталь,
Иль - на уголь... целину...
Сам - «вождел»
На дачной грядке,
Поминая... «про войну».

Недомерки, недоноски.
С окровавленной душой,
Выбирали жен - неброских,
Путь - прямой и небольшой.
Ну, - роптали.
Ели-пили,
Иходили
К «гренадерам» на поклон.
Надрывали души, жилы,
Чтоб сиял тот
«небосклон»...
А на нем, подобно Богу,
В изваяньях - Великан, -
Им указывал дорогу
Страхолюден -
«Таракан»
Он - командовал парадом.
Он приказывал войскам.
Создавал «судьбу» народам.
И - врагов вокруг искал!
Хромоватый, сухорукий,
Неказистый и рябой,
Он - носил в лампасах брюки.
И народный был «герой».
Он, одну войну закончив,
Фронт на новой открывал.
И никто солдат тех
Звонче,
Про него не запевал...

Шаг, печатая в брусчатку
Полумерком сапога, -
Шли солдаты-величаты,
Победители врага.
Соразмерно только росту,
Всей отвагой и душой, -
Не Иваны и не грозны,
Словно, отчиной... чужой.
Словно, Лихо растеряли,
Немцу, выломав хребет.
А теперь в Дружине стали
Переносчиками бед!
Как заразу, преклоненье,
Нам в наследство привнесли, -
Побежденные правленьем
Иноземцев на Руси.

Меж нами все кончено.
Страх и обман, -
Лавиной отрезали путь,
Когда у лениво воюющих стран, -
Остались привычки, -
Не суть!
И точка возврата уже
Позади,
А крылья дрожат от натуги.
Воронкою черною -
Космос звездит, -
А рядом ни крика,
Не друга...

ПОСЛЕДНИМ

Конечно, ни в чем они
Невиноваты -
Солдаты призывов
Сорок третьего - по сорок пятый.
И в оперении
Крыльев Победы,
Конечно, следы их и кровь -
Не бесследны!
Но гнать врага,
До тебя уже - битого, -
Вчетверо легче им было
Дорогой убитых...
Конечно, ни в чем они
Не виноваты,
Живыми пришедшие с фронта
Солдаты!
Но, как не забыть, тех -
Из сорок первого,
Что смертью своей
Всю войну нам измерили?
Кто брошен под танки был
Там генералами,
Нас уверявшими, -
Что кровью, мол, малою...
Тех, кто потом в бухенвальдах
Сдыхали,
Потому что, отрекся от них
Даже Сталин!

Гатью дороги Победы
Покрыты...
Гатью из тех,
Кто пал не зарытый...

ЗАВЕТ

На Успение в Лавре Святой -
Ворог храм подорвал.
Катакомбы осыпались
В этой извечной земле...
А Господь трех священников
В Вечность прибрал,
Да, Иконы огонь пожирал,
Разноцветно беснуясь во мгле.
Никогда еще звоны
Такими печальными не были,
Словно плачи в туманной дали
За Днестром...
А на храмах кресты, -
Словно, руки, простертые к небу,
Все взывали -
Обрушить на врага гром!
И тогда, утраченные мощи
Святых под землю,
Всей иссохшею сутью
Своей трепеща,
Объявили Анафему
Ворогу злему,
Заповедали нам -
Даже семья его не прощать!
...Здесь, на месте
Крещения нашего люда,
Вот уже позабыты
Все вещие вещи.
Груда хлама от храма,
Неубрано в Лавре лежит.
А в заречной дали
И сквозь годы все слышится:
«Юде!»
И – «Фойер!»
А Днестр волною не всплещет,
Да и ворон над ворогом
Здесь уже не закружит...

Кто от Веры отступится,
Слову Святому не внимлет,
Кто забудет завет -
За поругание храма отмстить,
Не узнает покоя,
Душою, разбившись о Землю!
И греха величайшего
Никогда уже не отмолить.

Мне душевного покоя
Не хватает, не хватает.
Как воды глотка
В том зное, -
Что не греет, а - пыгает!
Кляп стиха, забивши глотку, -
Заплетае, заплетае...
Поднесите, что ли, водки -
Похмелит?
Не полегчает...
Что же с Родиной случилось?
Вопрошают, вопрошают...
Иноверцы ополчились и, -
Здрав подол - сношают!
Отвести беду стихами
Я не в силах.
Я не в силах!
Сердце, как
Горячий камень,
А под ним -
Моя Россия...

Оглянулся окрест -
Никого!
Что ж опять -
Одному воевать?
Все равно, что немое кино
В Голливуде сегодня снимать...
Всё бездушные толпы
Окрест, -
То - безликая движется
Рать:
Нет просвета,
Свободных нет мест...
Только -
Не с кем идти воевать!

ПРОСТИТЕ НАС

Простите нас, участники войны
За все, что мы могли, - но не сумели.
За многое,
Что мы всегда не смели,
Простите нас, участники войны!

Авто вам подогнали - катафалки,
И от щедрот отсыпали - гроши...
А чтобы - раньше - всем живым решить
Того,
Что раньше государству было жалко?!

Мы, ваши сыновья, живем
В Бедѣ, -
Все, опаленные войною вашей...
Долбим тоннели, варим сталь и пашем,
Отмаливая грех ваш - всюду и везде!

Египет, Куба, Никарагуа,
Афган, Ангола, а теперь Кавказ, -
Присягу исполняя,
Ваш наказ, -
Народы загоняем в никуда!

Мы знаем: был ваш вождь непрекаем.
Войной не сладкой накормил сполна!
Война вас утянула, как волна,
Не научив прощенью и раскаянью...

Мы, ваши сыновья, уже внучат растим.
Мы учим их - вас почитать и славить.
Но как же нам самих себя заставить, -
Понять
Вас всех, кого всегда простим?

Простите ж тоже нас,
Участники войны!
На вас ни сраму нет,
И ни вины!

Виктор СЫСУЕВ

Не всякий об этом узнает, Не каждому это понять

Переводы

Из И.Гёте:

ЗОВ СЕРДЦА

К чему человек стремится?
Не лучше ль в покое жить?
Не лучше ли в землю вцепиться
Или к звездам высоким взмыть?

Дворец огромный построить
Или жить в лесном шалаше?
Мечтать на скале, или скалы ворочать –
Что больше ему по душе?

Что завтра судьба посылает:
На землю упасть или встать?
Не всякий об этом узнает,
Не каждому это понять.

Из Ф.Шиллера:

ДЕВУШКА С ЧУЖБИНЫ

В одной живописно-прекрасной долине,
Лишь в воздухе только запахнет весной,
Красавица девушка - в прошлом и ныне, -
Являлась и птиц приводила с собой.

Хоть и родилась она на чужбине,
Не ведали люди о местности той:
Следы её быстро терялись в долине,
Как только краса собиралась домой.

Она и цветы приносила и фрукты,
Что выросли щедро на нивах чужих
Под солнцем горячим, взметнувшимся круто,
В краях изобильных, богаче других.

Та дева людей одаряла дарами,
И старый и малый подарки имел,
Кто - песни, кто - фрукты, кому и - садами, -
Всё то, что иметь человек тот хотел.

Все гости ее, хоть желанными были,
Раз, пара влюблённых к ней подошла:
Особый подарок они получили, -
Та пара с букетом цветущим ушла...

ПЕРЧАТКА

Зверей сраженья ожидая,
Недалеко от сцены края,
Сидел сам Франц-король.
Вокруг придворные и дамы
На возвышении рядами
Сидели поперёк и вдоль.

Король рукой махнул и вот -
Момент начальный настает:
Из клетки зверь один выходит.
Выходит осторожно лев,
Хвостом за дверку не задев,
Вокруг глазами водит.

На зал он смотрит терпеливо,
Трясёт своей косматой гривой,
Ложится на полон.
Король махнул рукою снова, -
Чтоб зверя выпустить другого.
Все зрят со всех сторон.

Открылась быстро дверь вторая
И из неё хвостом виляя,
Тигр выскочил прыжком.
Он открывает страшный рот,
На льва с рычанием идет,
Не замечая всех кругом.

Как только он увидел льва,
Пригнулась тигра голова,
Ударил лапой вдруг.

И миг ужасный настает,
Хвостом он всё сильнее бьёт,
Обходит льва вокруг.

Сторожко делает шаги,
Хоть тигр и лев всегда враги,
Но он с врагом смирится...
Свирепой злобой ослеплён,
Но вот язык вдруг свесил он
И рядом с львом ложится.

Король дал знак - другого зверя!
Открылись две большие двери,
Два леопарда вышли вон.
Они мгновенно разделились,
На тигра, словно сговорились,
Напали с двух сторон.

Но тигр отпор им лапой дал,
Тут лев с рычанием страшным встал, -
И леопардов пыл угас.
Они смирились и сдались, -
Две кошки - рядом улеглись...
Все ждут, чтоб битва началась!

Тут падает с балкона края
Перчатка дамы дорогая.
И в клетку к зверям летит.
Делоржу-рыцарю надменно
Фройляйн Кунинунг говорит:
- Коль ты любить клянёшься верно,
Верни перчатку непременно!

С волненьем зрители глядели,
Как твёрдо шел он к страшной цели,
И ничего он не сказал.
Смотрели рыцари и дамы,
Как в клетку зашёл он со зверями,
Рукой перчатку дерзко взял.

Аплодисменты слышит он
И похвалы со всех сторон:
Его ждёт скорая награда?
Но он, не слыша тех речей,
В лицо перчатку бросил ей,
Сказав
- Мне ничего не надо!

Перевод с немецкого.

Из Д. Байрона:

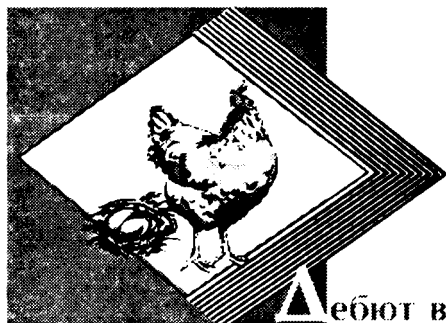
ТЕМНОТА

Океан, озёра, реки в мире - недвижимы,
Нет ни шороха во мгле безмолвной этой...
Корабли без моряков застыли живо,
И поникли паруса на мачтах бледных.
Так в пучине все застыло без движенья:
Сникли волны, а отлив загонит их в могилу,
Госпожа-Луна угаснет в раздраженье,
И утихнет ветер быстроекрытый,
И незримо тучи в темноте исчезнут
Да, Луне они и в помощь - бесполезны!
Так в Подлунном мире правят бал не люди, -
С Госпожой Луною природа нас рассудит...

Перевод с английского.

Лодки

Дебют в альманахе

Артём ГОРШЕНИН

Добро людям делать я буду...

ОДИНОЧЕСТВО

Как капли дождя, уходящие в недра,
Уйдут навсегда проходящие мимо.
Как выдох последний осеннего ветра –
Актёров бы мы не узнали без грима.
На улице дни многолюдны и гулки,
Случайных людей незнакомые лица.
Пусть кто-то и хочет в их армии литься –
Один я топчу по ночам переулки.
Ничтожен в ночи я, как тень от пустыни,
Не в радость и Богу светить в меня звёздами.
Потухший фонарь - хоть до завтра пусть стынет,
В глазницах до завтра не выдержишь слёз ты.
И осени голые ветки и прутья:
Листовою с деревьев взяла земля подать.
Эх, на маяке мне б у моря работать –
Заблудшим ветрам там указывать путь бы...

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

К Христу и Аллаху мне – боком!
Не верю ни в Яхве, ни в Будду...
Но если назначите Богом –
Добро людям делать я буду.
И в храме, что строили греки,
На Олимпе своем восседая,
Вести будут руки к вам - реки,
И греть борода вас седая.
У каждого будет два «Порша»,
Склады виноградного пунша.
Назначьте меня, а не Джорджа,
Назначьте меня, а не Буша!

ЭКРАНЫ

Прилипли глазами к экранам,
Как будто хотим туда влезть.
И нравится цвета игра нам,
И фразы оттуда нам в лезть.
Будь то - бытовой телевизор,
Будь то - полоумный ПК,
Увидишь Европу без визы,
В кресле, расправив бока.

УЛЬЯНОВСКУ

Рощами башенных кранов
Встретил Ульяновск меня.
Мост, будто стойло баранов,
Держит, минут не ценя...
Город тоски и тревоги,
Город неспетых баллад.
Сон и здоровье – налоги,
Ненависть вместо зарплат...

Я

Не ждите от меня чудес...
Да вовсе ничего не ждите.
Я ни пророк, ни Бог, ни бес,
Ни пассажир и не водитель.
Как кошка сам я по себе,
Не приходи и не зови ты, -
В людской бессмысленной борьбе
Я и живой, я и убитый...

И зря ты славу мне сулишь,
И зря ругаешь ты, тем паче.
Я, ноги свесив с крыши, лишь
На вас поэзией рыбачил.

ЛИФТ

Зашёл я в лифт шагом петлявым,
Там старец: взгляд мудростью выжжен.
Спросил у него я: «Куда вам?»,
А тот усмехнулся: «Мне выше».
Вотчет я: «Живу на девятом,
Не выше девятого вы же!»,
А тот просверлил меня взглядом
И молвил: «И крыши я выше».
«Вот, пьяный», - подумал я.
Всё же -
Один на девятом вышел.
Вдруг замер, мурашки по коже:
Поехал лифт медленно выше.

МЕНЕДЖЕР

Кто любит Марио, кто любит гонки –
Смотря ведь, какие таланты в ребёнке.
И на компьютере, да и на «Сеге»,
Я жить не мог без любимых стратегий!
Нравилось мне управлять государством,
Пусть даже маленьким сказочным царством!
Строить десятки различных заводов,
И умиляться от роста доходов:
Сотни рабов накормлю и одену,
Знаю я меру, но знаю и цену!
Так неожиданно, просто, играючи,
В детстве родился во мне - Управляющий.
Годы прошли, вместе с ними и игры
Нет, игры те же – другие калибры:
Здесь сохраниться нельзя, отказаться -
Я уже менеджер организаций!
Годы работ – ни единой ошибки,
Твёрдые помыслы с графиком гибким,
Я контролирую, я управляю,
Я назначаю и я увольняю,
Я самый главный в компании вектор!
Кто-то звонит... Тихо! Это директор!

Гость номера

Лилиана СЕМЕНОВА-БЕКЧЯН

Когда в свет вышла первая книга стихов Лилианы «Есть только миг...», мы познакомили наших читателей с очень своеобразной поэзией этого автора на страницах выходившей тогда роман-газеты «Большой Черемшан». Лилиана родом из Белоруссии, окончила факультет журналистики в Ташкентском госуниверситете. Работала в газетах Узбекистана. После замужества живет в Армении. Вместе с мужем - пилотом президентского борта - работала в Анголе, Сирии. Теперь живет и воспитывает детей в Ереване. Многолетняя дружба связывает поэтессу с ее друзьями в Димитровграде. Потому мы решили после выхода в свет в Москве ее новой книги избранных стихов продолжить знакомство димитровградцев с творчеством Лилианы Семеновой, тем более, что некоторые ее стихи посвящены нашим землякам...

Струны моей одинокой души

* * *

Зуб на зуб не попадает.
Мерзнут дети... Вот беда...
А правители не знают,
Что такое холода...

Свечка, печка - все ж теплее,
И в глазах искра надежды.
Дом панельный ведь не греет.
Спать ложатся все в одежде.

Месяцами без купанья,
Да и что там говорить,
Все капризы, не желанья, -
Надо трудность пережить!

Ведь не слабаки вы, братцы,
Нет ничьей во всем вины.
А пока - лучше расстаться.
Доживете до весны?

Баклажаны, перцы, соки –
Все запасы к бою - «Товсь!»
Холода... и недалеко
Дни тепла. Бояться брось!

Не теряйся. Что попало
Жги и - станет веселей.
Есть паркет и одеяло,
Жизнь хулить, браток, не смей.

А не то, прогневишь Бога
И останешься один.
От иконы до порога –
Брат,
 Отец
 И - Божий Сын.

* * *

Загляни поглубже в свою душу.
Что нашел ты там, ровесник мой?
Юности развалины разрушенной
Да Страны Советов упокой.

Там могилы с бывшими мечтами,
Там мгновенья счастья и тревог.
Пепелища душ бредут за нами,
Окрылить их Бог уже не смог.

Мы на взлете были все подстрелены,
Замер взгляд, плененный высотой.
Мы теперь границами разделены,
Но стремимся к Родине святой.

Сполохи расставов и закатов
Будоражат память, как кино.
И на Марсе нету нас, ребята,
И с Луны слетели мы давно.

Новый русский... Чем он лучше старого?
Растоптали племя журавлей.
В небесах остались только гавани
Не доплывших наших кораблей.

«Метрополя» блеск я не нарушу, -
За мечту не впускать на порог.
Загляни поглубже в свою душу:
Ты взлетел над миром?
А ведь мог...

* * *

У американского посольства
Очередь армянская стоит.
Родину теряют все, надеясь,
Что Господь за это их простит.

Даст билет и визу без возврата,
Даст возможность вдоволь есть и пить.
Только знайте, Родины утрата
До скончанья века в нас болит!

В суматохе, в спешке, обозлившись
На всего и вся, на этот мир,
Вы летите, счастьем заразившись,
Что за океаны вас манит.

Сопозданием однажды вы поймете,
Чтоб на миг вернуться вам сюда,
Вы Америку и сытость - все вернете,
Чтобы с Родиной слиться навсегда.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Ольге Гордеевой...

Ночной звонок, он в прошлое попал.
Тебя услышала, но голос твой пропал.
И стало больно, надо повторить,
Чтобы о прошлом нам не позабыть.

Оно прекрасно, там мы молодые,
Мы с верой в будущее жили торопясь.
Сегодня в мире - самые родные,
Друг друга понимаем, плача и смеясь.

О чем же плачем? Да о том, что было.
Там каждый миг для дружбы и любви.
Благодарю, что сердце не забыло,
Воспоминанья ты во сне лови.

Вся жизнь, как сон, как сладкая тревога,
Как хвост кометы, растворяющийся вмиг.
Мы шли по миру от порога, но под Богом,
И потому через года - счастливый крик.

Люблю и помню, вечно благодарна
За доброту и дружеский порыв.
Жизнь расставляет точки. Все - на равных,
И впереди у всех у нас один обрыв.

Обрыв струны и взгляда рокового,
Обрыв мечты и веры на двоих.
Мы не сумели в мире жить убого,
И, как знамение, приходит ночью стих.

Не доживаем, мы живем и помним
О том, что молодость скрестила нам пути.
И ты, как прежде, улыбаешься, хоть больно.
Все тот же голос, тихое: «Прости»...

* * *

Обратили нас в русскую веру,
Только веры той больше нет.
Получить гражданство - химера.
«Вы в России родились?»
- Нет.

Родилась я в городе Бресте,
Что собой заслонил Россию.
Брест все так же стоит на месте,
На границе миров, как мессия.

Ну а я - между всех границ,
Оказалась теперь на нейтральной.
Ни туда, ни сюда - только ввысь
Улечу я птицей печальной.

Песня Родины душу рвет,
А границы разрезали вены.
«Вы куда?»...
Я хочу в самолет,
Утонуть в облаках пенных.

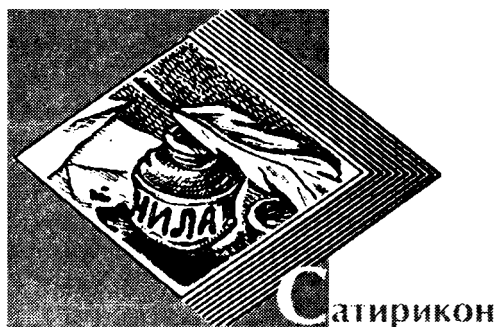
Мало воздуха, стонет душа.
До Кремля не дойти, не доехать.
На счету у меня ни шиша,
Чтоб границу суметь переехать.

И летит на просторе душа,
По морозной засиненной выси.
Я жива, вверх гляжу не дыша,
Меж созвездьями мечутся мысли.

Жизнь прошла. Столько долгих лет
Одевали нас всех в химеру.
Обратили нас в русскую веру,
Только веры той больше нет...

9-е марта

Владимир
ЗИНОВЬЕВ

Толерантная войнушка

Трехметровый крест из бронзы
Заработал крейсер грозный.
Но «Варягу» – все равно:
Он давно ушел на дно...

Из меня готовили кретина:
Автомат, штык-нож,
Граната, мина...
Бог войны мне улыбался
Мило.
Жизнь, как пуля, пролетела
Мимо...

Нас научили воевать,
Людей спокойно убивать,
Кровавых слез не замечать,
Награды гордо получать...

Встряхнув обноски прежних лет –
Воспоминаний моль пугаю...
В сознании печали нет,
Судьбу за подлость не ругаю!

Смерть-проказница вальсирует,
Результатами бравивирует.
Кто случайно прикоснулся –
К прежней даме не вернулся...

Великие магистры боевых искусств
Бой с тенью – целью жизни избирают:
На острие кастрированных чувств
Росинки слез кровавых собирают...

Сегодня небо голубое,
Назавтра – бурю обещают...
Нам не играют на гобое
И менуэтом не прельщают.
Для нас гремит дробь барабанов
И маслом пахнет сталь наганов...
Лишь в памяти пустых стаканов
Гуляет эхо ресторанов!

Чужую смерть –
Ногами топчем...
Перед своей –
Молчим, не ропщем...

Чем занимались мы в Афганистане?
Нам жизненно важны пустыни в Пакистане?
Или красивые индийские медузы?
Забыли нас расстрелянные музы...

Кому хотелось воевать
И в письмах откровенно врать?
Подруг веселых вспоминать
И от ранений умирать?..

Чем мы прославились
В Афганистане?!
О чем никто из нас
Не признается маме?
Чернеет соль
На старой рваной ране...
Нам черт – не брат?
Грехи отмоем в бане!

Прячем головы в песок,
Прикрываемся постами...
Пьем обмана сладкий сок,
Совесть прячем под крестами?

Смерть –
Веселая девица,
Но ревнива,
Словно львица...

Супермены!
Силачи!
Улыбайся
И... молчи.
Оккупанты?
Палачи?
Успокойся,
Не кричи...

Легко покидать незатейливый мир,
Грехи, замолвив и ошибки исправив...
Последний приказ прохрипел командир
И в вечный огонь батальоны направил...

Немногие из нас
Медальки не приняв,
За все грехи покалялись...
Все остальные –
В Кремль
«На раздачу»
Весело направились!

Елизавета ПАРФЁНОВА

Теплом материнским согреты

Пусть будут счастливы дети
На нашей огромной планете!
Все: белые, желтые, черные -
Пусть будут счастливы поровну!
Пусть будут все сыты, одеты,
Теплом материнским согреты.
Пусть будут смеяться, резвиться,
Пусть будут все в школе учиться!
Пусть будет безоблачным небо,
А войн – никогда чтобы не было!
Растут пусть счастливые дети
На нашей огромной планете!

Васька кот у нас живет.
Молочко из миски пьет.
Очень любит рыбу, мясо.
Вот какой «сладостна» Вася!

Васька в доме мышь поймал.
С мышкой целый час «играл»!
Мышка плакала, рыдала,
Но –
От Васьки убежала!

На рыбалку мы ходили:
Коля, Вася и Олег.
Рыбы много наловили
И остались на ночлег.
В лесу ночевали
Под березкой спали...
Но когда проснулись,
Даже ужаснулись:
Рыба-то пропала!
Ее лиса украла...
Ты, лиса – воровка!
Ты, лиса – плутовка!
Если будешь воровать, -
Тебе не сдобровать!

В Черемшане я купалась,
А лягушка испугалась.
В камышах она сидела,
На меня тогда глядела.
А я сказала: «Уходи!»
На меня ТАК не гляди!
Головою мне кивнула,
А сама в реку нырнула...

Моя чашка белая, -
Что же ты наделала?!
Со стола вчера упала и...
Теперь тебя не стало!

Соловей в саду пропел
Песни соловьиные!
Он к нам в гости залетел,
Подруженьки милые!
Вот мы яблочко покушаем,
Соловушку послушаем.

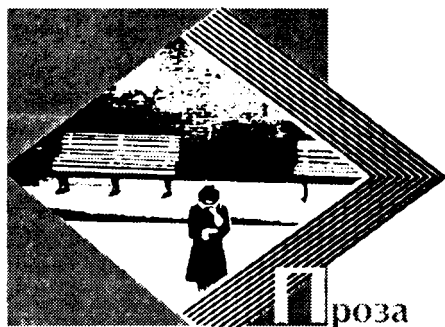
Папа нам из леса ежика принес.
Уж такой он интересный –
Рассмешил до слез!
С кошкой Муськой и котенком
Во дворе живет
И, как Борька-поросенок,
Молочко все пьет.
А недавно к Барсу в гости побежал
И собачий суп из миски
Весь сожрал!
Так, «колючка», заболешь скоро.
Назову-ка я тебя - Обжора!

Мы сегодня с другом вместе
Сочинили для вас песню.
Он играет, я – пою.
Он сидит, а я стою...

Мячик мой голубой,
Подружились мы с тобой!
Он высоко и сильно скачет,
А ударится – не плачет!

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Добрые люди - что цветы на лугах,
как тихая речка в крутых берегах,
как яркое солнце, - всем дарят тепло,
от добрых людей на душе нам светло!
Когда повстречаешь ты их на пути,
(как трудно, порою, таких вот найти!),
невзгоды-печали совсем отойдут,
хоть рядом, но все ж стороной обойдут...
Признаюсь, что мне постоянно везет, -
порой, попадала я в круговорот, -
но многих и добрых людей я встречала,
не раз доброта их меня выручала!
Так пусть не иссякнет людей доброта.
Пусть жадность и зло пропадут навсегда.
Пусть каждый, хоть раз, добро отдаст людям.
Давайте ж все время мы ДОБРЫМИ будем!

Александр ОСИПОВ
Трава забвения
(повесть)

I. Штрафник

*«Стели, мама постелюшку последнюю неделюшку,
А на той неделюшке постелят нам шинелюшки...»
Рекрутская песня*

Ловили четверо. Один с задов, другой с прогала, прикрываясь стволом вяза, третий, в штатском, зашёл во двор с улицы. Четвёртый остался сидеть на облучке тарантаса, остановив сытого милицейского жеребца прямо перед окнами дома. Трое здоровенных тридцатилетних мужиков были вооружены наганами, а вошедший во двор - сжимал кисть правой руки на рукоятке пистолета "ТТ" в кармане чёрного пиджака. Карман был мелковат, и семилетний Витька струхнул, впервые увидев столь близко боевое оружие. Мальчик только что вылез из-под амбара и нёс бабушке в фуражке пять куриных яиц, радуясь, что благополучно выбрался из тесноты и пыли, и что бабушка не пошлёт его туда ещё дней пять.

- Мальчик, здесь есть кто? - спросил незнакомец и указал в сторону огромного сарая.

- Нет, - ответил Витька, испуганно глядя на рукоятку пистолета и волосатую кисть мужчины.

- А в доме?

- Там бабушка.

- Позови её, - приказал незнакомец.

Но бабушка уже сама спускалась с высоченного крыльца.

- Где сын? Говори!

- Как где? - опешила бабушка, - в армии.

- Но он же здесь! Или был здесь.

- Был. Один день. Вчера проводили. А что случилось? - забеспокоилась бабушка.

- Дезертир он. Сбежал, сволочь! Сопляк.

Бабушка охнула, присела от неожиданности и пробормотала:

- Господи, Иисусе Христе! Спаси и сохрани...

Потом, видимо овладев собой, выпрямилась, лицо её исказилось яростью, глаза гневно сверкнули, и она закричала в лицо мужчине:

- Дезертир? Это надо ещё поглядеть, кто дезертир! Дезертир! У меня двое там головы сложили! Слышишь, ты! И третий туда ушёл. Последний. Мальчишка! Ты кто? - крикнула она в лицо незнакомцу. - Прокурор нашёлся! Наган выставил. Небось, там вас нет! Герои на баб наганы выставят! Туда бы вас!

- Но, но! Полегче, ты! Тебя не спросили, где нам быть.

- Посадишь, что ли? Сажай! Не боюсь! Отбоялась. Мне терять нечего! Хуже не будет...

* * *

- Ну что, суки? В тылу надоело? А? Зажрались бл...и! Ну, я вам покажу! Я научу вас свободу любить! В окопы, в окопы пойдёте, вшей кормить! На передовую! Забудете, суки, как солдаткам титьки щупать! Молчать, разиня! - заорал он на участкового, я не таким рога ломал. Запомните меня бл...и, если до вечера не придёт ориентировка.

Старший оперуполномоченный Кумарейкин, только что присланный в район был вне себя от ярости. Он и сам боялся фронта. Шутка ли! Во-первых, у него в начале войны погиб на границе младший брат и, само собой, старшему не хотелось такой же участи. Во-вторых, по военно-учётной специальности Кумарейкин был рядовой стрелок, следовательно, его ожидала перспектива кормить в окопах вшей на "передке" под неограниченной властью какого-нибудь дураля - отделённого или наспех испечённого лейтенанта-юнца. С такой суровой реальностью сердце его никак не могло примириться... А тут, как нарочно: не успел принять дела - напасть за напастью. Только что разделились с двумя дезертирами. Ночи не спали. Шарили везде. Одного, спящего, достали из-под моста пересохшей речки Малой Сарки - спасибо пастухам! Второго пристрелили в сурской дубраве. Этот с наганом был. И если бы не он, Ворошиловский стрелок Кумарейкин, то этот, второй, уложил бы незадачливого участкового, как пить дать...

Не успели очухаться - и, на тебе ещё, - восемнадцатилетний сопляк, то ли дезертир, то ли самовольщик. Ладно, если вернулся в часть. А если нет? Упустили.

И прощай тогда тайная зазноба аптекарша Клава, её возбуждающие

*Прототип героя повести
Василий Ярыгин*

округлости, перина, чистый медицинский спирт и сурская стерлядь. Всё прощай!

Да и законной жене - учительнице начальных классов, квёлой тихоне не выжить без него с двумя детьми...

Лето тысяча девятьсот сорок четвёртого здесь, в глубоком тылу, выдалось сухим и жарким. А там, далеко на Западе - таинственно-тревожном Западе, разворачивалось грандиозное кровавое действо под кодовым названием "Багратион" - советские войска шли в наступление, освобождая многострадальную Белоруссию. Сюда же, на берега Суры, война беспощадной и щедрой рукой несла "похоронки", разбрасывала солдатские треугольники писем. Иногда милостиво возвращала счастливого калеку, вконец изуродованного мясорубкой войны и непригодного для дальнейшего использования там...

А этот пришёл невредимый. Витька не сводил глаз с невысокого плечистого крепыша дяди Васи. В почти что новой зелёной гимнастёрке и синих диагональных галифе, он единственный мужчина в семье, ещё не истреблённый войной, вызывал у мальчика восторг и гордость, несмотря на отсутствие медалей и каких-либо иных знаков отличия. Витька не знал, что такую форму выдавали только непосредственно перед отправкой на фронт.

Дядя Вася ходил целый день по селу, окружённый мальчишками, стрелял из ружья в ворон и галок, рассказывал что-то об армии горбуну-сверстнику, купался в Суре... Однако, к немалому удивлению Витьки, он мало того, что не обращал на племянника никакого внимания, но поминутно отсылал его домой: то за складным ножом, то за папироской, то за носовым платком. Витька летал, исполняя его поручения, и в то же время чуть не плакал от обиды. Ещё бы! Чужие могут неотлучно находиться с его дядей, а он родной, единственный племянник - нет. Обидно было Витьке:

"Был бы жив папка, - думалось мальчику, - он, небось, не гонял бы меня. А дядя - хотя и родной, но всё же видно, не отец".

Расторопные пацаны постарше не подпускали Витьку к дяде, окружив солдата плотным кольцом и поминутно задавая ему вопросы. Ничего Витька не услышал о военной службе дяди. Ничего. Ни о танке, ни о пушке и пулемёте, ни о прочих интереснейших военных вещах. Зато, к великой досаде мальчика, он услышал от дяди то, чего не хотел бы слышать и никак не мог ожидать. Когда подошли к высоченной П-образной мачте линии радиорелейной связи, проходящей через реку, горбун сказала дяде:

- Я бы в армию пошёл. Не берут. Быков в колхозе запрягаю...

На это дядя в раздумье ответил:

- Век бы не видать! Ни войны, ни армии. Лучше прыгнуть с этой мачты в Суру, чем туда идти...

- Что это он? - испугался Витька, - Неужели, трус? В кино героев кажут. А дядя Вася?

Нехорошо стало Витьке.

...Провожали с бабушкой на второй день. Мать Витьки работала в поле. Шли пешком. Дядя Вася взял туда гармонь. Это была новенькая двухрядка алатырской гармонной фабрики, выменянная год назад за три мешка картошки на базаре. Он успел выучить на ней необходимый музыкальный минимум того времени: "Перебор", "Подгорную" и "Семёновну". На Шапанде - высокой горе перед деревенькой Полянки - остановились передохнуть. С этой точки внизу хорошо просматривалась Сура, пойма, озёра, сама деревенька и дальше поле за ней, которое рассекала пополам большая дорога, уходящая в сурскую дубраву.

- Ну, ладно, мама. Будем прощаться. Вы дальше не ходите. Ступайте домой... Бабушка заплакала, Витька тоже.

- Ты, Витёк, не унывай, - сказал дядя. Взял мальчика подмышки, легко подбросил крепкими руками вверх, осторожно опустил, прижал к широкой груди, поцеловал.

- Ладно, мама. Не плачь. Я напишу. Всё. Идите...

Не ушли. Долго смотрели вниз на удаляющегося дядю Васю. Он время от времени оборачивался и махал рукой, фигура его уменьшалась и уменьшалась в размерах. Планки гармонии, которую он нёс через плечо, давали яркие блики на солнце. Наконец, дядя превратился в точку и скрылся в сурской дубраве...

...Письма с фронта от него приходили какие-то необычные. У всех были треугольники, иногда с фотографиями на тетрадной бумаге в линейку или клетку. Эти же - были в конвертах. И хотя штемпель "проверено военной цензурой" стоял тогда на всех письмах, здесь, кроме того, листы бумаги были стандартные кирпично-красного цвета. Поверху и низу (поперёк листа) были отпечатаны прямые жирные чёрного цвета линии, и над ними значилось: "Выше черты не писать! Ниже черты не писать!" Витька уже бойко читал письма бабушке. Их было немного, этих писем и - ни единой фотографии дяди Васи в них не было, а мальчику очень хотелось увидеть его в военной форме танкиста. Зато содержание писем наполняло Витьку гордостью за его геройского дядю. Ещё бы! Ведь каждое письмо его начиналось с самой важной и самой насущнейшей фразы: "Смерть фашистским оккупантам!" Не с многочисленных поклонов родне и соседям, как у других, а именно с этой фразы, которую мальчик не раз читал на плакатах, вывешенных у сельского совета, правления колхоза, школы и клуба...

Содержание писем также отражало самое-самое:

- Нахожусь на польской территории...

- Мама, бьём гадов беспощадно. Я отомщу за всё...

- Живу я хорошо, как Ваня Князев (сельский нищий)...
- Танк у меня "Т-34" - машина надёжная...
- Скоро Германия...
- В феврале сорок пятого:
- Нахожусь на германской территории...
- Немцы драпают, но кусаются. Вчера выбивали гадов из подвала пушкой...
- Я вернусь, мама. А ты, Витёк, учись...

Истошный вопль двадцатилетней тётки:

- Васю убили! Убили Васю! - испугал Витьку.

Сердечко его учащённо забилося, и к горлу подкатил комок. К этому воплю присоединился материнский. Сбежались соседи. Витька побежал к дому Ярыгиных и увидел, как он наполняется людьми. Кто-то брызгал водой в белое лицо бабушки, которая лежала в обмороке. А на столе лежало "письмо", написанное химическим карандашом на коричневатой миллиметровой бумаге, одна строчка: "Ваш сын Ярыгин Вас. Вас. богиб в боях за Родину 12 февраля 1945 года". Подпись отсутствовала. Кто-то говорил, хохол, мол, написал. С ошибкой. Бывшие солдаты-калеки советовали сделать запрос в часть. Написали после. Ответили: "Ярыгин тяжело ранен и отправлен в госпиталь". Был указан номер госпиталя. Написали в госпиталь. Ответ: "В госпиталь не поступал". Всё... Война забрала последнего. Радость Дня Победы померкла для Витьки. Недетская тоска вселилась в его сердце.

...Возвращались с фронта солдаты. Радовались их родные, гордились сыновья и дочери, показывая медали и трофейные часы "штамповки", привезённые из Германии. Ничего этого не было у Витьки. Радовался он лишь во снах, когда видел живых - отца, дядю Васю или дядю Лёню. Проснувшись, плакал потом...

II. Счастличик

*«Рекрута-рекрутики в лесу ломали прутьики
Вдоль дорожки ставили, чтобы их оставили...»
Старинная песня*

...Прошло сорок шесть лет. Много воды утекло с тех пор в Суре, на берегу которой сидел передо мною у караулки старик и курил дешёвенькую "Приму". Отяжелевший от скверного вина и нездорового образа жизни, он выглядел значительно старше своих лет. И конечно, никто не смог бы признать в этом заросшем седой щетиной старце некогда braveго сержанта, кавалера трёх боевых орденов и стольких же боевых медалей, оставившего свою роспись на Рейхстаге. Четыре десятка лет отпахал он после того в колхозе рядовым трактористом. Работал, как одержимый, за что советское правительство наградило его четвёртым, самым высшим знаком отличия - орденом Ленина...

Это был Виктор Шеянов - двоюродный брат моей матери, одноклассник дяди Васи, вместе с ним призванный на военную службу в 1943 году и "угнанный" в городок Мелекес. Здесь в запасном полку, именуемом в простонародье "лагеря", готовили новобранцев на фронт. Про этот запасной полк до берегов Суры доходила дурная слава, и я кое-что знал о нём. Именно оттуда летом 1943 года на телеге привезли домой умирать нашего соседа - дистрофика крайней степени истощения, едва шевелившего языком. Пареньку ещё не исполнилось восемнадцати лет. Мать истопила баню и на руках принесла туда умирающего сына.

- Мама, больно, - едва слышно молил он, когда она отмывала своего мальчика...

Однако эта сторона жизни Красной армии по политическим мотивам тщательно замалчивалась. Мать выходила сына и, едва он поправился, беспощадная машина Государства вновь отняла его, отправив мальчика вновь Туда! Там, на войне, Господь сотворил второе чудо - он дошёл до Берлина и, награждённый орденом Красной Звезды и медалью "За Отвагу", остался жить...

Позднее, в память о погибшем дяде, я пытался найти в Мелекесе место расположения злосчастного запасного полка, но безуспешно. Стена молчания и равнодушия, на которую я натёкался, невольно заставляла вспомнить слова великого классика: "А был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?" Но ведь было! Тогда в 1943 году я слышал от взрослых, что в Мелекесе от голода и вшей умирали десятки, если не сотни новобранцев. Я был свидетелем того, как матери и сёстры "угнанных" совершили зимой 1943 года пеший переход в 450 километров по маршруту Барышская Слобода - Сурское - Ульяновск - Чердаклы - Мелекес и обратно, чтобы отвезти на санках харчи ребятам. Только тридцать километров им удалось проехать на поезде. В числе этих безвестных героинь были тётя Вера - мать сидевшего передо мною старика и моя тётя - восемнадцатилетняя Нюра Ярыгина. Не помню рассказов по её возвращении. Мне в то время куда интересней был подарок дяди Васи - брючный солдатский ремешок из тесьмы. Долго показывал я его пацанам, гордясь такой славной вещичкой!

...Впоследствии я не раз приглашал Виктора Шеянова поехать со мной в Мелекес с тем, чтобы найти место расположения запасного полка...

- Разве мне до этого? - отмахивался он, - Это вам, городским, всё можно. А мы связаны работой и скотиной. Нет. Да и не найду теперь. Забыл. Столько лет прошло. Видишь, Он стоит? Ждёт. Отшиб всю память, проклятый. Я и не глушу Его, - и показывал на тархтящий в стороне трактор "ДТ-54".

...И вот мы сидим с ним у караулки на берегу Суры. Ему шестьдесят пять. Снова (в который раз!) приглашаю его поехать в Мелекес - теперь уже - Демитровград.

- Да нет, - говорит он, - какой Демитровград (через "е" выговаривая новое название). Меня вон председатель уговорил перевозчиком поработать. Лодку дал. Видишь, железная, большая. Скотниц перевозю на ту сторону. Сейчас ничего. В половодье страшно. Волна. А я воды боюсь. Всю жизнь в поле пылглотал.

- Да откажись ты. Сколько можно?! - кипячусь я. - Ты же пенсионер. Ордена, почёт!

Виктор Алексеевич иронически усмехнулся:

- Почёт? Скажешь тоже! Нельзя нам. С председателем ссориться - себе дороже. Это у вас в городе - да! Можно отдохнуть. Здесь нет. Пойдёшь против, а завтра к нему. То дров привези, то соломы. Зависимы - по гроб! Нельзя. Ты бы лучше... этта... Уважь дядю. Возьми Её. А? Раздавили бы по стакашку.

- Да есть у меня. В машине лежит.

- Голова! - оживился он. - Инженер! Неси, давай...

Мы выпили. И я навёл его на нужную тему.

- Тогда в сорок третьем нас два призыва взяли. Да... Двадцать пятый и двадцать шестой год. По семнадцать лет нам было... В Мелекессе в землянках жили. Голод. Вши. Клопы. Кровавый понос. Смерти. Обмундирование - дрянь! Узбеков много умирало. Страх! Нас (кто поближе) родные кое-когда подкармливали, но тоже многие не выдерживали. Пацаны. Деревня. Робость. Тогда погоны только ввели. Путались мы: кто младший лейтенант, а кто майор. Назовёшь майора младшим лейтенантом - замордует...

Мне повезло - в ординарцы попал к командиру. На обедах с его стола выжил. Ночью, правда, тяжело было. Приведёт он врачу, напьются с ней, наедятся американской тушёнки и пошло... Как начнёт он её "утюжить" - землянка ходуном ходит. А у меня в закутке у двери место было. Не мог я никуда отлучиться. Не имел права. Сожмусь, как кутёнок в комок, и шевельнуться боюсь. Сплю вроде. Клопы жрут... А командира с врачихой разбирает - мать их!

- Пикнешь, - думаю, - застрелит! Казнь, одним словом. Сдать выйти боялся. Веришь? В штаны делал. Ну, а другим-то похуже было... Василий, на что крепьши был, и то доходягой стал. Я ему обеды в рукавetskал. Раз командир с врачихой выпили, но не оставил он её у себя. К ней ушли. Жена к командиру должна была приехать. Боялся, видно, застанет. Ну вот. Я за Васей сбежал. Мы с ним остатки спирта выпили, а тушёнку корками из банки выгребли. Сидим. Развезло нас... А командир и вернись. Вскочили мы. Онемели от страха.

- Кто такой? - кивнул на Василия.

Бормочу ему, мол, брательник, товарищ командир, так и так...

- Ладно, ничего. Сидите, - сказал, - доешьте там... - взял что-то и ушёл. Голова. Инженер. Тут Вася и говорит мне: « Не могу больше, Витька. На фронт прошусь. Разузнал, что набирают трактористов в танковое училище. Механиков-водителей будут готовить ускоренно. Возьмут меня. Лучше на фронте от пули погибнуть, чем здесь от поноса...»

Ну и забрали его. Тогда много механиков водителей танков требовалось. Некомплект был после Курской дуги. В Ульяновске и погорел он. Под трибунал попал перед самой отправкой на фронт. За самоволку. Судили его и - в штрафную. Тогда не расстреливали, как в сорок втором. Повезло. Штрафник - заключённый. Судимость снималась посмертно или по ранению. Кто имел награды и звания - лишался их. Кто не имел - не награждался. Штрафников на верную смерть посылали. Когда никакая сила не могла поднять людей в атаку - пригоняли штрафников. Было такое. В пехоте, где я был, их "Марусей" звали. Не знаю почему. Раз и мне пришлось штрафников увидеть. Ночью. На передке. Заминка у нас вышла. Ну и пригнали их. Приткнулся я в окопе. Задремал, а сосед меня в бок: - Маруся, Маруся! Гляди!

Они пинками нас из окопов выгнали, а наутро в атаку поперли. Все полегли. Как один. Вот так, инженер... Вася, царство небесное, развитой не по годам был. На городского смахивал. Приблатнённый такой. Дрался крепко. Смелый. Никто из мужиков на селе против него устоять не мог. Да... Нетерпеливый. Такие и в гражданке не выживают... на войне - тем более.

Его прямо из-под комбайна в армию взяли. Ни денька погулять не дали. Другим давали день-другой. А механизаторам нет.

...Водка уже начала своё действие, и по седой щетине лица его прокатилась крупная слеза.

- Нет! Войны не надо! Любой ценой, только не война. Страшно. Люди звереют. Теряют всё человеческое. Зачем? Безумие. Грех смертный. Кто я такой? А вот не могу даже тебе всего рассказать... Не могу и всё... И никто всего не скажет...

Мы выпили ещё, и он продолжил:

- Разве я думал, что жив останусь? Ни в жисть. Как уцелел? Почему? Не знаю. Меня командир вначале при себе оставил. Много я с ним прошёл. А потом в Белоруссии ранило меня. Тяжело. В ногу. С жизнью прощался. Темно. Холод. В наступление было. Лежу в кровище на снегу. Рядом лошадь бьётся. Живот разорван. Кишки тёплые на мне... Кругом стрельба. Ракеты. Бегут, орут. «Всё, - думаю, - затопчут. Прощай, мама. Прощай, Сура».

Меня Валька вытащил. Дружок ольховский. Земляк. Мы с ним так и договаривались - следить друг за дружкой. Убило его. Посля. Царство небесное...

- А санитары? - воскликнул я, - Ведь в кино показывали...

- Кино, - горько усмехнулся он, - на то и кино. А на войне... Тяжёлое ранение - почти верная смерть...

...После госпиталя опять в пехоту. В сентябре сорок четвёртого, когда брали Прагу - предместье Варшавы, много народу полегло. Участок нам достался - хуже некуда. Открытое пространство. Нужно было подняться и пробежать метров сто-сто пятьдесят. Немцы каждый метр пристреляли. Высунуться нельзя, не то что пробежать... Командиры не могли поднять нас - никакие угрозы не помогали... Я, пацан, сбывалым солдатом оказался. Он и говорит мне: «Сейчас старшина будет водку давать. Не пей. Выпьешь - конец! Пьяному море по колено».

Старшина наш отчаянный был. Выпил сам. Обнёс других и... ура! За Родину, мать-перемать! Поднялся - в правой руке шмайсер трофейный, в левой наган. Нацменов пинками... Их много тогда пригнали необстрелянных. Боялись. Стреляют из винтовок, а сами глаза зашурят и голову в сторону. Старшина каждому такому в затылок из нагана стрелял. Убило его, грешника. И все кто выпил, полегли... А посла - команда сверху - отставить! Отойти... Таки дела. Инженер...

Посля войны в Берлине служил до пятидесятого года. Пожилого полковника возил на американском "виллисе". Инженера. Хорошо жил. Рай. Обмундирование нам всем пошили из офицерского сукна по приказу товарища Сталина. Сапожки хромовые. Сержант. Два ордена у меня тогда было и три медали. Третий-то орден в восемьдесят пятом дали. Работа лёгкая.

Времени свободного много. Пиво каждый день. Отъелся на лёгких хлебах. Там и пить научился. Про нищету и колхоз забывать стал. ППЖ (походно-полевая жена) полковника заигрывать со мной начала. Ей лет тридцать было. Баба гладкая, не ломаная. Безделье день-деньской. Ей давай да давай... А мне двадцать четыре только. Не хотел я пакость делать полковнику. Да и боялся. Поначалу избегал её. Неудобно, мол. А она не отстаёт. Разобрало её...

- Дурачок ты, - говорит. - Саныч (так она полковника называла) и сам не ангел. У него семья в Горьком. Всё равно меня бросит.

Короче, снюхались мы. Полковник недогадывался. На сверхсрочную меня оставлял. Златые горы сулил. Голова. Инженер. Но я чувствовал себя виноватым перед ним. Боялся, раскроется всё. Дождался приказа и уволился.

Р. С. Через год после этого разговора кавалер четырёх орденов Виктор Алексеевич Шеянов скончался в сельской участковой больнице на шестьдесят седьмом году жизни от пневмонии из-за халатности медицинского персонала.

Старший оперуполномоченный Кумарейкин, боявшийся фронта, счастливо избежал его. За боевые заслуги в тылу он был награждён орденом Красной Звезды и уволен из органов по возрасту в звании майора. Многие годы занимался патриотическим воспитанием молодёжи - заседал в президиумах, присутствовал на линейках, рассказывал пионерам о подвигах милиционеров в тылу, кишащем, по его словам, бандитами, дезертирами и спекулянтами.

Дважды овдовевший, он благополучно скончался на девяносто первом году жизни и похоронен на Аллее Почёта.

Советское правительство сняло судимость девятнадцатилетнего штрафника Ярыпина посмертно и в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 2.09.81г. назначило его матери пенсию за погибшего - тридцать восемь рублей в месяц. Этой привилегией девяностолетняя старушка пользовалась целый год.

Май 2007г.

Римма
ДОЛОДАРЕНКО
Предназначение

*«И примешь ты смерть от коня своего...»
Из «Песни о Вещем Олеге»*

Жил да был в древние времена мудрый человек, которому предрекли смерть от камня упавшего с неба, когда доживет он до некоего дня, predetermined судьбой. Жизнь баловала великого человека и, дожив до рокового дня, решил мудрец отпраздновать с друзьями этот день в чистом поле, в степи, где поблизости нет никаких камней, а только травы, озера да синь бесконечного неба. В самый разгар пира над сотрапезниками, поднявшими кубки за здравие и долголетие почтенного старца, пролетал орел, поймавший черепаху. Орлы не в силах вынуть вкусную черепашую плоть из прочного панциря и, поэтому имеют привычку поднимать черепаху высоко в небо и бросать с огромной высоты на землю. От удара панцирь разбивается - пожалуйста на обед! Догадайтесь с трех раз, о чью голову разбился панцирь черепахи, принявшей вид камня, упавшего с неба?!

У меня на кухне лежит охотничий нож. Почти никогда я не пользуюсь им по прямому назначению. Скорее это символ опозтизированного жизненного откровения, символ были, похожей на легенду, саги или сказания. Когда-то он принадлежал человеку неординарной судьбы, - охотнику - Александру Струменко. О хозяине ножа я знаю только, что он был замечательным человеком, занимательным рассказчиком, неизбежные трудности жизни не ожесточили и не сломили его радостного отношения к действительности. Мне рассказали о нем несколько удивительных историй, но запомнились две... или три...

Хирургия

Когда Сашу призвали служить в армию, он попал на флот, был моряком на подводной лодке. Парень был дисциплинированный, но общительный и заводной. Успешен он был во всем, служба шла без осложнений. Однажды во время очень далекого рейда его вызвал к себе судовой врач. Доктор выглядел ужасно. Был бледен, капли пота скатывались со лба и верхней губы, воспаленные глаза прожигали насквозь...

Врач диагностировал у себя аппендицит. Добраться до хирургической помощи - невозможно. Прооперировать сам себя доктор не может физически. Нужен человек, который под руководством больного врача, под местным наркозом удалит воспаленный отросток. Капитан в курсе. Но с хирургией никто на подлодке не связан и несколько человек уже отказали ему. Отказали, поскольку никто не может взять на себя такой ответственности: надо рассечь живую ткань, надо элементарно не потерять сознания при виде крови и шевелящихся внутренностей, надо наложить зажимы на кровоточащие сосуды, надоеще и найти в куче мяса и клубке кишок неизвестно что, неизвестно где... Септика, асептика... Много чего надо... Надо обоим иметь, прежде всего, трезвый ум и нечеловеческое мужество. Чей риск больше?

«Ты охотник, другого человека, близкого к физиологии и не боящегося крови здесь просто нет», - «приговорил» Александр капитан!

Операция прошла успешно, доктор остался жив.

Колесо

Детство Саши прошло в деревне. Его дед был кузнецом и, несмотря на преклонный возраст, продолжал ваять в огне нехитрые инструменты сельского быта и подковывать лошадей. Хозяйство было большое: коровы, бычок, курочки и несколько лошадей. Однажды лошади пропали. Там, где коней оставили пастись на ночь, нашли только разрезанные веревки, которыми были спутаны их ноги. Отец объездил окрестности, замучил расспросами местных жителей, но табун как сквозь землю провалился... Вся семья впала в прострацию, горе было огромным, казалось, выхода нет. Тяжело было смириться с потерей тягловой и движущей силы семейства...

Тогда дед попросил Сашу принести колесо от ходка (брички), которое висело на стене бани. Потом приказал Саше крутить колесо, установленное на ось. Время от времени дед сердито покрикивал: «Тише, тише, лошадей загонишь!» Через некоторое время внук так устал, что приходилось его понукать:

- Шевелись, тяжело мне, крути, не останавливайся!

Неожиданно во двор влетел пропавший табун, верхом на передовом жеребце сидел цыган в цветастой рубахе. Лошади были в мыле. Злобная гримаса перекосила изуродованное страхом лицо цыгана. Парень свалился с лошади, упал в ноги к деду:

- Оставь живым, помилуй, больше не подойду к твоим коням! Пощади дурака, не лишай силы и разума! Я в твоей воле, не в своем уме!

Судьба

С той поры Саша стал верить в возможность колдовства и ворожбы. Но не считал, что на его жизнь такие штуки могут оказывать действие. Дед не афишировал свои возможности, Саше своих задатков не передал, случай с табуном был единственным в своем роде. Да и время было такое, что верили люди больше в свои силы, чем в тонкий мир, заговоры да гадания.

Но однажды Саша не удержался - подал на улице руку цыганке. Она предрекла ему много чего хорошего и плохого, он скоро забыл о ее предсказаниях, но часто повторял только одно: «Умру от удара камнем по голове!»

Рисковал утонуть, замерзнуть в тайге, быть разорванным раненым зверем. Но природный ум, мужество, здравый смысл, а может быть судьба, берегли его во всяких перипетиях жизни.

Как-то весной скакал Саша Струменко на лошади по свежевспаханному полю. Лошадь шарахнулась от зайца, выскочившего из-под копыт. Наездник упал и стукнулся головой о невесту откуда взявшийся в мягком черноземе камень. Смерть была мгновенной.

Цыганка

Василий
КОРОБКОВ
Литераторы

(Роман. Журнальный вариант)

Продолжение. Начало в №№1 и 2 альманаха.

Глава четвёртая

Смолярчик в литературное объединение к нам ходил редко, а если и появлялся у нас, то в летний период. А вот Леонид Розов не пропускал ни одного заседания. И в дождь, и в снег, в летний зной, и в сильный мороз он всегда появлялся в библиотеке одним из первых. Леонид Иванович у нас был самый старый член литобъединения. В 1975-м ему исполнилось восемьдесят лет. Если Смолярчик всегда ходил по городу в галифе и застиранной гимнастёрке, то Розов, сколько я его помню, всегда был при параде. К нам на заседания он постоянно являлся в чёрном костюме, в белой накрахмаленной рубашке и обязательно при галстуке. Волосы на его голове были очень седыми, и мне временами казалось, что он специально, перед тем как выйти на улицу, подкрашивает их белилами. Роста он был ниже среднего, в плечах худенький, но, несмотря на свой солидный возраст, он ходил без палочки и довольно резво. На носу у него постоянно висели очки с толстыми стёклами, а в правое ухо он вставлял слуховой аппарат. Зрение и слух у него были неважные. При себе он всегда имел чёрную папку, которую носил подмышкой. И при каждом удобном случае он открывал её, доставал белоснежные листы с аккуратно напечатанными стихами и пытался читать свои вирши. Особенно он любил

читать их молодым женщинам. Если Смолярчик в семьдесят пять лет к женщинам уже давно охладел, то Леонид Иванович, наоборот - и в восемьдесят лет был готов бежать за всякой женщиной хоть на край света.

После нескольких бесед я ему чем-то понравился, и он пригласил меня к себе в гости. Розов жил в районе ковровой фабрики в однокомнатной квартире на третьем этаже. В квартире у него было чисто. Сначала я думал, что он сам следит за порядком в своём жилище, но оказывается, он нанимал для этого дела уборщиц. Человек он образованный, тридцать лет читал лекции по философии в Самарском университете и имел звание профессора.

- Василий, - предлагая мне чашечку кофе, говорил он с достоинством, - угощайтесь и не стесняйтесь. Я человек уже старый, но обеспеченный, у меня персональная пенсия, очень хорошая...

Я начинал пить кофе, а он пододвигал ко мне то пряники, то конфеты, то мармелад. Он сидел напротив меня в удобном кресле и, любуясь моей молодостью, начинал рассказывать, как в молодые годы во время гражданской войны он служил в контрразведке.

- Ты знаешь, Василий, и я когда-то был лихим подпоручиком. Меня ввели в штаб Колчака, где я добывал очень важные сведения для Красной армии.

- О-о-о! - восклицаю я. - Значит, у вас в жизни приключений было предостаточно! А вы об этом что-нибудь написали?

- Да нет ещё, - грустным голосом отвечает Розов. - Я ещё только собираюсь об этом написать.

- А книги у вас свои написанные уже есть?

- Да нет ещё.

Я смотрю на него удивлёнными глазами, и мне хочется воскликнуть: «Как же так! Вам уже восемьдесят лет, а вы ни одной книги не написали?!»

Видимо, угадав мой немой вопрос, он начал отвечать:

- Понимаешь, Василий, я слишком поздно решил заняться литературой. Мне бы этим делом надо увлечься ещё в молодые годы, а я лучшие годы посвятил педагогике. Я сорок лет преподавал в высшем учебном заведении, объём знаний у меня колоссальный, а вот реализовать эти знания мне так и не удалось ещё. У меня в голове сейчас много планов созрело, я имею в виду в области литературы, но мой возраст, увы, уже не позволяет мне работать так, как я мог бы работать в молодости. Но я хочу дожить до ста лет, это моя самая сокровенная сейчас мечта, а за двадцать лет, мне кажется, я смогу неплохой роман написать о своих молодых годах. Материала у меня для этого очень много.

Он начал говорить мне о том, что многие люди утратили свой литературный талант лишь потому, что откладывали это дело на потом.

- Вот и моя ошибка в этом, - продолжал он. - Я думал сначала надо заработать пенсию, а потом уже заниматься любимым делом, но оказывается, в шестьдесят лет силы уже не те. Голова-то работает хорошо, а вот организм не выдерживает больших нагрузок. Профессия писателя, оказывается, очень тяжела. Не каждый человек отважится сидеть за письменным столом по двенадцать, четырнадцать часов в день, да это очень сложно и трудно. Для этого нужно очень крепкое здоровье, а если литературой заниматься урывками, между делом и спустя рукава, ничего хорошего из этого не получится. Это я уже по себе знаю.

А вы, Василий, человек ещё молодой и, если вы решили серьёзно заняться литературой, то не отодвигайте это дело на потом, а дерзайте в этой области сразу же.

Сначала мне нравилось слушать его профессорские лекции. Мне казалось, что я могу от него почерпнуть недостающие мне знания в области философии и других наук. Но он всё время рассказывал почти одно и то же, и мне стало скучно бывать у него в гостях. Но всё равно время от времени, когда я не знал, чем мне заняться в холодные и дождливые вечера осени или зимы, я навещал старика. В его холостяцкой квартире было приятно посидеть в тепле, поговорить о литературе и попить горячего кофе.

Меня всё время шокировало его отношение к женщинам. Несмотря на свой солидный возраст, он ещё надеялся найти для себя очередную спутницу жизни и готов был жениться на любой женщине, но не старше пятидесяти лет. Однажды я пришёл к нему в гости со знакомой женщиной, которая очень любила стихи. Увидев незнакомку в своей квартире, Розов преобразился. Его было не узнать. Он засуетился и, выложив из холодильника продукты, попросил женщину помочь ему приготовить закуску:

- У меня есть хорошая бутылочка «Мартини», - пролепетал он, - и я хочу угостить вас этим вином. Василий, какой вы молодец! Это очень хорошо, что вы заглянули ко мне на огонёк с дамой своего сердца.

Моя знакомая стала помогать старику накрывать на стол, а Леонид Иванович, увидев, что я заскучал, предложил посмотреть телевизор. Я вышел из кухни в зал и, включив телевизор, сел в удобное кресло. Через некоторое время хозяин зашёл в комнату и, прикрыв за собой дверь, почти шёпотом спросил меня:

- Василий, это ваша супруга?

Я отрицательно покачал головой.

- Это ваш друг? - снова шёпотом спросил он.

Я улыбнулся и молча кивнул головой.

- А вы давно знакомы с этой женщиной?

- Да не очень, - ответил я, ещё не понимая, к чему он клонит. - А что?

- Да так, ничего, - ответил он и снова убежал на кухню.

А минут через пять он снова зашёл в комнату и, прикрыв за собой дверь, неожиданно жарко заговорил:

- Василий, дорогой! Вы человек ещё совсем молодой и у вас женщин ещё будет очень много, вы не смогли бы меня оставить с этой женщиной наедине? Я был бы вам за это очень благодарен.

Я опешили и смотрел на Розова округленными глазами. Мне казалось, что я ослышался, но он пробормотал мне совсем другое. Увидев моё замешательство, он снова заговорил:

- Ну, что тебе стоит ради друга в почтенном возрасте сделать такой праздник?

- Да мне как-то и неудобно оставить её одну и уйти. Что она обо мне подумает?

- А ты не сразу уходи, мы сейчас посидим немного, а потом ты, якобы, соберёшься в магазин за сигаретами или ещё за чем-нибудь и исчезнешь. А потом что-нибудь придумаешь для оправдания, ты же литератор, а фантазия у тебя должна работать хорошо. А я, чтобы тебе не скучно было

в этот вечер, денег дам. Ты сможешь в ресторан сходить и прекрасно провести там время.

- А вы чего с ней будете делать? - изумлённо спросил я, не веря в то, что в восемьдесят лет он будет заманивать её в постель.

- Я ещё не знаю, и конкретного решения у меня нет, но мне очень хочется побыть с женщиной один на один, я так соскучился по женскому общению, что просто жуть. Вы можете оказать мне такую любезность?

И он для большей убедительности неожиданно показал мне денежную купюру достоинством в двадцать пять рублей и сунул её в карман моего пиджака.

Я растерялся ещё больше. Я ещё ни разу не был в таком глупом положении. Мне ещё никогда не приходилось торговать своими подругами, но дедушка смотрел на меня такими жалостными и умоляющими глазами, что я, сам не зная почему, кивнул головой, как бы соглашаясь с его предложением.

- Вот и замечательно! Я знал, что вы меня поймёте правильно. А я вам буду за это очень благодарен. А сейчас идёте на кухню, мы посидим втроём немного, а когда Леночка выпьет рюмки две вина, вы вспомните, что у вас кончились сигареты и, предложив ей посидеть несколько минут в моём обществе, удалитесь. Хорошо?

Я снова кивнул и, немного покраснев, вместе с ним зашёл на кухню.

С Леной я познакомился неделю назад, когда ужинал в пельменной, что находится в центре старого города. Мы случайно оказались за одним столиком. С подносом в руках, на котором стояла порция горячих пельменей и бутылка лимонада, она подошла к столику и вежливо спросила:

- У вас свободно? Не занято?

- Нет, нет, садитесь, пожалуйста.

Молодая женщина поставила поднос на стол, отодвинула стул и села напротив.

- Приятного аппетита! - пожелал я, пытаюсь завязать с ней разговор.

- Спасибо! И вам того же самого, - ответила она и, взяв вилку, начала неторопливо есть пельмени, облитые сметаной.

Женщина, на первый взгляд, показалась мне симпатичной и хорошо воспитанной. Но, немного приглядевшись, я сообразил, что она больше смахивает на простую ткачиху. И я осмелился предложить ей стакан пива:

- Пива не желаете со мной выпить? - спросил я, взяв бутылку пива в руки.

Женщина посмотрела не меня, потом на бутылку пива и, немного засмущавшись, проговорила:

- Вообще-то можно, только немного. Если можно, налейте мне полстаканчика.

Мило улыбаясь, я наполнил пивом её стакан до краёв.

- Ой, зачем так много! Я полный стакан, наверное, не выпью!

- Да вы не волнуйтесь, - успокоил я её, - в нём больше пены, чем пива, сейчас пена осядет и хорошо, если в нём полстакана пива окажется.

И действительно, когда пена осела, пива в стакане оказалось чуть больше половины. Свой стакан я наполнил до краёв и, поднимая его, предложил чокнуться, а когда наши стаканы весело звякнули, я сказал:

- Меня Василием зовут, а вас?

- А меня Леной, - ответила она и мило улыбнулась.

- Ну, вот мы и познакомились, - весело затараторил я, - а вы всё время здесь ужинаете?

- Да нет, просто я сегодня хотела подругу провести, а её дома не оказалось, а до дома добираться далеко, вот я и решила немного перекусить.

- А вы далеко отсюда живёте?

- В районе завода «Химмаш».

- А работаете где, если не секрет?

- Там же - на Химмаше контролёром ОТК.

- А вы в кино со мной не желаете сегодня сходить?

- Ой, я даже и не знаю, вы такой скромный, и пиво предлагаете, и в кино, я даже немного в растерянности.

- А чего вам теряться? Что у вас семеро по лавкам дома сидят?

- Да нет, конечно.

- Или вас мужа дома ревнивый дожидается?

- Да нет у меня мужа, я с ним уже развелась.

- А-а-а, вон чего, - разочарованно произнёс я. - Тогда тем более вам терять нечего. Сейчас допьём с вами пиво и пойдём в кино.

- Да как-то неудобно с незнакомым мужчиной сразу же и в кино шагать, - несмело возразила она.

- Неудобно штаны через голову надевать, - пошутил я, - а после кинофильма мы с вами поближе и познакомимся. Хорошо?

- Ну, ладно, уговорили, - согласилась женщина. - А вы меня потом до дома проводите?

- Разумеется! - ответил я, разливая остатки пива поровну.

В кинотеатре, когда погас в зале свет, и начались первые кадры кино, я сразу же приступил к штурму её «запретных зон». Сначала Лена настойчиво отстраняла мои руки от своих прелестей, а потом ей надоело воевать с моими ласковыми руками, и она позволила им забраться туда, где неистово билось её молодое сердце.

- Василий, ну нельзя же так! Мы же кино пришли смотреть, и люди кругом сидят, - зашептала она.

- Люди кино смотрят и на нас с тобой не глядят, а мы на последнем ряду находимся, - так же шёпотом отвечаю я, и начинаю нежно массажировать её маленькую грудь.

После кинотеатра мы сидели с ней в городском парке, и я хвалился перед ней своей самодельной поэтической книгой. Лена думала, что эта книжка настоящая, и смотрела на меня такими глазами, будто я свалился на скамейку в парке с неба.

- Ой! Мамочка! Я ещё ни разу не видела живого поэта! - весело воскликнула она, листая мой самодельный сборник. - А вы можете что-нибудь сразу сочинить? - подумав, спросила она, не скрывая восторга.

- Разумеется! - ответил я и тут же, напрягая извилины, выдал на гора - пробные строчки:

Готов я встать пред вами на колени

И говорить, в душе не зная лени,

Что вы прекрасная и сказочная фея!

Смотрю на вас я, без вина хмелея.

- Ой, как здорово! - завизжала Лена и доверчиво прижалась к моему плечу.

Воспользовавшись её минутной радостью, я поймал её пухлые губы своими губами, и мы замерли в длительном поцелуе. А когда совсем стемнело, мы забрели с ней на какую-то стройку и, увидев рабочий вагончик, я открыл ржавым гвоздем замок, висящий на двери, и мы оказались внутри вагончика на каком-то верстаке.

Лена в любви уже была не новичок и особого сопротивления она мне не оказывала. И мы наслаждались друг другом почти до утра. А потом начали встречаться раза два в неделю, а тут и осенние дожди зарядили, и по улицам бродить было холодно, вот я и заглянул с ней на огонёк к Леониду Ивановичу погреться. А оно, вишь, как дело поворачивается. Седой дедушка просит поделиться своей подружкой!

- Ну, что, мои дорогие друзья! - воскликнул Розов, приглаживая рукой седые волосы и вставая со стула. - Я предлагаю выпить это прекрасное вино за дружбу!

И он потянулся своим бокалом к бокалу Лены. Мы с Леной машинально встали возле стола по стойке смирно и, чокнувшись, медленно осушили свои бокалы до дна.

- Вот молодцы! - обрадовался старик, увидев, что и Лена выпила свой бокал до дна. - Прошу садиться и отведать моего угощения.

Мы сели за стол и стараясь показать, что и мы не лыком шиты, начали интеллигентно орудовать вилками. А через минуту хозяин встрепенулся и снова наполнил бокалы искристым вином, и снова но, уже не вставая, произнёс тост:

- А теперь, мои дорогие друзья, давайте выпьем за прекрасную любовь!

- А есть ли она такая любовь-то на свете? - немного лукавая, спросила моя подруга.

- Леночка, а как же! Конечно, есть! Поверьте мне как человеку, который прожил на этом свете гораздо больше чем вы вдвоём. Любовь бывает всякая: и прекрасная, и платоническая, и божественная, и всеобъемлющая. Только люди иногда небрежно относятся к ней, а любить по-настоящему - это большой подвиг, и не каждый человек способен на это.

- А вы, Леонид Иванович, когда-нибудь любили вот так вот - по-настоящему? - спросила Лена, и глаза её засветились задумчивой мечтательностью.

- Конечно, Леночка любил. У меня в молодости, когда я работал в контрразведке, такая романтическая любовь была с одной девушкой, что если вам рассказать, вы не поверите!

- Ой, как интересно! - взвизгнула Лена. - А вы не могли бы нам рассказать об этом?

- Конечно, могу, - улыбаясь и прищуривая свои подслеповатые глаза, проговорил Розов, и несколько раз пнул своим башмаком мою ногу, напоминая, что пора бы мне исчезнуть.

Признаться откровенно, исчезать мне не хотелось, но двадцать пять рублей уже лежали в моём кармане, и профессор иногда так смотрел в мою сторону, словно хотел живьём меня проглотить. Я посмотрел на Лену, которая приготовилась слушать историю романтической любви, и мне

стало её немножко жалко, но потом я подумал: ну что может сделать с ней этот старикашка, даже если и уговорит её лечь с ним в постель? В крайнем случае, погладит её ножки, прижмётся к её плечу, ну, может быть, старческую слезу пустит, - и всё. И, перебарывая в себе неприятные чувства предательства, я неожиданно воскликнул:

- О! Боже ты мой! Минут через пятнадцать магазины закроются, а у меня сигареты кончились! Лена, ты посиди здесь. А я – скоро.

И, не давая ей опомниться, метнулся в коридор. Леонид Иванович увидев, что женщина хотела шагать вслед за мной, осторожно взял её за руку и тихо проговорил:

- Лена, не волнуйтесь, магазин у нас рядом, за углом дома находится, ваш друг быстро сбегает и вернётся. А я сейчас кофейку сварю и такую прекрасную историю расскажу, что вы на всю жизнь запомните.

Лена осталась сидеть на месте, а профессор вышел в коридор, помог надеть мне куртку и, закрывая за мной дверь, тихо прошептал:

- Василий! Спасибо тебе, ты настоящий друг!

Затем захлопнул перед моим носом дверь.

- Сучок старый! - выругался я. - Под старость лет молодую женщину ему поймать, захотелось. И надо же!

Я вытащил из кармана дармовые деньги, покрутил их в руках и неторопливо вышел из подъезда. В ресторан мне ехать не хотелось, а домой идти желания не было. Моя супруга уехала на выходные в деревню к матери и, вспомнив очаровательную жену Лескова, я от радости подпрыгнул на месте и помчался на автобусную остановку.

Поеду к Митьке! - решил я. Бутылочку коньяка возьму, пива и посижу у него за столом по-человечески. С ними гораздо интереснее общаться, чем с этим стариком. И Маняшу снова увижу. Она в последний раз так мило улыбалась мне и загадочно так подмигивала, что у меня мурашки по спине бегали. Я, наверное, ей чем-то понравился, а может быть, она влюблена в меня? Вообще-то она женщина красивая, не плохо бы с ней в постели побарахтаться. Правда перед другом вот будет неудобно...

Мне было стыдно думать о том, как своему другу рога наставлю, но в тот вечер мне этого очень хотелось, и я был счастлив от мысли, что жена Митькина может быть влюблена в меня.

- Скорей, скорей! - подгонял я себя, перепрыгивая через осенние лужи. - У них, наверное, и печка истоплена. Поэт мне новые стихи почитает, да и мне есть чем его порадовать, а главное - я снова увижу Маняшу. А какие у неё большие и красивые глаза. Так и хочется нырнуть в этот чёрный омут и плавать в нём до тех пор, пока вся моя плоть не растворится в этом чёрном очаровании!

И действительно, когда я вошёл к ним в избу, хозяин сидел возле напленной печки и читал какой-то журнал.

- Здравствуйте, - снимая картуз, поздоровался я. - В гости можно зайти?

Митя, увидев меня, расцвёл, как пион на жарком солнце и отложил журнал в сторону, весело побормотал:

- Лёгко ты на помине, Маняша только что вспоминала о тебе. Заходи, сейчас чайку сварганим.

- Да у меня есть чего и покрепче, - доставая из нагрудного кармана коньяк, похвалился я.

И тут увидел Маняшу, которая вышла из-за перегородки, что разделяла комнату и кухню. Увидел, и сердце моё сжалось. На меня смотрели её восторженные и очень красивые глаза, а я понял, что она меня сегодня ждала.

Неужели, влюблена в меня? - подумал я, и сердце моё разволновалось ещё больше.

Я поставил бутылку на стол, потом начал вытаскивать из сумки бутылочное пиво и мелкую сушёную рыбешку, что в этих краях называют сентепкой, и радостно воскликнул:

- Готовьте закуску! Гулять будем!

- А что за праздник у тебя? - весело поглядывая на меня, спросил друг.

- Не знаю, какой сегодня праздник, - ответил я, - просто у меня сегодня отличное настроение. Я сегодня двадцать пять рублей на дороге нашёл, вот и решил пропить их. А одному вино пить не интересно, я и вспомнил про друзей, решил провести. Коньяк будем пить?

Улыбка на лице у Мити разъехалась ещё шире, и он ответил:

- Коньяк - это вещь хорошая. Маняша, - обратился он к жене, - готовь закусь и рюмочки из серванта доставай. Василий нас хочет коньяком угостить и пивом.

Женщина засуетилась, заметалась по комнате, как берёзовый листок, подхваченный озорным ветром.

- Василий! Ой, как здорово, что вы пришли! А то мы сидим с ним весь вечер у окна и скучаем. А здесь такая радость. Митя мне стихи Рубцова читает, ему не скучно, а я весь день на кухне торчу, готовлю. Мне скучно. А вы нам сегодня свои новые стихи читаете?

- Конечно, читаю! - отвечаю я.

Мы разговариваем очень громко, непринуждённо, стараясь ничем не выдать уже завязавшиеся тайные отношения между нами. Я видел, как радуется Маняша моему появлению, а какому мужчине не понравится, если женщина так сильно волнуется, увидев его.

Вскоре хозяйка приготовила нам на скорую руку яичницу- глазунью, нарезала тонкими ломтиками варёной колбасы, из свежих помидоров сделала салат. Всё это она поставила перед нами на стол, потом сняла фартук, поправила причёску и радостная и счастливая села за стол напротив меня, на рядом с мужем.

Друг, естественно, обратил внимание на чрезмерную радость своей супруги и, ехидно усмехнувшись, промолвил:

- Маняша! Я тебя не узнаю сегодня. Ты вся сияешь, как начищенный самовар, уж не влюбилась ли ты в молодого поэта? Смотри у меня, я не ревную, но предупреждаю!

- Митька, ну что ты мелешь! Ты у меня самый лучший и несравненный. А Василий тоже очень милый, но он твой друг и у него своя жена есть и тоже, наверное, красавица? Василий жена у тебя красивая? - спросила Мария.

Я пожал плечами и, смущаясь, ответил:

- Конечно, красивая, иначе я бы не женился.

- Ну, вот слышишь, что Василий говорит, так что твоя ревность совсем неуместна, я просто радуюсь, что у тебя есть такие замечательные друзья.

И снова, обращаясь ко мне, она спросила:

- Василий, а ты нас познакомишь со своей женой?

- Если у вас есть такое желание, естественно, - ответил я, - только сегодня она уехала в деревню к матери.

- Да я не имею в виду, что сразу же, немедленно, а вообще!

Я понял, что Маняша напрашивается в гости, а знакомство с моей женой - только повод для этого, и незамедлительно ответил:

- Хорошо, если вы не будете против, я приглашаю вас на следующий выходной к себе в гости.

Хозяйка посмотрела на мужа, словно лиса на ёжика, и спросила:

- Слышишь, нас приглашают в гости. Пойдём в следующие выходные к нему?

- Как хочешь, - засовывая в рот вилку с долькой помидора, ответил он.

- В гости ходить - не вагоны углём грузить.

Ближе к одиннадцати часам ночи гостеприимные хозяева проводили меня до автобусной остановки, но, попрощавшись с ними, я не стал дожидаться транспорта и направился в сторону своего дома пешком. Старый город небольшой, его из конца в конец пешком можно пройти за полчаса. И в двенадцать ночи я был уже дома. Раздевшись, я забрался в холодную кровать под ватное одеяло, и, начиная согреться, закрыл глаза и стал думать о Марии.

«Дружить семьями - это хорошо, - уже засыпая, подумал я. - Всё-таки жена у Мити красивая, а как нежно она пожала мою руку, когда мы прощались, а какой взгляд при этом у неё был. Нет, безусловно, она влюбилась в меня. Это с одной стороны хорошо и в то же время плохо. Если она согрешит со мной, как потом другу в глаза смотреть?»

Я думал о Марии, мне хотелось иметь с ней амурные дела, а совесть ворочалась в моей душе и возмущалась, читая мои крамольные мысли по этому поводу. И зачем она даёт мне повод думать о ней, как о своей потенциальной любовнице.

«Ну, и ладно, пусть всё идёт своим чередом», - подумал я засыпая.

В ту осеннюю ночь мне, как всегда, снились девушки. Во сне я плавал с ними в шикарном бассейне и любовался красивыми фигурами, мне хотелось визжать от нахлынувшего восторга. Время от времени я превращался с боку на бок, но женщины во сне от меня не убегали.

Глава пятая

Прошло недели две, и зима окончательно вступила в свои права. На улицы выпал снег, и город преобразился. Моя жена обрадовалась новому знакомству, она была очень рада, что у меня в чужом городе появились друзья. Мы с Митей сидели на кухне и после водочки догонялись свежим пивком, а женщины сидели на диване в другой комнате и, разглядывая альбом с фотографиями, иногда о чём-то шептались.

- Во! Слышишь? - спрашивал меня друг, услышав очередное шептание.

- Чего-то про нас лопочут.

- А тебе разве жалко, - отвечаю я, - пусть лопочут, лишь бы пива не просили.

Лесков засмеялся.

- Чего вы там смеётесь? - заигрывающе спросила Маняша.

- А вам какая разница, - весело ответил ее муж. - Мы вам шептаться не мешаем, и вы нам не мешайте пиво пить.

- И мы пива хотим! - воскликнула Мария.

Он расхохотался ещё громче.

Женщины отложили альбом с фотографиями, вернулись на кухню и, мило улыбаясь, уселись за стол. А я наполнил их фужеры пенистым пивом.

Потом мы отправились гулять и долго бродили по заснеженным улицам. Митя шёл, держа под руку мою жену, а я наоборот – Маняшу. Она, кокетничая со мной, болтала чёрт знает о чём, а когда тротуар сузился наполовину, Лесков с Раей пошли впереди, а мы за ними. Заглядывая мне в глаза, Маняша зашептала:

- Василий, а жена у вас и правда красивая, - и, не давая мне вымолвить слова, тут же спросила, - а я красивая или нет?

- Красивая. Особенно глаза, они такие большие и привлекательные, мне прямо утонуть в них хочется.

- Правда?

- Конечно, правда, с чего мне врать-то.

- А вы плавать умеете?

- Умею.

- Ну, тогда вы не утонете, и я вам разрешаю плавать в моих глазах.

- Правда? - в свою очередь спросил я.

- Конечно правда, - хлопнув большими ресницами, ответила женщина, - только Митке ничего не говорите об этом, а то он у меня ревнивый. И в каждом мужчине он видит моего любовника, просто кошмар.

- А вы чего, ко всем мужчинам не равнодушны? - спросил я.

Мария взглянула на меня осуждающим взглядом и промолвила:

- Василий, ну, что вы, за кого вы меня принимаете? Вообще-то многие мужчины мне нравятся, но не могу же я встречаться со всеми, кто мне нравится.

Она сняла перчатку и положила свою ладошку в мою ладонь.

- Какие у вас руки горячие, - прошептала она и так близко наклонилась к моему лицу, что мне захотелось поцеловать её. Она это поняла и, оценив мой мимолётный порыв, негромко засмеялась и снова зашептала: - А вы несдержанны и, наверное, очень темпераментны, но разве можно целоваться на улице, да ещё в присутствии своей жены. Видите, они всё время оглядываются на нас.

Я принял благородный вид, и мы зашагали по тротуару, как добрые друзья, как будто между нами ничего не происходит.

...Районный городок, имеющий население в несколько тысяч жителей, по сути своей очень маленький. Здесь более-менее выдающийся человек всегда на виду. Если захочется вам увидеть человека, которого вы уже давно не видели, стоит вам в час пик постоять в центре старого города на автобусной остановке, и вы его непременно увидите. В вечерние часы, когда сумерки начинают сгущаться над городом, возле гостиницы народу всё время толпится много. Кто автобус ждёт, а кто-то случайной встречи. Здесь, в этой вечерней сутолоке всегда можно познакомиться с девушкой, которая явно никуда не торопится, и прогуливается вдоль фасада гостиницы в поисках вечерних приключений. Здесь, у гостиницы,

влюблённым удобно назначать свидания. От гостиницы можно уехать в любой район города. Удобное место для встреч и случайных знакомств.

В то время я ещё был совсем молодой, и домашний уют в обществе своей супруги меня особо не привлекал. Моя пламенная душа жаждала любовных приключений и, когда мне было особенно скучно, я часто дежурил возле гостиницы, высматривая лёгкую добычу. В один из таких вечеров я прогуливался вдоль гостиницы, всматриваясь в смазливые лица девушек, которые мелькали передо мной ежеминутно. Но все куда-то торопились, и тут вот моё внимание привлекала девушка, которая стояла чуть в стороне и читала какие-то объявления, наклеенные на фонарный столб. Я подошёл к ней и, ещё не видя её лица, промолвил, как можно ласковее:

- Здравствуйте мадам! А что мы здесь читаем?

Девушка обернулась, а я тут же обомлел. Это была Лена, которую, я оставил у Розова в квартире. Я так растерялся, что на некоторое время потерял дар речи. Но, немного опомнившись, я снова заговорил, готовый в любую минуту провалиться сквозь землю:

- А куда вы исчезли тогда? Я вернулся через полчаса, а вас уже не было у Леонида Ивановича.

- Да-а-а! - удивлённо промолвила Лена, и глаза её стали шире блюдца, - по вашей милости меня за прогулы с работы уволили.

- Это каким же образом? - удивился в свою очередь я.

- Обыкновенным. Вы что - специально со стариком договорились, чтобы меня в ловушку заманить?

- В какую ловушку, - делаю вид, что я ничего не понимаю.

- За какими ты сигаретами ушёл? Ты же мне говорил, что ты не курящий.

От неожиданности я сразу же покраснел и мне стало жарко, но краску моего стыда прятали сумерки и, переминаясь с ноги на ногу, я начал оправдываться:

- Сигареты я пошёл покупать для своего соседа, он инвалид войны и просил меня купить ему целую упаковку.

- А почему же ты не вернулся?

- Я, приходил. Я вернулся, но мне не открыли дверь, и я подумал, что вы там занимаетесь каким-нибудь делом и вам не до меня.

- Врёшь!

- Нет, я не вру, я минут пять звонил в дверь, но вы не открывали и, обидевшись, я ушёл. Знаешь, как я на вас обиделся в тот день?!

Лена задумалась и смотрела на меня каким-то отрешённым взглядом.

- А что у вас там произошло? - сгорая от любопытства, спросил я. - Он к тебе приставал? Или в любви признавался?

- Ой! И не спрашивай даже! Это не старик, а деспот какой-то. Он меня две недели из своей квартиры не выпускал. Как ты ушел, он угостил меня ещё вина выпить, а я, дура, и выпила. Он, наверное, чего-то подсыпал в вино-то, я после третьей рюмки так сильно спать захотела, просто ужас. А он подумал, что мне плохо стало, и предложил мне прилечь на диван. Я согласилась.

А когда утром проснулась и пришла в себя, то оказалось, что я совсем раздета, а он рядом со мной лежит и целует меня и руками гладит. Мне так противно стало, оттолкнула я его от себя, на пол скатилась, начала искать

свою одежду, а старик её куда-то спрятал. Бегаю я по комнате в чём мама родила, а он за мной на коленях ползает и тоже голый весь, и лопочет, что он меня может озолотить, если я соглашусь жить вместе с ним.

Оттолкнула я его от себя и, забежав в ванную комнату, закрылась там. А он стучит потихоньку в дверь и бормочет мне о какой-то поздней любви, которая похожая на золотую осень. Он чего, тоже поэт что ли? - спросила она меня.

- Да вроде бы, я с ним знаком-то совсем недавно, и что он за старик, ещё не знаю.

- Ну, если поэт, - проговорила Лена, - тогда, понятно, что крыша у него поехала. Поэты все немного с прибамахом, а в его-то лета и совсем - естественно.

- Ну, а дальше-то что? - спросил я, сгорая от нетерпения.

- А ничего, - ответила Лена, продолжая рассказывать, - начал он дверь дёргать в надежде крючок оторвать, а я вижу, что дела мои плохи, крючок слабенький и вот-вот отлетит, но здесь я увидела швабру в углу и засунула её в ручку двери, и дверь перестала шататься. Понял старик, что в ванную комнату ему просто так не ворваться, начал меня уговаривать, чтобы я дверь открыла. Чего он только ни обещал мне. А я как вспомню, что он, возможно, всю ночь елозил по мне, так меня словно кипятком обливают, знаешь, как мне стыдно было, я даже представить себе не могла, что этот старик пользовался моим телом.

- А потом что?

- А ничего, он по одну сторону двери стоит и про любовь талдычит, а я - по другую. Ему-то хорошо, он в своей квартире!

Вскоре он оделся, а мне нагишом прыгать в ванной холодно стало. Открыла я кран с горячей водой и обрадовалась, что вода горячая пошла. Набрала полную ванную тёплой воды, забралась в неё и начала отогреваться. А старик, устав мне в любви через дверь объясняться, начал угрожать. Говорил - вызовет милицию и скажет, что жулика в квартире застукал.

- А ты?

- А я ему сказала, что заявлю им, о том, как он меня обманным путём заманил в квартиру и начал насиловать, а я вырвалась и спряталась от него в его же ванной. Он кричит мне через дверь:

- А чем докажешь, что я пытался тебя изнасиловать?!

- Как чем? - отвечаю, - а моя одежда у тебя где-то спрятана, я же совершенно голая!

Притих старик, а потом вдруг говорит:

- Ну, ладно, открывай дверь и забирай свою одежду, я всё понял, ты - женщина, не моего поля ягода.

А я чувствую, что он за дверью стоит и от своих намерений отказываться не хочет, потому кричу ему:

- Нашёл дурочку! Я открою дверь, а ты опять начнёшь силу применять...

А силы в нём ещё много. Я в этом убедилась, когда его с кровати скатывала, он так за мою ногу уцепился, думала - отломит! У меня даже синяки на ноге от его пальцев проступили.

- Что же дальше у вас было? - спросил я, удивляясь ещё больше.

- А ничего, - ответила Лена и рассказала все по порядку:

- Я как лежала в ванной, так и лежу, мне в горячей воде хорошо и тепло, а он ходит по коридору, как часовой и бубнит себе под нос: «Всё равно надоест тебе в ванной плескаться, проголодаешься и выйдешь, а я подожду, мне спешить некуда, я на пенсии». А я решила в ванной до победного конца лежать, пока он милицию не вызовет.

- А дальше? - снова спросил я, сгорая от нетерпения. - Что дальше то было?

- Чего, чего, - уже спокойнее ответила Лена, - потом он в туалет захотел, туалет-то у него в ванной. А потом он открыл форточку, что у самого потолка находилась, через неё просунул мою одежду и сказал, чтобы я одевалась и выходила.

Я обрадовалась, вылезла из ванной, обтёрлась полотенцем, оделась и осмелилась покинуть своё убежище. Я думала, что, выйдя в коридор, я оттолкну старика в сторону, и успею выбежать в подъезд. Но когда я вышла и подошла к входной двери, она оказалась закрытой на ключ, а он в это время накинул на меня петлю и начал всю обматывать верёвкой. Ну, тут я разозлилась совсем и стала его пинать ногами. Он упал, а я, размотав верёвку, снова забежала в ванную и опять дверь шваброй заперла.

Долго старик ругался в коридоре, на чём свет стоит. А когда устал ругаться, сказал мне:

- Ну, и чёрт с тобой, сиди там, пока не околеешь.

- И сколько жет ты там просидела? - спросил я.

- Почти две недели.

- И всё это время ты голодала?

- Да нет, он меня кормил.

- А каким же образом?

- Он еду мне через форточку подавал.

- А куда же он в туалет ходил?

- Понятия не имею, - смеясь, ответила Лена, - может быть, к соседям бегал, а может быть, на улицу, Бог его знает.

- Дурдом! - покачивая головой, проговорил я. - А как же ты выбралась из квартиры?

- У него холодильник, видимо, опустел, и он в магазин ушёл. Услышала, как входная дверь закрипела, а после этого в квартире абсолютная тишина наступила. Я попробовала выглянуть, а дверь снаружи, как я потом поняла, палкой была приперта.

- И как же ты вышла?

- Через форточку. Форточка-то у него оказалась большая, а фигура у меня, сам знаешь, тонкая и прозрачная.

- Да так и застрять можно было бы?

- Конечно, но мне повезло, я выползла. Правда, у него посуду разбила, что на полочке стояла над самой форточкой, но это ему в назидание, не будет женщин в следующий раз в плен забирать. И вообще я ему такой кавардак там устроила, пока его не было, ты только бы видел! И подушки все изорвала, и простыни, и диван кверху дном перевернула, аквариум с рыбками на постель выплеснула, в общем, навела ему шороху. А тут, слышу, ключ в дверях зашевелился, спряталась я за шторкой, а когда он открыл дверь и хотел в прихожую войти, я так шибанула его, что он несчастный, кубарем к соседней двери

выкатился. А я выскочила наружу, обозвала его старым идиотом и убежала.

Я представил себе, как Розов летел кубарем, и вообще всю эту глупую историю, и так смеялся, что обратил на себя внимание прохожих. Смеялась и Лена.

- Нет, ты представляешь Василий, - весело тараторила она, - у меня ещё в жизни таких приключений не было, а он-то каков! На вид, вроде бы порядочный старец, о возвышенной любви что-то бормотал, о золотой осени. А сам оказался обыкновенным ловеласом. Он кем работал-то? Уж больно деньгами-то хвалился.

- Да каким-то профессором был, - ответил я.

- А-а-а, ну всё понятно, - проговорила Лена, - повадился всю жизнь глупых студенток охмурять, наверное, думал, что и я такая.

Но здесь подошёл автобус, и Лена заторопилась:

- Я в соцгород собралась, ты со мной не поедешь? - спросила она.

Я замешкался: в соцгород мне ехать не хотелось, я знал, что она живёт на частной квартире у какой-то бабушки, а бродить с ней по зимним улицам и играть роль влюблённого Ромео, мне не хотелось. Но я сказал ей, что - с удовольствием. А, затолкав её в переполненный автобус, сам остался на остановке, а она, думая, что я нахожусь позади неё в салоне, уехала.

...В ближайший четверг я пошел в библиотеку, где проходили у нас литературные заседания. Мне очень хотелось увидеть Розова и посмотреть на него совершенно другими глазами. Я и не думал, что такой серьёзный дедушка на самом деле совершенно не тот, за кого его некоторые принимают. Когда я вошёл в комнату литераторов, там уже были Лесков и Жиневский, ещё один незнакомый мне парень, как потом я узнал, - это был Валера Жердев и руководитель литобъединения Малешкин. Я поздоровался, пожал всем руки и специально сел напротив Розова, чтобы лучше наблюдать за его поведением.

Леонид Иванович, пожав мне руку и увидев мой изучающий взгляд, немного смутился, но, мило улыбаясь, тихо прошептал:

- Как хорошо, что вы сегодня пришли, мне с вами надо будет поговорить, после заседания вы сразу не убегайте, хорошо?

Я улынулся и, соглашаясь, кивнул.

В тот день на заседании у нас появился новый персонаж - Валера Жердев. Он был мне ровесник, но ростом вымахал почти под два метра. Сидел за столом, а его длинные ноги торчали по другую сторону стола. Валера долгое время находился в другом городе на учёбе, он был студентом и заканчивал учиться на журналиста. Валера читал свои новые стихи, и все внимательно слушали его. С первых же минут общения я понял, что этот парень здесь не новичок, и его все прекрасно знают. Стихи у него были добротные, в них чувствовалась эрудиция автора, и критиковать студента никто не торопился. В одном из стихотворений он рассказывал о заброшенных церквях и том, что люди необоснованно отвернулись от религии и от Бога. В конце стихотворения малограмотная бабушка, обираясь к председателю колхоза, кричит:

- Аспиды! Гореть вам в геенне огненной! Антихристы проклятые...

- А вот за такие строчки в наше время и привлечь могут, -

многозначительно заметил Боря Жиневский, и на его лице появились блики ясновидящего.

Он всем своим видом показывал, что лично он никогда бы не стал писать стихотворение на такую скользкую тему.

- Мне позиция автора в данном случае не ясна, - прогнусавил он, - ну, бабушка, понятно, - она малограмотная, а может быть, и вообще никогда и нигде не училась. Автор же, в данном случае, идёт на поводу у этой бабушки. Валера, ты чего ещё сомневаешься, что Бога на свете не существует? Ты же знаешь, что это красивый вымысел, а в стихотворении проскальзывают мысли, которые говорят об обратном!

- Боря! - возразил Жердев, - религию, особенно Христианство, попирают только у нас в Советском государстве, а во всех западных странах и в Америке, это - одна из ведущих религий всего мира. Неужели ты думаешь, что там люди живут гораздо глупее, чем у нас в России? Лично я так не думаю.

Они начали спорить и вскоре в такие дебри залезли, что и сами не могли толком разобраться, кто из них прав. Лично я, слушая их перебранку, был явно изумлён. Я никогда ещё не размышлял на эту тему, и мне было почти неведомо, что люди во всём мире воспринимают Господа по-разному. Я был далёк от понятия Бога и про Библию знал только понаслышке. Я ни разу не держал её в руках и о чём там написано - не имел никакого представления.

Валера удивлял всех знанием Библии, а Боря цитировал выдержки из работ Карла Маркса. Ни Библию, ни «Капитал» Маркса я не читал и слушал их, раскрыв рот. Но Малешкин совсем перебил их и напомнил, что у нас здесь не политический клуб дискуссий, а литературный кружок, и мы сейчас разбираем не мировоззрение автора, а его литературное произведение.

Друзья прекратили спор, и Валера продолжил читать свои стихи, а Боря больше не пытался встречать в разговор, он был явно обижен, что его мнение по этому поводу игнорировали и не дали высказаться до конца. Вскоре он ушёл, сославшись на неотложные дела.

Домой на этот раз я возвращался с Розовым. И, когда мы сели с ним в автобус, он спросил меня:

- Василий, а вы когда Лену видели в последний раз?

Я сделал удивлённое лицо, всем видом показывая, что я ещё ничего не знаю о том, что у него с ней произошло, спокойно ответил:

- Да с того дня, как я её оставил у вас, ещё и не видал. А почему вы спрашиваете об этом? Она, как ушла от вас, так больше не приходила?

- Да понимаешь, Василий, у меня с ней произошла не очень-то красивая история, и мне бы хотелось извиниться перед ней, вы не могли бы сказать, где она проживает?

Я посмотрел на профессора, как на диверсанта, который задумал что-то нехорошее, и мне сразу же расхотелось говорить Ленкин адрес: «Чёрт его знает, что он задумал», - мелькнуло у меня в голове, и я ответил:

- Да если сказать по правде, я и не знаю, где она живёт. Мы с ней всё время встречались у гостиницы.

- Мда-а-а, - промычал старик и замолчал.

- А что у вас с ней произошло? У вас что-нибудь получилось с ней?

- Да нет, ничего у меня с ней не вышло, - немного помолчав, заговорил он. - Она оказалась женщиной не очень дальновидной и, по-моему, очень высокого о себе мнения. А мне нужна женщина попроще. Василий, а вы не могли бы найти для меня женщину без всяких выкрутасов?

Я посмотрел на Розова, как на реликта, и, стараясь не обидеть старика, проговорил:

- Хорошо! Я буду иметь в виду, если у меня на горизонте появится такая женщина, я попробую познакомить вас.

- Вот и прекрасно! - повеселевшим голосом проговорил он и добавил: - Василий, меня в воскресенье пригласили в колонию усиленного режима, для того чтобы заключённым почитать свои стихи. Вы не желаете со мной пойти на эту встречу?

- А меня пустят на зону? - спросил я.

- Разумеется, - ответил Розов, - замполит колонии даже будет очень рад.

- Надо подумать! - задумался я.

- Подумайте, подумайте, - согласился профессор - а если надумаете, то в воскресенье приходите к воротам этого учреждения к одиннадцати часам дня, я буду там.

Мне стало любопытно и захотелось своими глазами посмотреть, как у нас в Черемшанске живут заключённые за колючей проволокой. И в воскресенье я появился в назначенное время возле ворот колонии усиленного режима.

Леонид Иванович уже поджидал меня. Он, как всегда, был при параде. Увидев меня, заулыбался и, поздоровавшись со мной, весело проговорил:

- Ну, теперь я спокоен, выступление у нас теперь будет не скучное. Вы, Василий, стихи свои читаете хорошо, и они у вас о жизни. Заключённые будут слушать с удовольствием. А то я в прошлом году выступал перед ними с Борей Жиневским, так мы потерпели полное фиаско. Если у них были бы тухлые яйца, они бы нас забросали ими.

И засмеялся.

Мы поднялись на крыльцо управления колонией и вскоре оказались в светлом и тёплом кабинете майора внутренних дел, который работал на этой зоне замполитом. Он радостно приветствовал Леонида Ивановича, и, посмотрев на меня, спросил:

- А этот молодой человек с вами?

- Да, Аркадий Александрович! Это у нас молодой и очень перспективный поэт, Василий Коробков.

- Очень приятно! - проговорил майор и, крепко пожав мне руку, спросил:

- А вы что собираетесь читать нашим воспитанникам?

- Стихи, - ответил я.

- Ну, это понятно, - усмехнулся замполит. - А на какую тему?

- А на какую надо?

- Желательно, что-нибудь про родину, про Ленина, про нашу Коммунистическую партию. У вас есть такие стихи?

Я неопределённо пожал плечами. Таких стихов у меня не было, я приготовил стихи совершенно другие.

- А про природу можно им читать? - спросил я.

- Ну, если нет у вас ничего другого, можно и про природу.

А минут через десять мы уже были на вахте и, чтобы проникнуть в жилую зону к заключённым, нам пришлось пройти через три железных двери, которые лязгали не смазанными петлями и своим скрипом царапали душу.

Зрительный зал был переполнен коротко стриженными ребятами. Замполит провёл нас на сцену и усадил за небольшой стол, покрытый кумачом. А сам подошёл к краю сцены и, подняв руку, попросил осужденных, чтобы они перестали шуметь. В зале воцарилась тишина, и майор весёлым голосом объявил:

- У нас сегодня в гостях местные поэты и очень уважаемые в городе люди. Они специально пришли к нам в гости, чтобы порадовать нас своими произведениями. Леонид Иванович Розов и Василий Коробков! Они регулярно печатаются в наших местных и областных газетах, им приходится выступать в школах и на заводах, и вот сегодня они у нас. Прошу во время их выступления не шуметь, а кто будет нарушать тишину и дисциплину, тому десять суток карцера я обещаю.

Услышав эту информацию, в зале зашумели, но майор опять поднял руку, и зал тут же утомился.

- Леонид Иванович, пожалуйста, за трибуну! - пригласил майор и указал ладонью на стоящий у края сцены, обтянутый красной материей ящик, который, по-видимому, исполнял функции этой самой трибуны.

Розов встал из-за стола, одёрнул свой пиджак, поправил галстук и, взяв папку в руки, направился к трибуне. Он неторопливо раскрыл свою чёрную папку, и, оглядывая стриженный зал своим подслеповатым взглядом, пролепетал:

- Друзья мои! Недавно я закончил писать небольшую поэму про Владимира Ильича Ленина. И вот сегодня я хочу прочитать её вам. Она не длинная, и времени много на это чтение не уйдёт. Итак, я начинаю.

И он начал читать свою мини-поэму. Голос у него был сильный и немного шепелявый. Некоторые слова он до конца не договаривал и проглатывал. Ему, наверное, не хватало для этого воздуха. Временами казалось, что он вот-вот совсем задохнётся, закатит глаза и упадёт. Но, отдышавшись, и поправив на носу очки, он снова возвращался к рукописи.

Я наблюдал за реакцией зала и видел, как эки сначала проявляли некоторый интерес к автору поэмы, но минут через пять поняли, что это не для них, и с такой ненавистью смотрели на горе-поэта, что дай им в это время волю, они его вместе с трибуной в землю бы втоптали. Мне стало не по себе, я сидел за столом и чувствовал, как у меня накаляются уши.

Замполит, сидевший рядом со мной, заёрзал на стуле и, почесав за ухом, тихо прошептал:

- Ну, Леонид Иванович завёл бодягу. Говорил же ему, что надо нашим воспитанникам что-нибудь покороче и повеселее почитать.

Заключённые в передних рядах сидели смирно, а вот на задних начали проявлять неудовольствие - кому охота в выходной день сидеть в полутёмном помещении и слушать галиматью несусветную.

- Дед! Давай завязывай лабуду нести! Закругляйся! - раздался грубый голос из задних рядов.

Розов растерянно посмотрел в зал, потом на замполита и тихо спросил, обращаясь к майору:

- Александр Аркадьевич, а что ваши ребята уже устали слушать? Вы же просили почитать им что-нибудь про Ленина, вот я и подумал, что это для них будет очень интересно.

- Ничего, ничего, - успокоил его майор, - продолжайте! - И, встав из-за стола, гневно посмотрел в задние ряды, грозно спросил: - Кто это там такой умный? В изолятор захотел?

В зале притихли, и Леонид Иванович возобновил своё чтение. Читал он долго и мучительно. Мне казалось, что эти стриженные ребята, сидящие в зале, после его выступления лет сорок стихов читать не будут. А когда освободятся, при каждом удобном случае будут плевать на поэтов с высокой колокольни.

Ещё около часа Розов утомлял бедных заключённых своей мини-поэмой. И, когда он закончил, захлопнув свою чёрную папку, то некоторое время стоял на трибуне и, наверное, ждал аплодисментов, но зал безмолвствовал. Леонид Иванович стушевался, растерянно посмотрел на майора, как бы спрашивая его: а где же аплодисменты? Майор опомнился, громко захлопал в ладоши, надеясь, что и зал последует его примеру, но в зале громко засмеялись, и майор покраснел - ему стало стыдно за Розова. Потому он, не очень ласково посмотрев на меня, подошёл к краю сцены, и, успокоив зал, объявил мою фамилию.

- А сейчас перед вами выступит Василий Коробков! Похлопаем молодому поэту!

Но аплодисментов вслед за его призывом не последовало, и я понял, что сейчас появись на сцене сам Пушкин, и его встретили бы очень холодно.

За трибуну я вставать не стал, а, подойдя к краю сцены, оглядел стриженных ребят и весело проговорил:

- Задерживать я вас не буду, но раз я пришёл к вам в гости, прочту очень короткое, но всем известное стихотворение, - и, сделав небольшую паузу, я громко процитировал: «Муха села на варенье! - немного помолчав, добавил: - Вот и всё стихотворенье!»

Я поклонился стриженной публике и поспешил вернуться к столу. В зале неожиданно захохотали и так захлопали в ладоши, что майор с опасением посмотрел на люстру, которая начала раскачиваться под потолком. Он что-то хотел сказать мне, но в зале так шумно проявляли свой восторг, что он махнул рукой и поспешил объявить, что мероприятие закончилось, и все могут быть свободными. Заключённые вскочили с мест и ринулись к выходу.

- Вот видите, какая у нас публика? - как бы извиняясь перед Розовым, сказал майор. И, посмотрев на меня, он улыбнулся и почему-то погрозили мне пальцем.

Когда мы снова оказались за воротами этого учреждения, я облегчённо вздохнул и сказал, обращаясь к Розову:

- Леонид Иванович, такие стихи хорошо читать только в морге!

- Это почему же? - удивился старик.

- Там аудитория более-менее спокойная - им торопиться уже некуда.

Тот обиделся и, протирая очки, хотел что-то сказать мне, но тут подошёл автобус и я, не прощаясь с ним, заскочил на площадку, помахав старику рукой.

Александр НИКОНОВ

Ковчег острова Альмендралехо

(приключенческий
научно-фантастический роман)

(Продолжение. Начало в №№1, 2)

19

Яхта лежала далеко на берегу. Прилив был небольшим, когда Алексей прикинул, то получалось, что вода поднималась всего на полтора метра. Что они сделали на следующий день после своей первой ночёвки, так это поставили свой ковчег с "головами на ноги". Для этого Подноветному пришлось поднапрячь свои мозги, выжать из них все знания и достижения инженерной мысли и прийти к выводу, что лучшей системы, чем система рычагов и опоры, с помощью которой великий Архимед грозился перевернуть земной шар, ещё не придумали.

Весь день ушёл на то, чтобы нарубить длинных и крепких шестов и приволочь за десятки метров два тяжелых камня. Опоры и рычаги были готовы, но, сколько они ни жилились, яхта лишь однажды покачнулась, поскрипывая галькой и песком. Измученные своими бесплодными усилиями, супруги с час сидели на солнце, пока в голове Алексея не мелькнула новая идея:

- Слушай, Глаш, по-моему, наша система рычагов и опоры в наши дни мертва без искры божией.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты видела, как камни катятся по склону, а потом срываются в пропасть?

- Уж этого я никогда не забуду, - ответила Глафира, вспомнив, как она однажды при восхождении в группе альпинистов чуть не попала под камнепад.

- Вот и я предлагаю сделать этот склон, искусственный, конечно.

Глафира подозрительно взглянула на мужа:

- Лёш, ты здоров?

- Да здоров, здоров, - отмахнулся Алексей. - Ты понимаешь, просто нужно с одной стороны подрыть грунт, и яхта почти сама встанет на место.

Глафира подумала, а потом поддержала начинание:

- Ну, хорошо, давай попробуем. А она не уплывет снова в море при очередном приливе? - вдруг выдала озарение Глафира.

- Кто?

- Не кто, а что! - огрызнулась жена. - Яхта.

Теперь уже задумался Алексей:

- Хм. Может и уплыть, ты права. Тогда мы подтащим её ещё ближе, никуда не денется.

На рытье канавы ушёл ещё один полный день, потому что лопата была одна, да и то маленькая, сапёрная. На этот раз яхта перевернулась, словно поплавок на воде и встала иллюминаторами вниз, а люком вбок, что было удобно для передвижения внутрь и наружу.

Сегодня они целый день пролежали внутри яхты, пережидая, когда пройдет дождь. Но дождь и не думал прекращаться. Видно, небесный его патронташ был снаряжён полностью, и он шёл и шёл, нудный, мелкий, беспросветный, и казалось, что ему не будет конца. Польза от него была только одна — он пополнял запасы пресной воды, которая к исходу седьмых суток начала иссыхать в баках. "Ловушку" для дождевой воды Алексей с помощью Глафиры устроил из прорезиненного тента, найденного в том же рундуке. Сначала разметили на земле квадрат, вбили по углам и сторонам восемь кольев и прикрепили к ним веревками тент. Воду таскали пластиковыми бутылками,

канистрами и сливали в бак. Потом, когда и бак был заполнен, наполнили пустые бутылки и канистры.

Дождь закончился через двое суток, но неожиданно путешественники обнаружили, что начинают заканчиваться и продукты. Подноветный каждый день по два раза, утром и вечером, поднимался на скалистый утёс, всматривался через бинокль в горизонт, пытаясь заметить там хоть какие-нибудь признаки человеческой цивилизации, но он был пуст, как и день, и два, и три назад. Алексей был бы безмерно счастлив, если бы у берега их обитания появилось сейчас то самое пиратское судно, которое развалило их яхту пополам. Но не было даже и его.

В минуты, когда вдали проявлялись острова, Алексей часами мог всматриваться в них, чтобы обнаружить хоть какие-нибудь признаки человеческого присутствия, но и там всё словно вымерло. Лишь однажды ему показалось, что над большим островом поднимается дымок от костра или пожара, но и он скоро пропал. Может быть, это были просто утренние испарения воды или плывущие над горизонтом облака.

Как-то Глафира, засыпая в кипящий над костром котелок порцию распаренного риса, воскликнула:

- Всё, хватит, мне надоело!

- Чего тебе надоело? - лениво спросил Алексей.

- А всё: и этот дурацкий берег, где нет ни одного аборигена, ни одной человеческой души, ни одной бабы, с которой можно покалякать и потрепаться о мужиках. И ты мне тоже надоел!

- Я могу и уйти, - обиделся Алексей.

- Вот и иди. Вспомни, что ты мужчина, кормилец и добытчик. Бери своё ружьё, ножик, что там ещё надо для охоты, и иди, добывая пищу. Мужчина ты, в конце концов, или кто! Нам жрать скоро будет нечего, если растянуть, хватит недели на две, не больше. А потом что: с голоду подыхать, да? А я живого, окровавленного и парного мяса хочу, шашлыка. Вот иди и добудь! Хоть что-нибудь, хоть кошку драную!

Вначале Алексей и правда обиделся на жену, не понимая, чего она хочет, а после долгого дутельства и размышления пришёл к выводу, что она как-никак права. Если ждать с моря погоды, то вряд ли высидишь чего-то хорошего. Однажды он потихоньку от жены сделал копье из палки и заточенного на камне ножа, надел свои старые джинсы и джинсовую куртку, перепоясался ремнём, на куртку одел "лифчик" с ракетницей и патронами к ней, на ремень повесил нож. Напихал в карманы зажигалку, складной нож, компас, носовой платок, лупу в футляре и прочую необходимость для дальнего похода. В рюкзак положил несколько пачек галет, три банки тушёнки, две полторалитровые бутылки воды. Когда Глафира вылезла из домика и увидела экипированного мужа, она удивлённо спросила:

- А куда наш Мальбрук собрался?

- На охоту, - коротко ответил Алексей. - Заодно и разведую, что тут за страна такая.

Глафира вцепилась в рукав его куртки и взвизгнула:

- А как же я одна останусь! Не пушу! Лёша, ну, пожалста, не уходи, я же умру тут от страха.

Алексей обнял жену за плечи, привлёк себе и насмешливо сказал:

- Ну, вот, началась истерика. Ты же сама говорила, скоро жрать скоро будет нечего, что я не мужик, что...

- Лёша, это я так, по-бабьи. Это я пошутила. Ну, настроение у меня было такое. Ну, не уходи, я прошу тебя.

- Ну, что ты, голубушка моя, всё будет хорошо. Я ненадолго, ать-два, и снова буду здесь, ты и соскучиться не успеешь. Ты права, сидя на берегу ничего не дождёшься. Ведь надо же знать, где мы, что предпринимать дальше. Ты не бойся, я осторожно, по бережку. Помнишь, как мы были на Алтае и сидели на берегу Катуня, а? Помнишь? - И Алексей запел: - Как пойду я на быструю речку, Сяду я да на крут бережок, Посмотрю на родную сторонку, На зелёный приветный лужок.

Глафира разревелась пуще прежнего, а он прижал её голову к груди.

- Ну, вот, ещё солёного дождя мне не хватало. Да успокойся ты, всё будет хорошо, мне не впервой по тайгам да сельвам шляться. Сама будь осторожнее.

Алексей и самому не хотелось оставлять Глафиру - Бог знает, что может случиться, пока он будет отсутствовать, но необходимость заставляла его это делать. Начать своё путешествие он решил по берегу и именно в ту сторону, где он видел острова. Они почему-то так и притягивали к себе, волновали воображение и заставляли идти как можно быстрее. Сверху, со скалы, он уже излучил рельеф береговой линии, и сейчас направлялся туда, где, по его мнению, можно было легче пройти.

Сначала пришлось углубиться в лес, который встретил его оглушающим гомоном потревоженных птиц. Они порхали перед самым носом Алексея, чуть ли не сажались на голову, а некоторые из них без боязни сидели на ветках и с удивлением смотрели на него. И это было первым плохим признаком, Алексей понял, что эти существа или никогда не видели человека или видели его очень редко, что означало, что шансы встретить здесь себе подобного невелики. Понимал Подноветный и то, что та земля, которая приютила их — это не материк, а какой-то остров. Оставалось лишь выяснить, насколько он велик, и населён ли людьми.

Преодолев невысокую гряду скальных нагромождений, Алексей снова вышел к отлогому берегу и пошёл по нему на запад. Ему, жителю северного полушария, непривычно было видеть солнце на севере, создавало ощущение, что время идет вспять и вот-вот перенесёт их назад, к тому времени, когда ими ещё не завладела авантюра путешествия до Австралии. Интересно, далеко ли она отсюда? Судя по растительности, не так далеко, ведь здесь он видит ту же растительность, характерную для самого маленького на Земле континента-государства.

Другой живности, кроме пернатой, на острове тоже не наблюдалось, да и откуда ей здесь быть, если не видно ни следа пресной воды: ни ручейка, ни речки, ни озера. Птицы живут здесь, вероятно, только за счет испарений и росы, которой так много в густом, почти тропическом лесу.

Алексей понял, что остров все-таки большой, потому что, отмахав километра четыре по лесу, по берегу и по скалам, которые то здесь, то там торчали на пути, почувствовал усталость и голод. Наскоро поел и забрался на скалу. На соседних островах через свой мини-бинокль ничего примечательного он не увидел, хотя они стали намного ближе.

День угасал, на востоке разгорался вселенский пожар зари, предвещавший уютную и холодную ночь. Выбрав место на возвышенности между двумя камнями, Подноветный нарубил веток и устроил себе постель. Хохот и крики птиц долго не давали ему уснуть, пока густая темнота окончательно не укутала мир.

Глафира после тревожного сна проснулась рано от каких-то странных хлопаний и толчков и с головной болью. Не вставая с постели, проглотила таблетку и решила вылезти наружу. Ступив ногой на пол, ощутила воду и чертыхнулась:

- Чёрт поberi, а вода-то откуда? Мамочка, не утонуть бы.

Она быстро вылезла из яхты, огляделась и сразу поняла, в чём дело. Яхту болтало волнами в вырытой ими яме, а вода попадала внутрь через разбитый иллюминатор, который оказался внизу. И как же они не дотумкались раньше, что иллюминатор окажется внизу, и через него вода будет попадать в яхту. Недотёпы! Но, судя по всему, прилив был уже в верхней своей точке и полным затоплением их жилищу не грозил. "Лёша, где же ты, - с тревогой думала Глафира. - Зачем ты оставил меня одну, а вдруг тебя волки съедят, и что же я тогда буду делать?"

Спокойно ждать она не могла и потому, наскоро перекусив и приведя себя в порядок, решила сходить на ту самую скалу, на которую залезал Алексей, в надежде увидеть своего мужа. Стоял утренний туман. Он обволакивал, студил её тело, щекотал сыростью, словно хотел обнять. Карабкалась долго и с превеликими потерями для своего красивого тела: сначала оцарапала об острые камни правую руку, а потом ударилась коленом и долго охала, потирая ушибленное место. Но, взобравшись на самый верх, вознаградила себя за все потери: отсюда открывался такой прекрасный вид, что она, забыв о всякой осторожности, закричала, раскинув руки:

- Боже, я в раю! Эй, эй, эй, люди, где вы?! Куда спрятались? Выходите, чего прчечетесь по своим пещерам!

Земля предстала перед ней во всей первозданной красе: леса, раскинувшиеся перед её взором, спускались в котловину, образуя огромную изумрудно-голубую чашу, окаймленную свинцово-коричневыми скалами. А внутри этой чаши стояло огромное облако тумана или пара, которое ворочалось, перевивалось, то поднимаясь, то опускаясь, являя ей причудливые образы. Вот это облако превратилось в сизо-белый клубок, затем в белоснежную пуховую перину, потом предстало головой курчавого, золотоволосого ребенка, освещенной солнцем. Глафира любовалась этим великолепием, совсем забыв о том, что она здесь совершенно одна, если не считать её дорогого Алексея. Где он сейчас?

Тут она вспомнила о двух островах, о которых он рассказывал, и повернулась в сторону моря. И, правда, вот они, эти острова. В утренней дымке они не так заметны, но и сквозь неё пробивался их нежно-зелёный наряд, виднелись очертания высоких гор. Но почему два, ведь здесь же три острова! "Наверно, он ошибся в прошлый раз", - подумала Глафира и стала снова считать: один, два три. Ну, точно, здесь три острова.

Тут Глафира помотала головой и протёрла кулаками свои глаза, не преминув чертыхнуться уже в который раз:

- Чёрт поberi, мне это кажется или я снова сплю. Нет, этого не может быть, это какая-то чертовщина.

Глафира козырьком приставила свои ладони к самым бровям и чётко увидела, как один остров, самый маленький из трех, начинает сливаться с самым большим островом, прятаться за ним, а потом и вовсе исчезать, словно привидение. Вот он совсем пропал, растворился в очертаниях другого, будто его и не было. Глафира хлопала глазами, не зная, верить ей или нет. Ведь вот только что три острова превратилась в два. Или она сошла с ума? Ведь не могут же острова плавать! Это противоестественно, это ненормально, это не соответствует простой человеческой логике и природе вещей!

- Боже, что же я Лёшке - то скажу, - бубнила себе под нос Глафира, возвращаясь к месту их стоянки. - Ведь если я ему об этом расскажу, он обзовёт меня полной дурой, а потом отправит в Кашенко и скажет: вот тут тебе самое место, моя дорогая.

Алексея тоже разбудили необычные обстоятельства: кто-то дёргал его за ногу и сопел. Он открыл глаза и увидел, как маленький козлёнок выдергивает из-под него ветки и, зажмурив глаза от удовольствия и сопя, с удовольствием их жуёт. Он не испугался даже поднявшегося человека, который с удивлением и тихо произнёс:

- А ты откуда здесь появился, чертёнок эдакий. Вот так номер, - добавил он, углядев, что это был не дикий, а самый обыкновенный домашний козлёнок с пушистой серой шерстью, маленькими рожками и умильной мордашкой. Алексей сидел на своей постели, стараясь не потревожить маленького гостя. Но тот совсем не боялся человека и не думал от него убежать. Он схватил зубами очередную ветку и, недовольный тем, что не может её вытащить из-под тяжёлого тела Алексея, сердито боднул его по ноге. Алексей засмеялся:

- Ишь ты какой сердитый! Ну, на, на, жуй. - Алексей вытащил из-под себя ветку погуще и протянул её козлёнку. Тот без раздумий схватил ветку и стал трясти головой, пытаясь оторвать от неё самые лакомые, сочные листочки.

Алексей потихоньку поднялся, козлёнок, испугавшись тени, порскнул от него вниз. Там его поджидали ещё несколько козлят, один из которых был крупнее всех и годился для жаркого или шашлыка. Козлята совершенно не боялись его, и Алексей подумал, что они или ручные или совершенно непуганые человеком. Первое маловероятно. Из чего он сделал ещё один неутешительный для себя вывод: на острове нет людей. Да если даже и есть, то кто и какие они: цивилизованные пришельцы или дикари. Тогда откуда здесь одомашненные козы? Может быть, их завезли сюда специально для размножения? Но зачем они здесь, если на острове нет людей. Возможно, у этих берегов потерпело крушение какое-нибудь судно, и козы оказались на берегу совсем случайно, а теперь просто размножаются в диких условиях, как когда-то кролики в Австралии? Вопросов было много, и на них нужно было искать ответы.

Алексей направился вглубь острова и скоро заметил множество деревьев с обглоданной корой и подрывными корнями. Обгладывали деревья, конечно, козы, а вот кто подкапывал корни? Неужели здесь водятся кабаны? Не дай бог! Если нарвёшься на вепря-секача, этот миг будет последним в твоей жизни, Алексей Подноветный. И чем ближе он подходил к центру острова, тем больше

обнаруживал таких следов. А следы помёта были всюду. “Э, да тут вас, видеть, целые стада”, - подумал Алексей, осторожно продвигаясь сквозь густые заросли.

Вот что-то блеснуло и заголубело, зазеленело. Алексей понял, что это озеро. Отражённые на его поверхности небо, скалы и лес придавали ему причудливый серо-изумрудно-голубой цвет. Подойдя поближе, он увидел большое, метров трёхсот в диаметре, круглую водную тарелку, по берегам которой гуляли целые стада коз, а в заводях среди тростника лежали чёрные туши кабанов. Среди больших туш резвились малыши и подростки, которые, играясь, бегали, хрюкали, визжали и кувыркались в грязи. То ли от грязи, то ли от породы они были совсем чёрными, но одно Алексей определил точно: это были домашние свиньи. Вот так сюрприз! Откуда они? Может быть, их содержат в таких своеобразных, диких, условиях туземцы? Но он ещё не видел ни одного человека на острове. Даже следов его присутствия Алексей не заметил. Или сам этот остров настолько большой, что он исследовал лишь малую его часть.

Всего этого Алексей ещё не знал, но зато он точно узнал, что вода в озере была пресной и несколько кисловатой - видно, в ней содержалось немало минералов и микроэлементов. Он наполнил ею все свои баклаги, чтобы предоставить Глафире отчёт и доказательства не даром проделанного им путешествия, и зарезал козла. Благо, что тот сильно и не сопротивлялся. Мяса в нём оказалось килограммов пятнадцать, он разделил тушку на несколько частей и запихал её в рюкзак.

Когда Алексей вернулся, то первое, что увидел - это несущуюся к нему на всех парусах Глафиру, которая кричала:

- Лёша, Лёшка, наконец-то!

Она уткнулась шмыгающим носиком ему в грудь и крепко обняла, пожалуй, впервые так крепко после первой их брачной ночи. Алексей гладил её по волосам и ворчал:

- Ну вот, как маленькая девочка, и на минуту одну оставить нельзя. Ну, что ты распустила свои нюни. Да пришёл я, пришёл, живой и здоровый, чего и тебе желаю. Успокойся, успокойся, Глаша.

- Да, тебе хорошо говорить, а я тут одна, такого страха натерпелась. А что я видела, что видела, ты ни за что не поверишь!

- Почему не поверю, обязательно поверю, только расскажешь мне после, ага, я сильно устал.

Алексей обратил внимание на неряшливый вид своей жены: нечёсанные, спутанные волосы, грязное лицо и руки, словно она неделю не умывалась, испачканную в грязи одежду. Такой неаккуратной он видел её впервые, но всё списал на её страхи, когда человеку ни до чего нет дела, подумал. “Натерпелась, видно, бедная”, и ещё крепче прижал к себе жену, потом произнес:

- Ну, ладно, ладно, пойдём в наш ковчег, там всё потом и расскажешь. Сейчас я устал, жрать хочу, как зимний волк, а потом спать.

Разбудил Алексея аппетитный запах жареного мяса, открыл глаза и выплянул в лок. Глафира колдовала у костра, помешивая в кастрюле варево, и напевала под нос какую-то незнакомую ему мелодию. Алексей вылез, умылся под самодельным рукомойником, сделанным из пластиковой бутылки и подвешенным на бортовой скобе яхты. Он заметил, что жена на этот раз была

умытой, причёсанной, в аккуратной одежде, которую она как-то умудрялась в полевых условиях содержать в порядке и чистоте. Алексей подошел к жене, поцеловал её в щёчку:

- Ну, хозяйка, что у нас сегодня в меню?

Глафира стала с улыбкой перечислять:

- Суп-лапша с мясом, жаркое с гречкой, чай океанский. Кстати, Лёшка, а какой чудесный, вкусный чай из твоей воды - просто прелесть!

Когда поели, Глафира долго, с нерешительностью во взгляде поглядывала на Алексея, что он, естественно, заметил.

- Ну, выкладывай, Глафира, - шутливо, насунив брови, спросил он, - как ты мужа ждала, мужнину честь берегла?

Глафира оскорблённо отвернула голову.

- Тебе все шуточки, а я тут чуть со страху не померла. - Она снова недоверчиво взглянула на него. - А ты смеяться не будешь?

- Если это дрянной анекдот, то не буду.

Глафира долго собиралась с духом, потом начала:

- В тот день, когда ты ушёл, я решила взобраться вон на ту же скалу. - Она показала рукой на утёс над морем, с которого Алексей осматривал окрестности в первый день пребывания их на острове. - И что же я вижу - острова!

- Ну и что ж такого, - перебил её муж, - я их тоже видел.

- И сколько их было? - сязвинкой в голос спросила Глафира.

- Как сколько: два, наш третий. Правда вдалеке есть ещё несколько крошечных островков, но их я не считаю.

- Хорошо, можешь смеяться, сколько хочешь, но я видела три больших острова. И один из них плыл. Понимаешь - плыл, двигался!

- Ну, а дальше что? - с недоверием спросил Алексей.

- А то! Плыл он, плыл, заплыл за большой остров и пропал. Нет его, как провалился, в воду канул. Только не говори, что у меня галлюцинации, - предупредила Глафира, - а то я тебе глаза выцарапаю! Это я своими глазами видела, а своим глазам я пока ещё доверяю.

- А какой он был этот остров, ну, по цвету, по размеру?

- Зелёный, продолговатый, но гораздо меньше тех двух островов.

- Может, это кит был, айсберг или мираж, — засомневался Алексей. - А может, и простые водоросли. Ты слышала про Саргассово море? Так вот, там этих водорослей столько, что они образуют целые острова. На них даже птицы живут.

- Какие киты, какие айсберги, какие водоросли! - закричала Глафира. - Я что, не могу отличить кита от острова? Или на ките и водорослях горы растут? Я так и знала, что ты мне не поверишь, - с плачем в голос сказала Глаша. - Ведь не хотела ничего рассказывать, нет, не удержалась. Дура я, настоящая дура! И ты дурак, да еще дубина стоеросовая! - с отчаянием добавила она.

20

Шелли Бёрн уже несколько недель следил за Питером Черриком. Особенно его заинтересовала квартира в доме Кобурна. Что там делает сынок миллиардера, какие тайны хранит? С девицами он не встречается, с друзьями... Да есть ли у него эти друзья. Может быть, у Питера есть какое-нибудь хобби, которое он скрывает ото всех?

Кобурн стал шёлковым, когда Бёрн представился агентом специальной службы, тот, дурак и трус, даже не удосужился спросить документы, чтобы удостовериться в этом. Рэнди Кобурн посодействовал в установке видеокамеры и сканирующего устройства для определения шифров электронного замка. Попасть в таинственную квартиру через дверь было единственным способом, потому что окна были укреплены металлопластиковыми переплётами с толстенными бронированными стеклами в четыре пакета. Такие и противотанковыми гранатомётами не прошибёшь. Система вентиляции тоже не годилась, потому что воздухопроводы были слишком узки да к тому же ещё и забраны надёжными решетками. Видно, тот, кто оборудовал эту квартиру, знал толк в системе безопасности.

Но в последний момент Питер Черрик, видно, заметил слежку и, почувствовав неладное, каждый день менял коды замка. Потому Бёрн и удивился, когда в его офис однажды позвонил Черрик-младший и предложил встретиться. Что ж, можно и встретиться, интересно, что он скажет. Первое, что сказал Питер, когда вошел в офис детективного агентства, было:

- Добрый день, господин Бёрн. - Шелли про себя усмехнулся, но виду не подал: это было предсказуемо. - Я прошу меня извинить за прошлый резкий и категоричный разговор с вами. - Вот это уже что-то новенькое. - Понимаете, э, сейчас обстоятельства несколько изменились. Я искренне думал, что поиски моего отца бесполезны, потому что прошло столько времени. Но. - Бёрн долго ждал, что же придумает Питер. - Но совсем недавно он позвонил мне лично. - Бёрн внутренне дрогнул - неужели Черрик проникнул, что он записал этот разговор? Кажется, нет. - Он позвонил мне и сделал какое-то странное предупреждение.

Питер Черрик почти точно передал весь свой разговор с отцом, и Бёрн насторожился: уж не хочет ли Питер подловить его на этом? Конечно, он не позволит этого сделать. Шелли приподнял брови:

- Вот как, он вам звонил? А позвольте мне записать этот разговор как можно точнее. - Он положил на стол диктофон и записал всё, что вспомнил Питер Черрик. - Что ж, это может очень пригодиться... Хотя, я не знаю, мистер Черрик, будете ли вы всегда так постоянны. Потому что...

- Я все понимаю, - перебил его Питер, - и снова прошу у вас прощения. К тому же, в одной из квартир, которую я арендую, кто-то установил камеру наблюдения. А это мне не нравится, потому что с помощью её можно подсмотреть коды моих замков. Я не исключаю, что там установлены и сканеры. И... Не возьмётесь ли вы снова за это дело?

- Хорошо, мистер Черрик, вы меня уговорили, - ответил, вставая со стула, Бёрн. - А насчет видеокамеры: может быть, хозяин установил её для того, чтобы поддерживать дисциплину и порядок. Как вы думаете?

- Возможно. Всего доброго, господин Бёрн.

Они разошлись, довольные друг другом: Бёрн тем, что Питер Черрик оказался лопухом и, очевидно, не заметил его слежки; а Питер тем, что Бёрн не разгадал его хода, что он не знал о раскрытии его слежки и что теперь сыщик вряд ли осмелится следить за своим работодателем.

Бёрн на всякий случай предупредил приятеля из сотовой компании, чтобы тот продолжал прослушивание сотового телефона мистера Черрика, заплатив

ему из полученного от Питера аванса вдвое больше оговорённого прежде. Он усиленно занялся вылавливанием нужной информации из всех печатных и эфирных источников. Однажды ему на глаза попалась необычная заметка в одной из новозеландских жёлтых газет, в которой сообщалось, что лавочник Новозеландского острова Стьюарт в один день очень сильно разбогател, продал свою лавку, в которой он торговал дешёвыми тканями, и уехал со всей семьёй в столицу, в Веллингтон. Там он купил новый престижный рыбный магазин, который с успехом торгует экзотическими рыбами и моллюсками, какие редко встречаются на шельфах той же Новозеландии, Тонга, Фиджи и Австралии. Далее в заметке писали, что, по разговорам местных жителей, вся команда корабля, который закупал товар, была немая или глухонемая. Возможно, они просто не понимали местного наречия, не то науруанского, не то тонганского, на котором говорили коренные жители острова Стьюарт. И только один из команды имел дело с лавочником и договаривался с ним о закупке товара. Причём весь товар был закуплен оптом. Предприимчивый лавочник продал не только свой товар, но и умудрился всучить покупателю залежалый товар со складов.

Казалось бы, рядовая заметка из бульварной газетёнки, которая собирает все слухи и сплетни, но Бёрна она заинтересовала, прежде всего тем, что никто не знал, что это был за покупатель, что за корабль и куда они потом делись. По наблюдениям жителей острова Стьюарт, этот корабль был без названия и без флага принадлежности какому-нибудь государству, но ни пограничники, ни таможенники не предъявили к нему никаких претензий. Исчез корабль так же таинственно и неожиданно, как и появился.

Бёрн поставил перед собой лишь один вопрос: кому и для чего понадобилась такая огромная партия залежалого товара, ведь местные бедняки не могли себе позволить купить даже отрез на рубашку, а более состоятельные граждане приобретали дорогую и модную одежду в бутиках и в магазинах. Уж не являются ли покупателями жители того самого таинственного, фантазмагорического и призрачного острова, о котором рассказывал и капитан Норман, и пилот пассажирского авиалайнера.

В зарубежных изданиях, в частности, в российских, Бёрн откопал ещё один интересный факт. Все они, в основном, ссылались на газету “Тихоокеанская звезда”, в которой описывался случай с атомной подводной субмариной, случившийся с ней юго-восточнее Австралии на траверзе севернее того же острова Стьюарт. Бёрн решил проштудировать и прочитать статью досконально. В ней писалось: “Недавно на свою базу недалеко от Петропавловска-Камчатского из боевого похода вернулась атомная субмарина под командованием каптеранга Капитанова. На пирсе прославленный экипаж Тихоокеанского флота с музыкой и цветами встречали родные, друзья и товарищи. В адрес моряков было сказано немало тёплых слов, экипаж с успешным и счастливым возвращением поздравил заместитель командующего Тихоокеанским флотом и другие товарищи по оружию. Командир подлодки, один из самых опытных подводников России, поделился с журналистами впечатлениями о полугодовом походе, во время которого решались сложнейшие боевые, оперативные и тактические задачи в одном из самых беспокойных районов земного шара. Командир рассказал о своей команде и

боевых товарищах, которые вместе выполняли боевое задание, отметил самых лучших и поздравил встречающих с возвращением их родных на землю.

При общении с друзьями и журналистами на берегу он упомянул о необычном случае, который произошёл в открытом океане. Вот как рассказал об этом сам командир:

- Во время похода нас застал сильный шторм. Субмарина была вынуждена уйти на глубину и следовать своим курсом вслепую. Шторм длился почти сутки, а когда он закончился, меня охватило безотчётное чувство тревоги: я боялся дать команду на всплытие, словно там, наверху, нас поджидало что-то грозное, непостижимое и неизвестное. Но по показаниям всех приборов наверху было чисто и спокойно. На всякий случай я дал приказ всплывать при малом дифференте. И что вы думаете: моё чувство не обмануло меня. Когда до поверхности моря оставались какие-то метры, нашу субмарину так трянуло, словно она наткнулась на скалу. Так как я был настороже, то тут же дал приказ уходить в глубину. К счастью, ничего страшного при столкновении не случилось: лодка была цела и в исправном состоянии, экипаж тоже не пострадал, если не считать нескольких царапин и синяков, которые получили члены экипажа, в том числе и я.

Я вместе с моими помощниками долго оценивал чрезвычайную ситуацию и ничего не мог понять. Перед тем, как всплывать, были оценены все параметры: глубина, бальность, волнение моря, шумы. Не определялся ни один децибелл посторонних механических шумов. И вдруг такое! Сначала подумали, что наткнулись на кита, но при столкновении явно слышен металлический скрежет, словно столкнулись два судна. Предположили, что в этой точке стояло на якоре какое-то судно. Но откуда ему здесь взяться при таких глубинах — никакой якорной цепи нехватит. Тогда почему же мы не слышали никаких шумов, которые обычно производят механические устройства корабля. Грешили и на летучего голландца, который или сорвался с якоря или был брошен экипажем при неизвестных обстоятельствах. Это была загадка.

Решили все-таки снова всплывать. Когда поднялись на поверхность и "огляделись", то оказалось, что горизонт чист, если не считать крошечного островка в десяти милях от нас. Радары тоже не показали ничего подозрительного. Так и шли мы с этой загадкой до самого дома".

В статье были указаны и координаты морского происшествия: юго-восточнее Австралии. И здесь остров? Нет, это уж чересчур! - подумал Шелл. Не слишком ли часто на его пути стали появляться загадочные, никому неизвестные острова. Бёрн схватился за голову и выругался:

- Матерь Божия, как же я не догадался раньше!

Сначала он выписал все координаты, где видели призрачный остров капитан Норман и его матрос Бас, где будто бы разделяющийся остров - амёбу видел пилот самолёта, где закупало товар неизвестное судно и где произошло происшествие с русской подводной лодкой. Правда, точные координаты, где пилот видел якобы плавающий остров, были неизвестны, но ведь можно найти по карте в предполагаемом районе группу обитаемых или необитаемых островов, а потом сравнить их.

Бёрн отыскал диск с подробной картой планеты, вставил его в компьютер и долго ждал загрузки, нервно стуча пальцами по столу и глядя на экран, где в

очерченной линиями строчке мелькали кубики. Бёрн долго колдовал с компьютерной программой, сопоставляя и анализируя все известные ему факты. После всего этого на карте появился приблизительный пятиугольник в Индийском океане, где мог появляться неизвестный плавучий объект. И плавучий ли? Ведь люди, находящиеся в разных частях океана и в разное время могли принимать несколько виденных ими островов за один остров, точно так же, как это пытается сделать сейчас сам Бёрн.

Шелл посмотрел на плоды своих трудов и вздохнул: да, небогато, в пятиугольнике не было ничего интригующего, что могло бы кого-нибудь хоть сколько-нибудь заинтересовать. И тут он, глядя на экран, задал себе неожиданный вопрос: а какое отношение к этому острову-призраку может иметь пропавший Николас Черрик. Хорошо, попробуем ответить. Во-первых, мистер Черрик известный любитель попутешествовать, второе — если мистер Черрик жив, что установлено с достоверностью в сто процентов (это, кстати, не отрицает и его сын, Питер), то должен же он где-то находиться, в третьих, мистер Черрик очень богатый человек, сам занимающийся судостроением, и вполне возможно, что он и построил этот остров. Стоп, Бёрн! Твои предположения могут довести тебя до такой фантазии, что даже романы Айзека Азимова покажутся лепетом годовалого ребёнка.

И всё-таки: ведь откуда-то звонил Николас Черрик своему сыну. Откуда? Возможно ли это определить? Надо такой вопрос задать сотовику. Располагает ли современная инженерная мысль такими технологиями и знаниями, чтобы построить огромный плавучий корабль, сравнимый по величине с островом? М-да! Возможно ли скрыть такой крупный объект, если он, конечно, существует, от современных средств слежения и определения? Куда же, в конце концов, исчезла целая команда с яхты мистера Черрика. Она не могла взлететь на небо или раствориться в морской воде, словно комочек сахара, ведь тела предполагаемых утонувших так и не были найдены, хотя их искала целая флотилия. Да, вопросов много и практически ни на один из них нет ответа.

21

В последнее время стояли погожие, солнечные дни. В южном полушарии планеты вояло властвовала весна. Правда, тут это не было так заметно, как на родине наших путешественников, здесь не было таяния снегов, не было капели и журчания ручьев, не было широкого половодья, не было предчувствия тепла и запаха оттаявшей земли, не было сезонного обострения чувств и предчувствия отдыха. На остров она пришла с одурманивающими запахами цветения деревьев и трав, с бездонной глубиной голубого неба, с порханием бабочек огромного размера и с ожиданием чуда. Но чуда всё не было и не было.

Вместо чуда на их берег однажды нагрянула беда. В последние дни они ночевали в палатке, потому что в ковчеге с каждым днём становилось всё невыносимее от духоты и жары. Однажды ранним утром путешественники проснулись от треска сухих сучьев, шороха осыпающихся камней и чьёго-то храпа. Кто-то явно хотел поддеть и развалить их палатку. Алексей выскочил наружу и при сером, предутреннем свете увидел, как четыре свиньи с хрюком и выводком поросят роются в яме, в которую они закапывали остатки еды и всякий мусор. Свиньи с визгом рылись в помоях, доставали кости и сытно

чавкали, а одна большая чёрная (всё-таки, чёрная) свинья пыталась рылом поддеть низ палатки и проникнуть внутрь. Алексей подобрал камень побольше и швырнул его в свинью. Та завизжала от боли и рванула к лесу, следом за ними бросилось всё стадо и скрылось в густых зарослях. Последним бежал здоровенный, поджарый хряк. Он словно прикрывал собою отступление остальных. Иногда хряк останавливался, поворачивался всем телом и грозно смотрел на своего обидчика, будто предупреждая его, что если тот начнёт преследование, то ему не поздоровится. Неожиданно Алексей заметил, что хряк был кастрирован. Это открытие было таким неожиданным и ошеломляющим, что Алексей несколько минут стоял на одном месте, раскрыв рот. Это что же выходит - на острове есть люди?! Ведь не мог же хряк оскотить сам себя.

От удивления Алексей плюхнулся задом на песок и задумался. Вот это номер! Выходит, стадо-то одомашненное, и где-то совсем рядом есть люди, а они живут дикарями и ничего об этом не знают. Постепенно растерянность Алексея сменилась эйфорией и надеждой. Если на острове есть люди, их надо искать. Да, их обязательно надо искать. Говорить ли об этом открытии Глаше? Нет, пока надо воздержаться, зачем понапрасну и раньше времени обнадеживать её, и не отразится ли это возбуждающее известие на здоровье их будущего ребёнка. Алексей решил до поры до времени помолчать.

Даже шум свиного стада не разбудил Глафиру. Она встала лишь тогда, когда солнце накалило палатку, потянулась и лениво протянула:

- Господи, как же мне здесь надоело. Лёш, - она толкнула дремлющего рядом с собой супруга в бок, - слышь, Лёш, я хочу домой, я хочу к маме, я хочу в нашу московскую квартиру, где так приятно пахнет борщом, где можно сполоснуться под душем.

- Ну, так иди, - отмахнулся Алексей.

- Издеваешься! Ладно, я пойду готовить.

Скоро снаружи послышался её крик:

- Ой, а что это такое, кто это набезобразничал на моей кухне! Лёш, иди сюда! Посмотри, тут кто-то был.

Алексей вылез из палатки, посмотрел на развороченный очаг, который он любовно сложил из камней, на вывороченные камни, которые служили им столом и табуретками, на валяющиеся в песке и гальке кухонную утварь и ответил:

- Ну, чего зря кричишь. Это гости к нам под утро приходили.

- Какие гости? - недоумевала, вытаращив глаза, Глафира. - Ведь тут же никто не живёт. Ты же сам говорил.

- Да успокойся ты, это были свиньи, - ответил Алексей и посмотрел в сторону леса. - Только никак не пойму, как они могли учуять наши отбросы на таком расстоянии. Теперь от них покоя не будет, - вздохнул он, - так что, мать, готовься принимать новых гостей. Если уж они протоптали сюда тропинку, считай, что это соседи. А соседей любить надо.

- Ещё соседей нам не хватало, — возмутилась Глафира, ещё так недавно мечтавшая об общении хоть с каким-нибудь живым существом. - А если сюда волки с медведями или, не дай бог, львы с тиграми заявятся, тогда за каким столом мы их принимать будем?

- Думаю, что нам это не грозит, - отозвался муж, - судя по приметам и первым наблюдениям, диких и кровожадных тварей на нашем острове нет. И вообще, милая, давай-ка приводить нашу столовую в порядок. - Он несколько минут поразмышлял, выпятив нижнюю губу и потирая заросший подбородок пальцами. - А ещё нам придётся перенести подальше помойную яму. Что там у нас на завтрак?

- Суп, жаркое, - начала перечислять Глафира.

- О-о-о, - застонал Алексей, - снова эта козлятина. Надоела!

- Ну, извини, это тебе не московский ресторан, - возмутилась Глаша.

- Кашу из топора только в сказках варят, да и то это мог делать только один русский солдат.

- Слушай-ка, Глаш, а ведь мы с собой спиннинги брали. Не знаешь, где они? Так хочется рыбкой полакомиться.

- И правда, что это мы - мясо да мясо, - поддержала его жена, - когда море-то вон, почти под ногами. Так что давай, старик, сходи, забрось невод, может, и золотую рыбку поймает - желание загадаем. А снасти так в твоём рюкзаке и лежат, сама видела.

Найдя и отладив снасть, Алексей ушёл подальше от скал, где было отлогое дно, и первый раз забросил её в воду - ничего, как сказала бы Глафира, пришёл невод с тиной морской. Во второй раз, как и в пушкинской сказке, спиннинг даже и не дёрнулся. Алексей не переживал. Как старый заядлый рыболов, он любил сам процесс рыбалки, а не его результат. К тому же и сама погода, установившаяся в последние дни, располагала к спокойствию и умиротворению.

На морестоял почти полный штиль. Вода тихо плескалась у ног, на небе ни облачка, а воздух весь пропитан ароматами и свежестью. Океан был спокойным и ласковым, словно наигравшийся котёнок, водная гладь напоминала огромное зеркало гигантского телескопа, которое отражало мягкие лучи солнца. И даль пронизывалась взглядом так далеко, что на соседних островах видны были мельчайшие детали. Вон видна мощная крона одинокого дерева, которое взобралось на самый утёс, чётко проглядывалась жёлтая береговая линия и блеск маленького ручейка, торопящегося к своему истоку.

Созерцание, в конце концов, Алексею тоже надоело и он решил перебраться туда, где было поглубже. После первого же заброса леса натянулась, и Алексей торжествующе закричал:

- Ага, милая, попалась! Иди сюда, иди ко мне, иди к тёте Глаше, она из тебя сварит хорошую, жирную уху или просто пожарит.

Рыбина, которую поймал Алексей, по прикидке, весила никак не меньше двух килограммов, и он с торжеством победителя сказал:

- Чать, душенька моей старухи будет довольна. Так, куда же тебя деть-то? Ага!

Алексей разгреб руками прибрежный песок и гальку и закопал туда рыбину. Через полчаса к ней прибавились ещё две подружки, правда, помельче. Рыбалку можно было назвать успешной, и потому Алексей стал, что называется, сматывать удочки. Перед тем, как возвращаться, он ещё посмотрел на гостеприимное море, на острова. И обомлел от неожиданности.

У оконечности дальнего острова он увидел движущуюся точку. Алексей

застыл, словно в игре “замри”. Он не верил своим глазам, поэтому протёр их тыльными сторонами ладоней, покрутил головой, будто стряхивая с себя наваждение, и снова вонзился взглядом в даль. Точка исчезла. Исчезла, исчезла! Куда? Алексей чувствовал, как вместе с этой точкой в его сердце тает и надежда. Что это было, или показалось? Но он же видел, видел! Но вот Алексей снова увидел ту же самую точку, видно, в какой-то момент она слилась с островом, и потому он её не видел, а сейчас, Алексей уже нисколько в этом не сомневался, она снова появилась на водной глади. Мало того, она с каждой минутой увеличивалась и увеличивалась, принимая осязаемые взглядом формы. К тому же, сомнений в этом не было, она двигалась прямо на него.

Алексей почувствовал, как во всём его теле поднимается восторженная радость и одновременно животный страх и паника. Он заметался по берегу, подхлестываемый желанием спрятаться, раствориться и, если возможно, исчезнуть. Бросив всё на берегу, он побежал к густой купе кустарника на скале и спрятался в ней. Он во все глаза смотрел на движущийся предмет и видел, как он превращается в большую лодку, похожую на мотобот. Сзади неё оставалась белая полоса, которая тут же растворялась в воде. В этой лодке сидели люди. Люди, люди! Их много, человек десять-двенадцать. Кто они? Какие у них намерения, что им нужно на этом острове, откуда они взялись? Эти вопросы бились в голове Алексея, словно та рыбина на крючке, которую он недавно поймал. Они враги или друзья? Возможно, это пираты, возвращающиеся за своими потаёнными сокровищами, или аборигены. Тогда где они живут?

Уже через полчаса стало ясно, что они намерены высадиться на их острове, в полумиле от того места, где хоронился Алексей. Что же делать: так и прятаться в этих кустах, предупредить Глафиру или всё-таки попробовать вступить с ними в контакт. А что случится с Глашкой, если его схватят и увезут? Нет, надобно хитрее, надо просто проследить. Если эти люди живут на соседнем острове, то никогда не поздно переплыть туда и познакомиться с ними, ведь не могут же они появиться ниоткуда и исчезнуть в никуда. Если это матросы с какого-то корабля, то где сам корабль?

Решившись, Алексей, пригнувшись, добежал до леса, юркнул змейкой в заросли и побежал к тому месту, где, по его расчетам, должен был причалить мотобот. Бежал Алексей рывками: пробежит метров тридцать, присядет, и смотрит горящими глазами, нет ли кого поблизости. Наконец, он услышал характерный звук фыркающего мотора, голоса, скрип, шлепанье ног по воде. Вот они, люди: загорелые, поджарые, стройные, мускулистые, так похожие на европейцев. О чём-то переговариваясь, они пошли в глубь острова. Зачем? Искать их или у них здесь свои дела, о которых он не знает? Ответ Алексей получил минут через сорок: из леса донесли пороссячий визги, горестное и жалобное бление коз. Мужчины выносили к берегу связанных коз и свиней, укладывали их в шлюпку и снова уходили в лес. Так продолжалось часа полтора.

Алексей пытался уловить, на каком языке разговаривали пришельцы, но определить так и не смог. Иногда ухо улавливало английские слова, иногда французские или испанские, раз ему показалось, что он услышал русское слово “поедем”, но Алексей не был в этом уверен. Наконец, груз был уложен, и аборигены приготовились к отплытию. Вот мужчина закидывает на борт

линь с металлическим стержнем, который удерживал мотобот у берега, вот все мужчины залезают в шлюпку, вот трое самых сильных упираются ногами в землю, чтобы столкнуть судно в море. Алексей боролся с собой до того самого момента, когда один пришелец махнул рукой, подавая команду к отплытию. Он ещё не знал, выйти к людям, объявится мессией и положится на волю случая или остаться на месте. Победила осторожность, и Алексей со слезами на глазах смотрел, как шлюпка отходит от берега, как заводится мотор, как шлюпка вместе с его надеждой удаляется от берега и начинает таять в морском пространстве. Всё, теперь уже никаких надежд!

Алексей вылез из кустов и подошёл к берегу, приставив ко лбу руку козырьком, и долго смотрел вслед, пока шлюпка не скрылась за мысом. Алексей вытер слёзы и посмотрел на прибрежный мокрый песок. На нём отпечатались множество человеческих босых ног, точно таких же, какие оставлял и он сам, но Алексей почему-то их боялся. Внезапно он вскрикнул — боже, следы! Ведь он тоже оставил свои следы там, на берегу озера. Может быть, они тоже их заметили! Или не заметили. Но, когда они отплывали, он не видел ни грамма волнения на их лицах. Значит, не заметили. И ещё, он совсем недалеко закапывал шкуры разделанных козлиных туш. А от них, наверно, исходит такой запах. Они могли его учуять. Впредь надо быть осторожнее.

Не слишком ли много неожиданностей за один день! Сначала открытие, что хряк был кастрированным, затем эта лодка с людьми. Лю-ди! Боже, как долго они мечтали о встрече с ними! И вот он их увидел, а радости в душе нет, осталось лишь ощущение тревоги и неопределённости. И снова тот же вопрос: сказать ли Глафире? Она обрадуется, наверняка обрадуется! Нет, нет, надо подождать. Если здесь появляются люди, значит, они приплывут ещё раз, тогда можно с ними поговорить. А сейчас молчать, молчать!

Алексей вернулся назад, взял свой улов, снасти и вернулся к жене. Глафира запрыгала от радости, когда увидела трёх рыбин, подскочила к мужу и поцеловала его в губы. Взяла в руки самую крупную рыбу и произнесла:

- Ого, да ты у меня самый настоящий охотник. А что это за рыба?

- Не знаю, - растерянно ответил Алексей.

Почувствовав его неважное настроение, Глафира сразу посерьезнела, подозрительно спросила:

- Что это с тобой?

- Да так, - отмахнулся Алексей, - устал.

- Ну, ладно, ты иди, отдохни, а я пока приготовлю что-нибудь рыбное. Тебе уху или жарёху?

- А всё равно, - ответил Алексей и пошёл в палатку. Он решил пока ничего не рассказывать Глафире, он ещё не знал, как она отнесётся к тому, что он видел, он не знал, правильно ли он поступил, когда не вступил в контакт с этими чужими людьми, он сейчас не знал и не понимал ничего. Ему просто неодолимо хотелось спать, и всё.

22

На следующий день Алексей почувствовал недомогание, слабость, головную боль и, как сказали бы его предки, ипохондрию и меланхолию. В чём было дело, он не понимал, может, перегрелся на солнце или подхватил

какую-нибудь тропическую болезнь, но вида решил не подавать, думая по русской привычке, что болезнь пройдет сама собой. Полдня он ходил вялый и квелий. Глафира вроде бы ничего не замечала, но когда он отказался от обеда и снова пошёл в палатку, встревожилась.

- Что с тобой, Лёш, на тебе лица нет? - спросила она.

- Совесть загрызла, - пытался отшутиться Алексей, но, видно, вышло у него это неубедительно, потому что Глафира положила руку на его лоб.

- Ну-ка. Боже, да ты горишь весь!

- Ерунда, - отмахнулся Подновный, - пройдет. Может, рыбу не ту съел.

- Но ведь со мной-то всё нормально, - возразила Глафира, - а если мы с тобой вместе, так что не гони пургу.

- Это плохо, а я думал, что мы умрём с тобой вместе и в один миг, как в той красивой японской легенде, - снова пытался шутить Алексей.

- Это что за легенда, почему не знаю? - по-чапаевски спросила Глафира.

- Ладно, слушай, - начал Алексей. - В японской кухне есть блюдо, которое они готовят из рыбы, дай Бог памяти, фагу или фугу. Дело в том, что эта рыба очень ядовита, и только искусные мастера могут приготовить её так, чтобы она была съедобной. Ну, вот как ты, например, - не преминул съязвить Алексей.

- А что, - взвилась Глаша, - я не вкусно готовлю, что ли!

- Да вкусно, вкусно. Слушай дальше. И вот когда родители не дают влюблённым благословения на брак, - ну, это как у нас в России в старину — они идут в ресторан там или в кафе и заказывают эту самую рыбу фугу. Но при этом они повару подают какой-то знак, что они несчастны и хотят умереть вместе. Повар готовит им блюдо из этой рыбы, но при этом оставляет в ней весь яд. Парень сдевушкой едят эту рыбу, смотрят друг в глаза и держаться за руки, пока не умрут вместе. Вот такая красивая легенда, дорогая.

- А повар?

- Чего повар?

- Его же посадят за убийство, - резонно заметила Глафира.

- Ну, про это в легенде ничего не сказано, да и не знаток я в японском уголовном праве.

Внезапно Глафира схватила за сердце:

- Ой, мне, кажется, тоже плохо.

Алексей в шутку сказал:

- Видно, придётся нам умирать вместе.

- Да ты чо, Лёш, вот тоже скажешь! А кто меня хоронить будет. - Она пощупала лоб, посчитала на руке пульс, облегчённо вздохнула. - Нет, кажется, показалось. - Шутливо замахнулась на Алексея. - Да ну тебя с твоими красивыми легендами, тут и на самом деле подумаешь, не знай что. А тебя я сейчас начну лечить.

Скоро Глафира приволокла огромный кейс-аптеку с различными препаратами, укольчиками и трубочками и стала в нём шарить, бормоча под нос:

- Так, это не то, это от поноса, это от похмелья, это от кашля, катетер тоже пока не нужен. Ага, вот это нам подойдет, пей, давай.

Алексей без сомнений принял три таблетки, которые подала ему жена, и запил водой. Сама Глафира медиком не была и институтов по этому профилю

не заканчивала, но её мать, известный врач-терапевт в третьем поколении, с самого рождения дочери хотела, чтобы та избрала бы то же самое поприще, и потому натаскивала дочь по своему профилю до окончания школы. А когда Глафира окончательно заартачилась и пошла учиться по юридической линии, сказала:

- Ну что ж, по крайней мере, за твоего будущего мужа я спокойна, он не умрёт, пока скорая помощь будет протискиваться через московские пробки.

Отоспавшись, Алексей и правда почувствовал облегчение, но на душе было беспокойно. А если бы он серьёзно заболел или, не дай Бог, умер, Глашка так и не узнала бы всего того, что знал он: ни про шлюпку, ни про людей на соседнем острове. Слегка пожурив себя за это, он решил ей всё рассказать. Глафира, собиравшая в лесу хворост для костра, пришла к палатке, бросила охапку сухих сучьев на землю и в первую очередь решила проведать больного.

- Ну, как ты? - спросила она.

- Нормально, - ответил Алексей. - Полежи рядом со мной, устала, наверно. Глафира потрогала его лоб, проверила пульс и прилегла рядом.

- Тебе надо ещё полежать.

- Ну, посачковать я люблю, так что насчёт этого не беспокойся. Но я не об этом, Глашенька. Вчера я тебе кое-что не сказал.

И он начал рассказывать всё по порядку: сначала про кастрированного хряка, потом про рыбалку, про странную точку в море, про шлюпку, про людей, про свои страхи и сомнения. И чем ближе рассказ подходил к концу, тем больше пристраивалась Глафира и тем более круглыми становились её глаза. Когда он закончил, Глафира с минуту молчала, что-то прокручивая в своей неглупой головке, а потом выдала:

- Теперь ты веришь, что я видела этот проклятый плавающий остров?

- А причём здесь остров? - удивился Алексей, не ожидавший такого оборота её размышлений.

- Так ведь всё сходится, ты понимаешь, сходится. Сколько мы здесь живём, и никого не видели, ничего не замечали, - горячилась Глафира. - А тут появляется этот остров, а потом и эти люди. Откуда они взялись, с Луны, что ли, упали, а?

- Глаша, ну я тебя умоляю, какой к чёрту остров да ещё плавающий. Не смеши меня, мне и так плохо.

- Ну хорошо, допустим не остров, - прервала его Глафира. - Но ведь что-то плыло. Может, это был большой корабль в камуфляже, ну чтоб незаметный был. А вдруг у них тут база, может, это военные какие-нибудь прячутся, а? Лёшка, нужно срочно к ним плыть, иначе мы так и проживём до самой старости робинзонами на этом острове!

Алексей задумался, потом ответил:

- Может, ты и права, сидя на одном месте ничего не узнаешь. Ну, хорошо, допустим, мы туда приплыли, откуда мы знаем, что это за люди: бандиты, пираты, военные или местные аборигены? Что с нами будет, если мы попадём в их руки? Ты об этом подумала?

Глафира сникла, но ответила:

- Все же это люди. Неужели они не поймут нас, не пожалеют. - Внезапно она вскочила. - А давай их здесь подождём! Они снова приплывут, а мы им: здравствуйте, мы ваши друзья, мы вам ничего плохого не сделаем.

- А когда они приплывут, ты знаешь? - спросил Алексей. - И приплывут ли вообще.

- Ну, - заикнулась Глаша, - я не знаю.

- Вот и я не знаю, - ответил смиренно Алексей и добавил после долгой паузы: - Но ты права, век на этом острове не просидишь. Надо произвести разведку, сплавать на эти острова.

- Опять разведка, - закричала Глафира. - Нет, на этот раз я одна не останусь и одного тебя не пущу. Всё! Если умирать, так вместе.

- Хорошо, - согласился Подноветный, - но только надо основательно подготовиться. Расстояние здесь приличное, по моим вычислениям, - он вытянул перед собой руку с поднятым большим пальцем и посмотрел, словно через прицел вдаль. - По моим вычислениям, до островов миль десять-двенадцать. На вёслах придется идти часов пять-шесть, при условии, конечно, что не будет большого волнения и ветра. К тому же, как я заметил, между островами и течение сильное. При худшем раскладе понадобится и целый день. Решено?

Глафира глубоко вздохнула, словно перед прыжком в воду и выдохнула:

- Решено, мой Робинзон.

- Так готовься к путешествию, моя дорогая Пятница.

Подготовка заняла два дня. Надувную шлюпку проверили на герметичность, запаслись едой и водой, взяли необходимый инструмент и рыболовные снасти, надели спасательные костюмы с термозащитой, на всякий случай захватили с собой надувной плот и ракетницу с патронами.

Вышли рано утром, пока ещё не взошло солнце. Алексей и Глафира с грустью смотрели на удаляющийся гостеприимный берег, который приютил их. Искорёженный ковчег на берегу со стороны напоминал спускаемый аппарат космического корабля, неловко приземлившийся после долгого полёта. Трубы, связывающие когда-то две половины яхты-катамарана, торчали, словно антенны, черное пятно костра, их кормильца и доброго друга, который обогревал их в холодные ночи, походило на засохшую рану на добром теле острова. Лес удалялся, превращаясь постепенно в изумрудную цепочку.

Море плавно и размеренно дышало, то приподнимая, то опуская их на своей огромной груди. Погода выдалась, как на заказ: тихая, ясная, тёплая. В предраассветной сини острова, к которым они стремились, напоминали два упавших с головы витязя шлема. Опасаясь неожиданной встречи с их обитателями, Алексей решил зайти с другого мыса, противоположного тому, откуда приплыли люди. Под мерный всплеск воды и поскрипывание резиновых уключин Глафира дремала, иногда вскидывалась и спрашивала:

- Лёш, ты не устал, может, тебя сменить?

- Спи, ещё успеешь ухайдакаться.

Глафира никогда не понимала этого слова, которое Алексей подцепил ещё в детстве в деревне у бабушки с дедушкой, но знала, что было оно синонимом слова "устать". Шлюпка была большая, четырёхместная, под две пары вёсел, да к тому же с тентом, и потому она шла тяжело. Глафира наконец-то окончательно проснулась, то и дело поглядывала вперёд и недовольно ворчала:

- Плывём, как черепахи, такими темпами мы до этих островов в жизни не доплывем. Лёш, где весла?

- Да ты на них сидишь.

- А. Будет лучше, если я помогу: и тебе легче, и доплывём быстрее.

Алексей чувствовал, что его мускулы налились тяжестью, крыльца нестерпимо ломило, ноги почти ничего не чувствовали, и он сквозь хрипы в горле согласился:

- Ладно, жёнушка, давай, впрягайся, а то Боливар и на самом деле не выдержит двоих.

После того, как Глафира вставила вёсла в уключины и сделала первые гребки, Алексей почувствовал, как шлюпка пошла легче и ходчее. На всякий случай предупредил:

- Ты не очень-то жисься, тебе ещё нашего наследника надо выносить.

- Не учи, баба лучше знает, чего надо и чего не надо.

Солнце уже давно поднялось над горизонтом, отражение от воды слепило и старалось поджарить гребцов, ветер посвежел и погнал тяжёлые, гребнистые волны, которые, к счастью, оказались попутными и теперь только помогали путешественникам. Иногда, чтобы сориентироваться, Глафира бросала вёсла, смотрела вперед и кричала:

- Лёша, осталось совсем немного, остров уж рядом. - Иногда жаловалась:

- Мне жарко, может, снимем эти проклятые спасательные костюмы, а?

- И не думай! Потерпи, вон как свежеет, а когда будем подходить к берегу, там прибой будет кипеть.

Привидеблизкой цели их силы удвоились, и шлюпка шла, словно на моторе. Вот Глафира снова бросила вёсла, посмотрела вперед и вдруг закричала:

- Что это!? Боже, Лёшка, Лёшка, посмотри!!!

- Ну, что там, — спокойно отозвался Алексей.

- Да скорей же!!! Мамочка, мамочка, помоги мне!!!

Увидев страшные глаза жены, Алексей быстро бросил весла и, перегнувшись через борт, тоже посмотрел вперед. От того, что увидел Алексей, он почувствовал, что у него от ужаса зашевелились волосы. Прямо на них надвигалось что-то громадное и страшное. С первого взгляда трудно было определить, что это такое, но было ясно, что вернуться от надвигающегося на них чудовища было уже невозможно. Это был не корабль, даже не авианосец, а какой-то монстр огромных размеров, напоминающий плавучую гору или целый остров. Вместо рубки и палубных надстроек над поверхностью воды возвышался скалистый утёс высотой метров двести или триста, а ширина этого монстра составляла никак не меньше километра. На отвесной скале этого утёса были видны чёрные круги, напоминающие огромные норы ласточек-береговушек, а на самой вершине торчали чёрные трубы.

Чудовище шло на полном ходу, и слышно было, как дрожала поверхность воды, издавая вибрирующий писклявый звук, словно к взлёту готовились сразу сотни реактивных самолетов. Этот звук был таким противным и невыносимым, что им обоим пришлось заткнуть пальцами уши. Монстр гнал перед собой волну в десятки метров высотой, которая грозила накрыть их крохотное судёнышко и погребсти его в морской пучине. Алексей понимал, что спасенья нет. Это катастрофа, гибель, это конец! Единственное, что успел сделать Алексей, - это несколько раз зарядить ракетницу и выстрелить в воздух прямо по курсу, по которому шло это плавучее сооружение. Затем их шлюпку

вознесло на огромную высоту. Удар, ещё удар, крики Глафиры, ещё удар. Вот они в воздухе, словно по шлюпке ударил ногой футболист-гигант, и шлюпка мячом летит над волнами. Затем сильный удар об воду, и полное забытьё, темнота, тишина...

Часть вторая

1

Сегодня Эмили снова подняла скандал, она позвонила Питеру и закричала в трубку:

- Ты знаешь, сыночек, что твой отец подлец и банкрот?! Ты знаешь, что на наших счетах ничего не осталось, ни доллара, ни цента?! Ты знаешь, что все мои кредитные карточки заблокированы?!

- Подожди, подожди, мама, этого не может быть, - пытался как-то успокоить сын Эмили. - Мама, мама, это какая-то ошибка... Да подожди! Я обязательно всё проверю. А что говорит Крис?

- Крис? А что он может сказать? Он сказал, что твой подлец-отец, — она подчеркнула жёстким голосом последнее слово, - что твой подлец-отец лишил меня всего! Ты понимаешь, всего! Оставил только какое-то издевательское письмишко.

- Письмишко, какое письмишко, ты его читала? - спросил Питер.

- Читать письма от этого подлеца, мертвеца? - Эмили задыхалась от гнева. - Я не намерена выслушивать, то есть вычитывать его оправдания и гнусные измышления. О, мать божья, что со мной будет! Сынок, ты приедешь, скажи, ты приедешь к своей маме?

- Хорошо, хорошо, я обязательно приеду, - пообещал Черрик-младший, - только ты, пожалуйста, не волнуйся, у тебя же слабое сердце. Кстати, как давно ты вызывала своего врача?

- Плевала я на сердце, плевала я на всех врачей! - закричала в бешенстве Эмили и отключила связь.

- Питер не знал, что делать, что думать, он был уверен, что отец не мог так поступить с матерью. Конечно, мать была изошрённо расточительна, за день она могла истратить столько денег, сколько тратит самый большой пригород Нью-Йорка, она могла пролежать в меланхолии недели и месяцы, ничего практически не тратя, и вдруг в один день собраться и полететь в Австралию, чтобы посмотреть оперу, прихватив с собой целый самолёт друзей. Но отец всегда смотрел на все её взбаламошности и причуды сквозь пальцы, с улыбкой говоря: "Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало".

- На этот раз мать находилась в городской квартире, о которой папараци ещё не успели пронюхать, и потому Питер спокойно въехал в подземный гараж, где находился их личный автобокс, поставил машину и поднялся на двадцать шестой этаж. Когда он шёл по коридору, ему позвонил на мобильный телефон Бёрн:

- Добрый день, господин Черрик.

- Добрый день, Шелли. Что-то случилось?

- Нет-нет, просто в связи с расследованием возникла необходимость с вами

встретиться и поговорить. Мы можем это сделать сегодня, я вас не оторву от важных дел?

- Хорошо, думаю, что часа через два я освобожусь. Созвонимся.

- На этот раз Эмили была не одна. В холле сидел распорядитель и управляющий делами отцовской компании Крис. Мать, увидев Питера, вскочила с софы, сунула ноги в туфли на высоких каблуках, встала и всплеснула руками:

- Ну наконец-то, Питер, где ты так долго был!

- Питер Черрик поздоровался с Крисом, тот в ответ чопорно поклонился и произнёс дежурное:

- Доброго здоровья, мистер Черрик.

- Ах, оставь свои любезности, Крис, для своих шлюшек. Ты лучше расскажи, что ты обнаружил в банковской ячейке. Расскажи, расскажи, неблагодарный плебей! Я думала, что более верного человека нет на всём белом свете, а он...

- Эмили глубоко задышала полной грудью, всем видом показывая, как она разгневана.

- Но, мисс Черрик, я не мог послушаться мистера... - пытался оправдываться Крис.

- Мне не нужны твои оправдания, лучше расскажи Питеру.

- Она снова плюхнулась всем телом на софу, на лету сбросив свои туфли на паркет. Получилось у неё это изящно и мастерски, и Питер подумал, что единственное, чему научилась его мать за свои неполных пятьдесят лет, так это мастерски выражать свое негодование.

- Так, в чём дело, Крис? - обратился Питер к распорядителю.

- Понимаете, мистер Черрик, - начал было Крис.

- Крис, давай без титулов, - перебил его мягко Питер, - ведь мы с тобой знакомы тысячу лет.

- Хорошо, Питер. Дело вот в чём. Перед тем, как мистер Черрик отправился в свое э-э, крайнее путешествие, он дал мне некоторые распоряжения относительно мисс Эмили. - Он дипломатично закашлялся. - Так, вот, на случай, если на счету мисс Черрик закончатся деньги, он наказал мне, чтобы я открыл зарезервированную на этот случай банковскую ячейку в Бэнк оф Нью-Йорк. Я так и сделал, я ни в чем не виноват.

- Не виноват он, видите ли, - снова вспыхнула Эмили. - Ты расскажи, Крис, что ты там нашёл.

Крис виновато продолжал:

- Я нашёл там вот этот конверт с электронным письмом и чек на шестьдесят четыре тысячи долларов.

- Ах, какая щедрость! Целых шестьдесят четыре тысячи долларов, - снова вспыхнула Эмили, жестикулируя рукой. - В наше время на эти деньги живёт десяток безработных бродяг!

- В год, мама, в год, - уточнил Питер.

- Ты хочешь, чтобы твоя мать тоже жила на эти крохи, чтобы она существовала, как бродячая собака, да?

- Мама, - с упреком протянул Питер. - А что отец пишет в письме?

- Вон, возьми на столике распечатку письма этого гнусного и низкого русского, читай! Твой отец совсем сбрендил под старость лет. Ты понимаешь,

он предлагает мне работать! Он забыл, как ему помогал на первых порах мой отец, как он тащилого за шкуру, чтобы познакомить с бизнес-элитой, как я ночами ждала его с этой проклятой работы, где он начинал свой бизнес. Чертов фанатик, упёртый русский мужик!

Питер взял со столика распечатку письма и стал читать. “Дорогая Эмили, если ты сейчас читаешь моё к тебе послание, то значит, у тебя закончились деньги, и ты сидишь на мели. Я скорблю об этом. Но не думай, что я брошу тебя в этой беде. Я оставляю тебе огромную сумму, шестьдесят четыре тысячи долларов. На эти деньги можно открыть свой небольшой бизнес, а потом и расширить его, который будет тебе приносить постоянный, стабильный многомиллионный доход: парикмахерскую, закроечную мастерскую, салон модной одежды, выпускать журнал мод или проводить благотворительные акции. Ты ведь когда-то так любила хорошие причёски, пышные красивые наряды, смотреть картинки и выбирать себе костюмы и платья, ты всегда была королевой на благотворительных балах и на концертах. Ты всегда жила за чей-то спиной и за чей-то счёт: сначала за счёт родителей, потом за счёт молодых, резвых и богатых поклонников, потом за счёт меня. Сейчас, дорогая, у меня нет ни цента, да и самого меня нет, я где-то там, далеко, как ты и мечтала, чтобы я не мешал тебе наслаждаться жизнью и, чтобы, как ты любила выражаться, брать от неё всё. Вот и бери, теперь тебе предоставляется полная возможность.

Цифра в шестьдесят четыре тысячи долларов совсем не случайна. Именно с такой суммы я начинал свой бизнес в Америке, когда мне пришлось бежать из России, чтобы не попасть в застенки КГБ. Ты ведь знаешь, - я много раз тебе об этом рассказывал - что в России я работал в коллективе самого талантливого человека двадцатого века Алексеева Ростислава Евгеньевича, того самого, под руководством которого был создан гибрид самолета и морского судна под названием экраноплан. Это было чудо, прорыв в инженерной мысли. Не зря американцы боялись его, как гнева божьего, называя каспийским монстром и убийцей авианосцев. Впрочем, тебе, дорогая, это мало что говорит, ведь в твоей маленькой головке мелькают совсем другие проекты: как бы охмурить очередного молоденького бой-френда или слетать со сворой своих друзей на Гавайи..

Но продолжу дальше. Приехав в Америку, а попросту сбежав из России, я был одержим осуществлением своей мечты. Для этого мне нужны были деньги, и я стал зарабатывать. Ты об этом, конечно не знала, ведь мы встретились, когда я был уже респектабельным и относительно богатым. Но до встречи с тобой я пахал день и ночь на автомойке, потом купил небольшой катер и стал возить богатеньких пьяных и обколотых парочек на ночные прогулки, потом я зарегистрировал патент на своё изобретение — мини-экраноплан, купил небольшую мастерскую и стал делать эти самые экранопланы. Когда я продал первое своё детище, у меня и появились эти шестьдесят четыре тысячи долларов. Через год я взял ссуду в банке, значительно расширил свое производство, нанял рабочих — и дело пошло. Через два года я стал владельцем и хозяином приличной судостроительной кампании. Тогда-то я и встретился с тобой, дорогая моя Эмили. Конечно, я не мог дать тебе того, что ты хотела, потому что пропадал на работе дни и ночи, но зато я подарил тебе сына и

дочь, познакомился с твоим отцом, который очень мне помог связями и своей поддержкой.

И ещё: я все же осуществил свою мечту, о которой ещё никто не знает, но о которой обязательно рано или поздно узнает весь мир. Желаю того же и тебе, потому что уверен, что каждый человек по мере своих сил обязан хотя бы содержать себя, а не быть чьим-то захребетником. Про себя и для тебя я скажу одно: я вроде бы ещё существую, но с другой стороны, меня уже и нет. Прощай, дорогая Эмили. И всё-таки я тебя очень люблю и надеюсь с тобой встретиться”.

Прочитав письмо, Питер долго молчал в раздумье. В письме он надеялся найти ответы на многие мучавшие его вопросы, а на самом деле этих вопросов и тайн становилось только больше. Во-первых, что это за мечта, которую осуществил отец и о которой не знает никто. С отцом Питер был близок по духу и по характеру, но, видно, не настолько, чтобы он смог посвятить сына в свою тайну и в свою заветную мечту, о которой он не обмолвился ни словом.

- Ну, что скажешь, сынок, - перебила раздумья Питера Эмили.

- Мама, я сам ничего не понимаю, - с раздражением ответил Питер. - Дай, пожалуйста, время всё обдумать.

- Думать, думать, думать! А как же я! Мне нужны деньги и прямо сейчас.

- У меня сейчас таких денег, какие ты просишь, нет, - грубо ответил Питер.

- И, по моему, отец прав, тебе пора заняться делом, ведь ты когда-то с успехом занималась благотворительностью. Ты помнишь ту девочку, на операцию которой ты собрала большую сумму денег? Она тебе больше не звонит, не присылает эсэмэски?

Эмили вздохнула:

- Как давно это было, сто лет назад.

- Нет, мама, не сто, а всего тринадцать лет прошло. И дело не в годах, - жёстко поучал Питер, - просто ты перестала общаться с этой девочкой, у тебя появились другие интересы.

- Тебе этого не понять, сынок, - вздохнула Эмили. - Мне уже... Я уже не молодая, и мне хочется пожить в своё удовольствие.

- Мама, - взмолился Питер, - неужели ты не понимаешь, что ты прожигаешь свою жизнь. Эти светские тусовки, бесполезное времяпровождение, какие-то друзья - однодневки! Ты стала пить, в конце концов.

- Это не твоё дело! - закричала Эмили. - Как ты смеешь так разговаривать с матерью. Я, я, я...

Эмили расплакалась, да так горько, как она не плакала, наверное, с детства: с привсхлипываниями, шмыганьем. Питер ещё никогда не видел мать такой горько плачущей. Они не видели, как Крис тактично и тихо вышел из холла и закрыл за собой дверь. Питер устал так жалко свою беспутную, потерявшуюся мать, что он нежно обнял её за плечи, привлек к себе и прижал к груди.

- Ну, ладно, мам, успокойся, всё будет хорошо. А деньги, что деньги, я тебе обязательно помогу, если возникнет такая необходимость.

Неожиданно Эмили отстранилась от сына и твердо сказала:

- Не надо, Питер, я сама! Оставь меня одну, пожалста.

В эти минуты она напоминала прежнюю Эмили Данкерс, дочь бывшего сенатора Рафаэля Данкерса: решительную, неуступчивую, гордую, только немного постаревшую.

* * *

С Бёрном Питер встретился в офисе детектива. Черрик вошёл в кабинет и без приветствия, молча сел в кресло напротив стола Шелли, который вопросительно смотрел на своего работодателя. Питер ещё не отошел от опцовских известий и разговора с матерью и потому выглядел темнее грозовой тучи.

Бёрн первым решил нарушить тишину:

- У вас неприятности, господин Черрик?

- Даже не знаю, как сказать, - ответил Питер. - Так, семейное. Вы о чём-то хотели со мной поговорить? Может, снова перейдем на "ты"? - неожиданно предложил Черрик, - а то всё господин да господин. Можешь звать меня просто Питер. Так будет доверительнее и проще.

- Бёрн сначала смутился, он не привык к такому обращению с клиентами, перед ними ему обычно приходилось лебезить, а тут.

- Хорошо, Питер, зови меня просто Шелл. Но я так полагаю, что подобное обращение предполагает и новую степень открытости и содружества. А то что-то много у нас недоговоренностей, скрытности и тайн.

- Я согласен, Шелл, пора выкладывать все карты на стол. Я надеюсь, что мы с тобой друзья?

- Да, конечно, и должны сотрудничать в общих интересах.

- Хорошо, - согласился Питер, - тогда и я буду задавать тебе вопросы. Ты готов?

- Конечно, спрашивай, Питер, хотя я и так их все знаю. - Бёрн показал рукой на бар. - Может, что-нибудь?

- Пожалуй, что-нибудь легкого. Мартини со льдом найдётся?

- О кей.

2

Глафира вышла из забытия, но глаз не открывала. Она просто боялась их открыть. Сквозь веки она чувствовала, как струится розовый свет, слышала, как что-то тихо и ровно гудит. Открывать глаза не хотелось, потому что было тихо, тепло и уютно. Она почему-то почувствовала себя маленькой девочкой, которая проснулась в родном доме. Сон уже ушёл, но так не хотелось открывать глаза и вставать. Тело хотело ещё полежать минуту, две, три. Вот-вот должен раздастся голос мамы:

- Дочка, вставай, пора в школу, а ты ещё и учебники не собрала, не умылась, не причесалась. Ты хочешь, чтобы тебя называли неряхой и соней, да?

Нет, неряхой, соней и вообще нехорошей девочкой Глаша быть не желала. Она уже хотела сладко потянуться, как вдруг почувствовала, что её руки и ноги чем-то связаны. Глафира почувствовала себя Христом на кресте и тут же открыла глаза. Боже мой, где она, что с ней, почему она здесь? Первое, что увидела женщина, что она находится в каком-то тесном помещении, похожем на бокс или тюремную камеру, правда, ухоженную и чистенькую. Стены были розового цвета, а вместо потолка застеклённый проём, сквозь которое она видела голубое небо и плывущие облака. Глафира пыталась снова встать, но ноги и руки не повиновались ей. Она подняла голову, покрутила ею туда-сюда и убедилась, что её конечности притянуты широкими ремнями к кровати, на

которой она лежала. Да даже если бы она и хотела встать, то не смогла бы этого сделать, потому что кровать или лежанка или тахта или кушетка или чѐрт знает что, на чём она лежала, была как бы подвешена к этим стенам, и ногу поставить было некуда. Мало того, всё её тело было опутано какими-то разноцветными трубками, проводами, а на запястьях, у лодыжек и на висках торчали присоски.

Глафира почувствовала, как в ней нарастает паника, хотела закричать, но вместо крика из горла вырвался лишь хрип. Она закашлялась, забилась в судорогах и почувствовала боль в голове. Успокоившись, Глафира с тревогой думала: "Где же это я, что со мной? Ведь должно же было что-то случиться, чтобы я оказалась здесь? Но что со мной случилось, я совершенно не помню. Как бы мне вырваться отсюда, освободиться от этих чѐртовых пут". Она так ничего и не вспомнила, но решила терпеливо ждать - ведь кто-то же её привязал.

Ждать пришлось с полчаса. Сначала что-то зашумело, и Глафира увидела, как стена слева начала сдвигаться в сторону. Она увидела другое помещение, забытое мигающей и пикающей на все голоса аппаратурой, стеклянными шкафчиками, столиками со сверкающими коробками и пузырьками. "Наверно, я в больнице", - с облегчением подумала Глафира. Вот что-то загудело, стукнуло, и Глаша увидела, как в помещении появилась женщина в странном наряде - такие носили сестры милосердия в девятнадцатом и начале двадцатого века: в длинном, до самых пят, синем платье, поверх которого был надет белый фартук с большими карманами и рукавами - опалахами, в белой шапочке с длинными полями, загнутыми вверх, на которой алел красный крест. Женщина подошла к приборам, что-то записала в журнал, подошла к Глафире, улыбнулась, покивала головой. Глафира в ответ попыталась улыбнуться, но на лице её возникла не улыбка, которая сражала наповал мужчин, а обезьянья гримаса. Она стрельнула глазками, откашлялась и прошептала неповинующимся голосом:

- Здрасте.

- Медсестра молчала и только улыбалась.

- Развяжите меня, я уже здорова. Пожалста, - после некоторого колебания добавила Глафира. Реакция та же. - Ты чо, глухая? Тогда хоть скажи, где я нахожусь.

Медсестра кивнула ей, развернулась и стала уходить.

- Эй, ты куда? - чувствуя, как с каждым словом крепчает её голос, закричала вслед Глаша. - Да что тут происходит, чѐрт возьми!

Женщина исчезла, но хорошо было уже то, что стена не закрылась. Глафира смотрела на мигающие лампочки на панелях приборов, слушала их мышиный писк и старалась прибрать свои мысли и хоть что-то вспомнить. Удалось это не сразу. Пришлось начинать с детства, потому что память никак не хотела перескакивать сразу в настоящее или недалекое прошлое. Так, школа, поцелуй Кольки, её одноклассника, на выпускном, институт, друзья, походы. Лёшка. А это кто? Ах, да, ведь это же мой муж. А где же мой муж - объелся груш? Так, вспоминай, Глашка, дальше. Кажется, мы с ним куда-то собрались, в поход, что ли. Нет, в путешествие, точно, в путешествие по морю. Нет, по океану. Ага! Рьжий, рьжий. Кто это? Данила, точно, Агафодров Данила. Саид, яхта, море, штурм, какой-то корабль. Всё, вспомнила! - торжествовала Глафира. -

Они с Лёшкой на острове, потом плывут куда-то, огромная волна, удар, небо, брызги, ещё удар. Лёшка, Алексей, Лёшенька, где же ты?

Она застонала, и в этот момент снова загудело, раздался стук, послышались шаги. Появился низенький человечек в белом халате азиатской внешности с вежливой, предупредительной улыбкой на обезьяньем лице. Острые узкие глазки, сморщенные ручки, сплетённые на груди. Наверно, врач. Боже, как похожи врачи во всём мире! Кто он: кореец, японец, китаец, монгол? А, какая разнища, лишь бы он хотя бы мычал, подумала Глафира. Но вместо мычания Глаша с удивлением услышала русскую речь:

- Здасьте, как васе здоловье?

- Холосо, - почему-то тоже с акцентом ответила Глафира.

Человечек рассмеялся:

- Это холосо, сто холосо. - Врач принёс низенькую табуреточку, сел рядом, взял её руку, проверил пульс, воткнул в уши рогатинустетоскопа, прослушал поверх груди, сказал: - Холосо, да не совсем. У вас хлипы в груди, темпелатулы нет, селце ловно биетца.

- Вы кто, доктор? - спросила Глаша.

- Доктол, доктол, влач-телапевт. Звать меня Гао Хайфенг, зовите просто доктол Хайфенг. Я не колеец и не вьетнамец, я китаец, - почему-то добавил он и снова улыбнулся.

- Вы умеете читать мысли, доктор Хайфенг? - спросила Глафира.

- Нет, плосто я пльвык, нас всегда путают, потому и знаю.

- А откуда вы знаете, что я русская?

- От васего муза, Алексея.

- Где он, он здоров? - с тревогой спросила Глаша.

- Несовсем, он сломалногу и пока не мозет ходить, но сколо вы встлетитесь.

- Вы хорошо понимаете и говорите по-русски, - влила в разговор елею Глафира. - Вы на всех языках так хорошо говорите?

Гао Хайфенг снова засмеялся:

- Нет, не на всех, толико по-лусски, по-китайски, по-фланцусски, по-английски, по-испански, по-японски. Остальных языков, к созалению, не знаю.

- Вы считаете, что этого мало?

- Кому как, мне мало, - ответил доктор.

- А где вы выучили русский?

- В Советском Союзе, я там учился.

Господи, ещё в Советском Союзе! Как это было давно. Интересно, а сколько же лет этому доктору: сорок, шестьдесят, сто? Нет, на глазок не определить.

Глафира шевельнула своими членами:

- Я что, так и буду привязанной?

Хайфенг пристально посмотрел на Глафиру, ответил:

- Я лазвязу вас, если будете послушной. Вы даете мне такое слово?

- Конечно, даю, куда же мне деваться, - недовольно проворчала Глафира.

- Вот и холосо. Но пока вам нигуда нельзя выходить. Вы есё больная, а в этом боксе специальный миклоклимат, лецебный и оцень полезный. Это моё ноу-хау. Целовек оцень быстло восстанавливаецца.

- И долго мне сидеть в этой тюрьме?

- Это не тюльма, это азлофитолецебница, отсюда пока выходить нельзя. Вы поняли, Гласа?

- Гляньте-ка, вы и имя моё знаете!
 - Конечно, знаю. Мне ево сказал вас мус, Алексей.
 - Я хочу его видеть, - простонала женщина. - Да развяжите же меня, наконец!
- Доктор развязал ремни, отсоединил трубочки, провода, участливо спросил:
- Как вы?
 - Теперь я не чувствую себя узником концлагеря, - угрюмо ответила Глафира.

Китаец улыбнулся, принимая шутку, и сказал:

- Пойдёмте со мной.

Глафира села на край лежанки, потёрла занемевшие руки, ноги и посмотрела на себя: вместо халата или больничной пижамы на ней был белый балахон с вырезом для головы и рук, только спереди и сзади находились большие проемы, застёгнутые на молнии. Глафира брезгливо содрогнулась - неужели на её голую красоту смотрел этот спекшийся на костре фрукт-китаец? Она встала на ноги и почувствовала, что её зашатало. Ого, девонька, да тебя штормит! Пол был на удивление тёплым и даже очень приятным, и она тихонько побрела за доктором. Тот открыл первую дверь.

- Это туалет. - Открыл вторую. - Здесь вы будете кушать. Вот тут кнопочка, назмите её, и вам плинесут еду.

Если бы не ударение в слове “кушать”, то Глафира могла подумать, что её заставили бы кого-то кусать. Там, где она должна была “кусать”, находился откидной столик и пластмассовая табуретка. Доктор ушёл, а она всё бродила по небольшой комнатке, пока не устала. Только сейчас она почувствовала, что воздух в её боксе не совсем обычный: он пах одновременно и какими-то лекарствами, и травами, и цветами, и морским воздухом, и чем-то ещё, чего Глафира не могла определить.

Составив в уме распорядок дня, она сначала сходила по нужде, помылась под душем, потом почувствовала голод и решилась нажать на одну из кнопок, которых на пульте было больше десятка. Стояла удверидо тех пор, пока она не отодвинулась в сторону, надеясь увидеть за ней другой мир. Но за дверью, к её разочарованию, была ещё одна дверь, а перед ней стояла та же самая “немая” с подносом в руках, на котором стояли несколько розовых пластмассовых тарелок с крышками. Ничего не сказав пациентке, она прошла в трапезную, поставила поднос и удалилась. “Тут что, страна “великих немых?” - подумала Глафира и села на табуретку, предвкушая удовольствие от еды. Но вместо настоящего, наваристого русского борща она увидела в глубокой тарелке нежирный бульон, судя по запаху, мясо-овощной, картофельное пюре на молеку без гарнира и сок из неопределимых фруктов.

“Гады, - подумала Глафира, - решили уморить меня голодом или отравить. Не выйдет! Я ещё поживу вам назло”. Но бульон оказался на удивление наваристым, пюре - вкусным и питательным, а сок - оглушающе ароматным и необычно кисло-сладко-терпкого вкуса. Она поела, забыла нажать на кнопку, прилегла на лежанку и, глядя на небо за стеклом, снова заснула.

Алексей, в отличие от жены, помнил всё. После её крика, который лучше всяких сирен предупреждал его об опасности, он успел несколько раз выстрелить из ракетницы, чтобы подать знак опасности тем, кто управлял чудовищем. Но было уже поздно. Их шлюпку некоторое время несло огромной

волной в открытый океан, потом она каким-то чудом взобралась на высоченный гребень и ударилась о борт. Их вместе со шлюпкой подбросило в воздух, словно футбольный мяч. Единственное, что успел сделать Алексей, это ухватиться за пластмассовые поручни, а телом прижать жену к днищу. Шлюпка несколько мгновений летела, а потом по принципу бутерброда с маслом шлепнулась в воду. Второй удар застал их врасплох, и они оба оказались в воде. Алексей не потерял сознания, он с ужасом смотрел, как мимо проходит огромной высоты, с маленький небоскреб, борт судна, которое налетело на них. Хорошо, что бортовая ходовая волна отталкивала его в сторону, иначе от них бы остался лишь фаршмак.

Но в тот момент Алексея меньше всего заботило собственное состояние, он в своем надувшемся спасательном гидрокостюме крутился на месте и искал глазами жену. Но Глафиры нигде не было, она словно провалилась в бездну. Он стал кричать:

- Глаша-а-а, Глаша-а-а, отзови-и-ись! Где ты, Глаша-а-а!

Алексей не обращал внимания ни на удаляющийся остров, - теперь у него уже не было сомнения, что это был именно тот самый плавающий остров, о котором ему говорила Глафира, и в вероятность которого он не поверил - ни на оранжевые плавающие остатки их шлюпки, которую разорвало при втором ударе, словно воздушный шарик. Он чувствовал, что от отчаяния внутри него поднимается ужас от возможной потери дорогого ему человека. Он лихорадочно шарил и шарил глазами по поверхности и кричал, кричал, кричал. Что, он не помнил. В какое-то мгновение ему показалось, что в двух десятках метров что-то мелькнуло, он поплыл к этому предмету, но это оказалось лишь веслом, торчащим из воды. Тогда Алексей уткой нырнул в глубину и несколько раз с открытыми глазами крунулся поплавком, чтобы хоть что-нибудь увидеть.

И о, чудо! В прозрачной воде буквально в нескольких метрах от себя он увидел Глафиру. Её спасательный жилет был порван в нескольких местах, и оранжевые лоскуты плавали вокруг её тела, словно листья водорослей. Алексей поднырнул под Глафиру, руками приподнял её неподвижное тело над водой и увидел, что она не дышит. Сразу понял - наглоталась. Алексей со спины и груди руками стал сжимать ей грудную клетку, чтобы заставить дышать. С пятой или шестой попытки ему это удалось, изо рта Глаши выплеснулось несколько порций воды, и она задышала. Вне себя от радости Алексей не замечал ничего вокруг, и потому не видел, как плавающий остров застыл на месте, как с его пологого берега спустились шлюпку, в неё сели несколько человек и погребли в их сторону.

Что-то осознавать и видеть он смог только на берегу, если край плавучего острова, конечно, можно было назвать берегом. Глафиры рядом уже не было, видно, её куда-то унесли. Сидя на земле, самой настоящей земле! он увидел, как к ним спешат какие-то люди, показывают на них пальцами, отчаянно жестикулируют и кричат что-то неразборчивое, похожее на мычание. Вокруг Алексея стояли пятеро и молча пристально смотрели на него, будто на невиданное прежде чудо. Все они были смуглыми, черноволосыми, темноглазыми, высокими и очень красивыми. Алексей усмехнулся и сказал:

- Ну, что уставились, как бараны на новые ворота. - Ноль внимания. - Вы хоть на каком языке-то калякаете? Францоеш, англиш, дойче, испаниш? Или вы немтыри, как говорит моя бабушка.

И тут Алексей вспомнил, что те люди, которые приплывали на остров за козами и свиньями, тоже были не очень-то разговорчивыми. Только двоеили трое что-то бормотали, а остальные объяснялись знаками.

- Ну, ладно, - после молчания добавил Алексей, - ведите меня к своему начальству, там разберёмся, кто есть кто.

Он стал подниматься с земли, но его словно током шандарахнуло в левую ногу. Алексей со стоном упал на траву и прорычал:

- Ну, всё, кажется, приплыл ты, путешественник Подновстный.

Он осторожно ощупал ногу, начиная со стопы и постепенно поднимаясь к колену, и вскрикнул. Всё понятно - перелом. Тогда почему же он не чувствовал ничего до сих пор ни в воде, ни на берегу? Ну, конечно же - адреналин. Пока была опасность, адреналин поступал в кровь и играл роль обезболивающего, а как только успокоился и - вот те, на. Немтыри тоже, видать, поняли, что Алексей сам не дойдет, что-то замычали, засуетились и стали помогать. Двое сплели руки, двое других усадили его на это сплетение, как в кресло, и понесли.

Чем выше от берега уходили мужчины, тем больше удивлялся Алексей. Судно, на которое они попали, не было судном в общепринятом смысле. Это был самый настоящий кусок плавучей земли. На ней росли цветущие травы, кустарник, даже деревья, среди которых Алексей увидел тополя, ивы, сосны, дубы и родные среднерусские березки. Сердце его наполнилось нежностью и покоем, словно он вернулся домой из далёкой поездки. Причем, местность не была ровной: здесь были и небольшие холмы, и овражки, и поляны, усыпанные какой-то ягодой.

Когда поднялись на возвышенность, Алексей определил, что остров был никак не меньше полутора километров длины и с километр ширины, и сам он напоминал как бы предгорье, которое начиналось низиной и заканчивалось острым двухсотметровым утёсом, на котором росли десятка три карликовых приморских сосен.

Но самое удивительное было то, что кругом были люди, много людей: мужчины и женщины; дети и взрослые; девушки и парни; молодухи с грудными детьми и старики. И люди вовсе не казались дикарями, все они были одеты в простую, но практичную и яркую одежду. И все занимались каким-нибудь делом: дети, играясь, собирали ягоду, женщины обрабатывали - пололи и прореживали - грядки, засеянные луком, морковью, редисом, свеклой, огурцами и томатами. Алексей усмотрел даже небольшие бахчи, на которых рядами курчавились ростки арбузов и дынь. Мужчины под навесом мастерили мотыги, тяпки, грабли и всякую утварь, необходимую в домашнем хозяйстве. Здесь была даже своя кузница с навесом, откуда доносился звон наковальни. Старики под теми же деревянными навесами присматривали за малыми и грудными детьми.

Единственное, что показалось Алексею неестественным, так это то, что все взрослые жители острова общались на каком-то странном, непонятном для него языке. Но в многоголосии шумов его слух иногда улавливал и русские слова, которые говорили дети:

- Они приплыли к нам из другого мира... А он совсем не страшный... Берегись, ты не знаешь, кто он есть... Он совсем не может ходить... А женщина очень красивая...

Станным казалось и то, что на острове не было ни одного жилища: ни элементарных шалашей, ни навесов, ни пещер, где можно было бы укрыться от непогоды и холодов, не говоря уж о настоящих домах. Как же существуют эти люди, где живут, где, в конце концов, просто питаются? Или этот остров для них лишь временное пристанище, и где-то есть место на земле, где они живут в цивилизованных условиях?

Пока Алексея несли куда-то на руках, к ним сбегались жители и с удивлением наблюдали за странной группой. Дети смеялись и показывали на него пальцем, кувыркались, то забегали вперед, то отставали, взрослые смотрели на Алексея мудро и, как ему показалось, с задумчивостью и сожалением. Иногда они переговаривались с помощью жестов и каких-то странных каркающих звуков, покачивали головами, а потом расходились по своим местам. Старики, умудрённые житейским опытом, лишь бросали на незнакомца мимолетный взгляд и снова возвращались к своим занятиям.

Алексей чувствовал, что нога болит все сильнее и сильнее: сначала она просто ныла, потом при каждом шаге мужчин в ней толчками стала нарастать боль, а потом и вовсе заломило так, что ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать. Наконец, будто бы куда-то пришли. За небольшой группой кустарников Алексей увидел отвесную стену, в которой зияли чернотой большие ворота. Группа подошла к ним, один из сопровождающих нажал на зелёную кнопку, и через несколько мгновений ворота стали расходиться. За ними Алексей увидел длинный коридор, освещённый линиями люминесцентных ламп.

После солнечного света здесь казалось темно, но всё же Алексей различил, что по бокам коридора находится много ответвлений влево и вправо, а над каждой дверью светился фонарь с нарисованными на них обозначениями. Чашка с ложкой - это, видимо, столовая с кухней, кровать - спальня, телевизор - комнаты отдыха или кинозал, рубанок - столярная мастерская? трон - это и вовсе что-то непонятное, может, всем этим островным плавающим государством правит царь, лестница - наверно, это или спуск или подъём.

Остальное разглядывать Алексею не хватило ни терпения, ни сил, но сейчас его удивил телевизор: неужели здесь можно принимать телевизионные программы. Если так, то чьи? А может быть, здесь просто прокручивают дивиди? Господи, подумал про себя Алексей, кажется, здесь пока не заканчивается его тернистый жизненный путь. Группа остановилась, и снова один из сопровождающих нажал на зелёную кнопку, хотя на пульте, расположенном на стене, их было с десятков и разных цветов. Что они обозначают, надо бы при случае на всякий случай узнать, подумал Подноветный. Дверь ушла в сторону, и Алексей увидел длинный белый коридор с множеством других дверей. Наверно, больница или фельдшерский пункт, догадался Алексей. Его пронесли в одну из комнат, уложили на кушетку и вышли, так и не сказав ни слова. "Станный остров, странные люди, - думал Алексей, ожидая своей дальнейшей участи. - Меня тут будут лечить или резать? Почему они все молчат? Но ведь не может же такого быть, чтобы все жители поголовно были глухими от рождения, ведь как-то они должны общаться или у них должны быть, как минимум, сурдопереводчики".

Дверь открылась, и вошёл маленький человек в белом халате, нет о кореец,

не то японец, не то китаец. Да, с этим мы тоже вряд ли договоримся, с иронией подумал Алексей, ведь я ни бельмеса не понимаю на восточных языках. Доктор вежливо улыбнулся пациенту и на прекрасном английском спросил:

- Как наши дела, что у вас болит?
- Кажется, я сломал ногу, - ответил Алексей.
- Сейчас посмотрим.

Доктор сел на табуретку и стал ощупывать ногу двумя руками, постепенно поднимаясь вверх.

- Здесь болит? А здесь, здесь?

Когда доктор добрался до места перелома, Алексей не сдержался и закричал по-русски:

- Чёрт побери, нельзя ли потише!

Доктор удивлённо и всё так же с улыбкой посмотрел на пациента и спросил:

- Так вы лусский?

Удивился и Алексей, отвечая на родном и великом:

- А я что, похож на папуаса? - Чувствуя, что вышло грубовато, добавил:

- Извините, доктор, не сдержался.

- Это нищего. Бывало и хуже, - ответил доктор. - Как-то лаз один пациент меня по молде двинул. Кстати, я не японец и не колеец, я китаец и зовут меня Гао Хайфенг, доктор Хайфенг. А вас?

- Алексей, - коротко представился Подноветный.

- О, Алёса! - обрадовался китаец. - Я учился в эсэсэсэл, там у меня был лусский друг, его тозе звали Алеса. Холосый друг, залко, сто он погиб.

- Как погиб, где?

- Он погиб в Цецне, хилулгом был, сналяд в госпиталь попал. Залко, очень залко. Мы с ним цасто пелеписывались. - Хайфенг пристально посмотрел на Алексея. - А та зенссина, она вам кто?

- Жена, - ответил Подноветный. - Как она, доктор?

- Холосо, холосо, нищего стласного. Мы ей сделали успокоительное, сейскас она спит.

- Мне можно её увидеть?

- Конечно, мозно, только не сейскас. Завтла, завтла, когда поставим вам аппалат Елизалова, и позалста, ходите на здоловье. А сейскас сделаем укольщик.

Доктор нажал кнопку, и через минуту в комнату вошла женщина в странном, длинном одеянии.

3

После первой порции спиртного Бёрн не стал тянуть и сразу начал рассказывать:

- Я понимаю, Питер, что у каждого человека, у каждой семьи и даже у каждой страны есть и должны быть свои секреты и тайны. Но я частный детектив, и я для своего клиента то же, что врач для больного. Если больной что-то не договаривает или скрывает, то у доктора мало шансов ему помочь. Так и с нами. В какой-то момент я почувствовал, что ты мне многого не договариваешь, и даже больше — скрываешь. И я задал себе вопрос - почему? Очевидно, потому, что ты знаешь больше того, о чём говоришь мне, или что-

то изменилось с того времени, когда ты меня нанимал в первый раз. Откровенно говоря, мне не хотелось быть болванчиком, я всегда привык доводить любое дело до конца.

- Извини, Шелл, - сказал с сожалением Питер, - я должен был это понимать.

- Но после того как ты решил расторгнуть наш договор, я понял, что что-то изменилось. Ведь так? - спросил Бёрн с напором.

Питер вздохнул и налил себе ещё порцию.

- Да, ты прав? - он выпил. - Неожиданно позвонил отец.

Каждый играл свою роль, но решил сохранять интригу до конца. Бёрн хорошо знал об этом разговоре, но разве он мог признаться, что его содержание он узнал незаконным путем. И потому он наигранно закричал:

- Это правда? Отец тебе позвонил? И о чём же был разговор?

Питер тоже сохранял интригу, он не мог рассказать обо всём, что происходило в секретной комнате, уж слишком шокирующим, необычным и неправдоподобным было всё в ней происходящее.

- Разговор был очень странным, - ответил Питер. - Отец сказал мне, чтобы я не сошёл с ума, что всё это происходило на самом деле, и чтобы я об этом никому не говорил. Но о чём я не должен рассказывать, почему я не должен считать себя сумасшедшим, я так и не понял. Я понял только одно, что на тот момент мой отец был жив, это был, без всякого сомнения, его голос, его манера говорить.

- Именно тогда ты и решил расторгнуть договор?

- Да, я считал, что его поиски больше не нужны. - Питер посмотрел прямо в глаза сыщику. - Но ведь ты поступил нечестно, ты следил за мной.

Шелл поморщился.

- Да, это действительно так. Я, откровенно говоря, подумал, что ты знаешь о местонахождении мистера Черрика, потому и... Извини. Понимаешь, я ищейка, а хорошая ищейка идёт по следу до конца. Кстати, а что это за квартира, которую ты снимаешь?

Питер был готов к такому вопросу:

- Это своего рода база моего отдыха. Шум и суета за день угнетают, а после рабочего дня хочется покоя, тишины. В этой квартире я отдыхаю, вот и всё.

- Ты не пригласишь меня в неё?

- Нет, Шелл, это моя вотчина, я туда никого не приглашаю, так что извини.

- Питер развёл руками и засмеялся. - Сыщик всегда остаётся сыщиком!

- Ну вот и хорошо, объяснились наконец-то, - облегчённо вздохнул Бёрн. - А теперь я хотел бы задать тебе некоторые вопросы. Ты не против? - Питер равнодушно пожал плечами: мол, если надо. - Тогда такой вопрос: не строил ли твой отец каких-нибудь необычных планов?

- О, у отца всегда было много задумок и планов, и все они были грандиозными.

- Ну, например, - настаивал Бёрн.

- Например, создать самые безопасные в мире летательные аппараты.

- Разве это возможно?

- Он считал, что возможно. Отец даже, кажется, что-то предпринимал в практическом смысле: делал расчёты, даже создал проектное бюро. Эти самолёты, по его замыслу, могли, в случае опасности, мягко садиться на воду

и даже нырять под воду. Он грезил о спасении человечества от очередного всемирного потопа, которое грозит людям неисчислимыми бедствиями в случае глобального потепления, он мечтал о целых островных независимых государствах, в которых люди могли бы жить не по законам, а по совести...

- Он что, очередной утопист, он верит в коммунизм? - удивлённо спросил Бёрн.

- Да нет, мой отец больше практик, чем фантазёр и мечтатель. Иначе бы он не построил в Америке свою судостроительную империю. Ты ведь знаешь, что он русский, когда-то бежал из России? И я тоже, выходит, наполовину русский.

- Да, я это знаю, я и сам шотландец, мой прадед совсем молодым эмигрировал в Америку больше века назад.

- Да, Америка - это страна эмигрантов, - поддержал Бёрна Питер. - Хочешь спросить еще о чём-то?

- Да. Вот ты упомянул об островных государствах. А разве есть на земном шаре какие-нибудь острова, которые не находятся под чьим-нибудь протекторатом?

- Ну, я точно не знаю, - неуверенно ответил Питер. - Наверное, есть такие, которые слишком удалены от транспортных путей и их просто невыгодно осваивать. А вообще-то это очень интересный вопрос. Я иногда виртуально, в компьютере, люблю попутешествовать, но не более того. Мой отец всегда меня корил за это. Он любил путешествовать, созерцать и изучать, что называется, в натуре. Пожалуй, не было и года, чтобы он не отправился в какое-нибудь путешествие. Но в последние лет десять он полюбил морские путешествия, тогда-то он впервые и приобрёл, вернее, сам построил яхту и подводную лодку.

- Что же его так заинтересовало в океане?

- Не знаю, он ничего в подробностях не говорил. Правда, после одного из морских походов он вернулся в очень приподнятом настроении, у него даже глаза горели, и он всегда повторял, что, видно, ему помогает сам Бог.

- Давно это было? - спросил Шелли.

- Давно, года через два или три после первого морского похода.

- Питер, а ты ничего не слышал о плавающих островах? - задал неожиданный вопрос детектив.

- О плавающих? - Питер задумался. - Читал чей-то фантастический роман. Кажется, такие острова есть в Саргассовом море. Будто бы и в Японии хотят создать такие острова, чтобы расширять свою территорию.

- А ещё что-нибудь слышал или читал про плавающие острова?

- Н-нет.

- А если я скажу, что такие острова существуют, - подогрел разговор Бёрн.

- Почему бы и нет, - ответил Питер, - ведь существуют плавучие платформы, огромные танкеры. Можно построить и огромный плавучий остров, правда, экономически и технически решить этот вопрос очень сложно.

- А чем занималась в последние годы судостроительная компания твоего отца?

- Много чем: суда, катера, яхты, понтоны, платформы, глиссеры, мини-экранопланы, ну и так далее.

- А подводные лодки?

- Подводные лодки тоже, - подтвердил Питер. - К чему эти вопросы, Шелл, ведь обо этом все знают.

Бёрн ненадолго задумался, решительно отставил свой бокал в сторону.

- Ты понимаешь, Питер, после того как мы стали сотрудничать и я, как говорят журналисты, влез в материал, у меня всё больше и больше зреет ощущение, что разгадка где-то рядом. Иногда мне кажется, что стоит только протянуть руку, и вот она, здесь. - Бёрн с хрустом сжал кулак. - Ведь если твой отец жив, - а я верю, что это так - и предпочёл такие странные поступки для богатого человека, то ради чего-то он это делает. Ради чего? И, сопоставив некоторые, казалось бы, совсем разрозненные факты, вот какой вывод я сделал. Первое. - Шелли разогнул мизинец кулака. - Ты помнишь то бредовое письмо капитана сухогруза Нормана, в котором он сообщал в редакцию о странном призрачном острове, который преследует их в океане? И будто бы на этом острове он видел свою покойную жену, которая утонула в море. Казалось бы, это бред сумасшедшего. Я встречался с ним, он всё подтвердил слово в слово. И он, Питер, не кажется мне сумасшедшим. Мало того, его слова подтверждает его матрос Бас, который во время вахты тоже не раз наблюдал странный движущийся объект, похожий на остров. И заметь, происходило это в разных местах океана и в разное время.

Питер насторожился:

- Ты к чему это? Не хочешь ли ты сказать, что такие острова на самом деле существуют?

- Я и сам пока не знаю. Но вот тебе второй факт или, если хочешь, предположение. - Бёрн разогнул безымянный палец. - Штурман одного пассажирского лайнера, который был вынужден отклониться из-за грозы от своего курса, тоже видел странную картину: будто бы один из островов раздваивался на его глазах. Он даже сделал несколько фотографий и послал их в журнал и газету. Специалисты сделали вывод, что это был просто обман зрения, потому что при высокой скорости полёта два или несколько островов могли сливаться, а потом как бы раздваиваться. Третий факт. - Бёрн разогнул средний палец. - Недавно в интернете я обнаружил интересную заметку в российской газете. В ней капитан подводной лодки рассказывает о странном случае в открытом океане. Во время шторма субмарина шла в подводном положении, а когда стала всплывать, наткнулась на какое-то неизвестное препятствие. Слава богу, что всё обошлось.

- Может, это было какое-нибудь судно, - предположил Питер. - Ну, брошенное или оторвавшееся от причала. А может, платформа или айсберг.

- В том-то и дело, - загорячился Шелли, - что при повторном всплытии матросы ничего не обнаружили. Как будто что-то было, а потом исчезло! Четвертый факт. - Бёрн отогнул указательный палец. - На одном из островов южнее Австралии неизвестное судно скупало продукты и дешёвую ткань в огромных количествах. Местный лавочник так разбогател, что купил себе огромный магазин в столице и стал торговать экзотическими морскими рыбами.

- Ну, и что здесь странного?

- А для кого закупали моряки столько добра, а?

- Ну, мало ли: какие-нибудь племена или спекулянты, - предположил Питер.

- Ты к чему это ведёшь?

- А к тому, что ко всему этому может быть причастен твой отец! - подвел итог Бёрн.

- Не понимаю, - Питер помотал головой.

- Предположим, что твой отец построил такой плавучий остров, - продолжал Бёрн. - Ты же сам говорил о его мечте создать отдельное государство или заселить какой-нибудь необитаемый остров. Но ведь его нужно кем-то заселять, нужны люди, а для людей нужны продукты и одежда.

Питер нервно встал и стал ходить из угла в угол. Потом неожиданно остановился.

- Бред! Чушь! Ерунда! Тогда зачем ему было это скрывать? - Неожиданно Питер остановился. Он вдруг только сейчас вспомнил о той скрытности, в условиях которой подбиралась и переустранивалась квартира в районе Скотч-Плейнса, и о странном разговоре с отцом ещё до того, как он исчез, и о пустых отцовских счетах в банках. Так что же, выходит, отец и на самом деле скрывал ото всех свои намерения? Для Бёрна он сказал: - Ничего не понимаю.

Но и Бёрн был не так прост, он заметил замешательство Питера Черрика, спросил:

- Ты вспомнил что-нибудь важное, Питер?

- Может быть, - выдавил из себя Питер, - но это нужно ещё проверить. - Он взглянул на настенные часы. - Сейчас мне некогда, давай отложим наш разговор. Если что, звони. Ты чем предполагаешь заняться, Шелл?

- Есть одна мыслишка, - ответил Бёрн, - но пока я не буду её озвучивать, её тоже нужно проверить.

Хроники, события, факты

Интересны события, происходившие в областной писательской организации в пятидесятые годы прошлого века. Ульяновское отделение Союза советских писателей было образовано в 1948 году. А в августе 1952-го проходила уже третья конференция писателей Ульяновской области. С докладом выступал ответственный секретарь Ульяновского отделения ССП Григорий Коновалов. Он отметил, что основная работа, проделанная писателями и литераторами в отделении за два года - со времени прошедшей второй конференции, – оживление литературной деятельности в нашей области. Отделение оформилось организационно, литературный актив вырос больше чем втрое. Созданы и работают творческие секции, консультируются начинающие писатели, рецензируются и обсуждаются их произведения, выпущено два номера альманаха «Литературный Ульяновск», сборник стихов «Осамом дорогом». Коновалов подверг также критике некоторых литераторов, сказал, что в области еще не созданы произведения, в которых чувствовалось бы мощное дыхание времени...

На конференции в Ульяновске присутствовали и вели творческую работу по секциям представители правления Союза советских писателей: А.Письменный, поэт К.Мурзиди, драматург И.Шток.

В секции поэзии на конференции среди обсужденных стихов были и произведения нашего земляка Е.Ларина.

О работе мелекесской литературной группы говорил в своем выступлении т.Лыжин. Группа в последнее время не имеет руководителя, местные партийные и комсомольские организации, городская газета не уделяют работе литераторов никакого внимания. Между тем, творческие силы в Мелекессе имеются. Городская газета могла бы изредка выпускать литературные страницы...

Евгений Ларин (ныне – член Союза писателей России, Почетный гражданин Димитровграда) поднял интересный вопрос об изображении в художественных произведениях личной жизни и чувств героев. Пока что наши литераторы заставляют героев объясняться у станка, без отрыва от производства. Он также упрекал редакцию газеты «Ульяновская правда» в крайне равнодушном отношении к молодым авторам...

12 июня – День России! Этот праздник пришел к нам не сразу и не скоро. Нужны были неожиданные политические и социальные потрясения, раскол общества, «запах», слава Богу, так и не начавшейся гражданской войны, чтобы народы нашей общей родины пришли к взаимопониманию, а страна к равновесию. Чтобы все мы осознали и статус новой страны, и пройденное нами, и признали этот исключительный в истории государства праздник. Это событие как бы происходит из еще одного - всенародно признаваемой праздничной даты, когда российские граждане прямо или косвенно отмечают

15 мая – Международный День семьи. День самого дорогого, что есть у

человека, что есть у Отчизны, что есть у наших народов. Это и день памяти, и день надежд на будущее...

27 июня – самый любимый и наиболее отмечаемый праздник в стране. Это – День российской молодежи! Праздник свиданий, встреч, сбывшихся мечтаний, праздник надежд и веры в успех. Именно к этому дню мы приготовили нашим молодым читателям несколько специальных строк в альманахе.

Чисто литературные события освящены трепетным именем Александра Сергеевича Пушкина. 6 июня по всей стране проводятся ПУШКИНСКИЕ Дни в России. А особенно в тех уголках русских, где величайший поэт эпохи успел за свою короткую жизнь побывать! Именно к таким, священным для русских людей местам, относятся Симбирск-Ульяновск, село Языково нашей области и наш Мелекес-Димитровград!

Если Симбирск и Языковотрадиционно и ежегодно проводят многолюдные празднества, литературные фестивали, спектакли, ярмарки, то в Димитровграде также традиционно «хоронят» этот высокодуховный праздник в формалистике и примитиве. Сеем надеяться, что с приходом новых властей в управление нами и городом, такой подход будет упразднен. А ПУШКИНСКИЕ дни в Мелекесе-Димитровграде станут снова трепетным и одухотворенным праздником, особенно для детворы и молодежи, с истинно всероссийским размахом, каковым он был всего несколько лет назад. Говорим это с надеждой на мудрость русскую, на понимание значимости ПУШКИНСКИХ дней в жизни города и становлении патриотизма молодежи новым Главой города Н.А. Горшениным. Тем более что один из этой уважаемой семьи, племянник Главы города - Артем - талантливый молодой поэт и - неоднократный победитель городских молодежных литературных конкурсов «Муза». И это, видимо, неспроста, это говорит о внутренней культуре и одухотворенности Горшениных!

А следом - уже традиционно симбирская дата – день рождения И.С. Гончарова. 18 июня ему исполнилось бы 197 лет. По традиции в ульяновском парке Винновская роща состоится большой литературный праздник российских и ульяновских писателей, народные гуляния, концерты. К сожалению, видимо, в этот раз обойдется без всенародного паломничества к Гончаровской беседке, ибо она снесена... под «реставрацию»!

Хотя праздник этот не обойдет и наш Димитровград. Люди придут возложить цветы к нетрадиционному памятнику писателю (или его герою – Обломов?), что стоит в городе на пересечении пр. Димитрова и улицы имени Гончарова. А также молодежь, видимо, соберется на гончаровские чтения в деревушке - Лопата, где писатель никогда не бывал, зато на сельском раздолье теперь устраиваются поэтические конкурсы и просто турвечера...

Свой юбилейный день рождения отметит и димитровградская поэтесса, член Союза писателей России Александра Белова. Здоровья и счастья, творческих удач и новых книг тебе, наша Саша!

Информационное сообщение:

31 января 2009 года состоялось общее отчетно-перевыборное собрание Димитровградского писательского отделения Ульяновской областной писательской организации Союза писателей России.

На нем присутствовали: члены СП России – В.Гордеев, А.Никонов, В.Манухин, А.Осипов, члены ДПО и приглашенные – В.Сысуев, В.Стрючков, М.Панкратова, Р.Долодаренко, О.Григорьев, Е.Парфенова, В.Зиновьев, Г.Долодаренко, И.Федоров, Ю.Грызлов.

В повестке дня было пять вопросов: прием в члены ДПО. Информация о выполнении решения собрания от 14.07.06г. о внесении изменений в Устав ДПО и представление к утверждению нового проекта Устава. Отчет председателя ДПО В.Гордеева о проделанной работе. Выборы нового состава Совета ДПО и председателя общественной организации. О деловом партнерстве с Региональным благотворительным общественным Фондом поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД «Эгида» и выпуске литературного, патриотического, публицистического альманаха «Совершенно НЕ секретно». Разное.

По первому вопросу В.Гордеев предложил принять в члены ДПО молодого, талантливого поэта Олега Геннадьевича Григорьева, которого многие уже знают по публикациям в альманахе и его книге «Я и Ты». После обсуждения творчества Григорьева он принят в ряды ДПО.

По второму вопросу председатель собрания сообщил, что на собрании в 2006 году его полномочия председателя ДПО были подтверждены (протокол собрания членов ДПО от 14.07.06г.) и ему было поручено внести изменения в Устав ДПО, он занимался этой работой. Был представлен и новый проект Устава ДПО, который и был утвержден единогласно.

По третьему вопросу было сообщение председателя ДПО о состоянии дел в общественной организации, учрежденной общим собранием Ульяновской областной писательской организации Союза писателей России (протокол от 11 октября 1995г.)

Далее член Союза писателей России В.Гордеев сообщил, что в 2005 году в связи с назначением его главным редактором Елховской районной газеты в Самарской области, он не мог в полной мере исполнять свои обязанности в ДПО. Вся документацию и учредительные протоколы он передал А.Беловой с рекомендацией об избрании ее председателем ДПО. Но, вернувшись в 2006 году в город, получил от Беловой назад все документы и узнал, что она не стала созывать общее собрание членов ДПО, а открыла фирму – Некоммерческое партнерство «Писательская организация «Слово», чтобы все финансовые поступления шли на ее счет. После судебного решения в 2006 году, которое по представлению УФРС по Ульяновской области ДПО было закрыто как ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО и исключено из Единого госреестра. Но мы продолжили свою деятельность в качестве ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, согласно ст. 8 Закона РФ «Об общественных объединениях». Мы и раньше не состояли на учете в налоговой инспекции, теперь – тем более, поскольку ДПО не занималось и не занимается коммерческой деятельностью.

За отчетный период – до 2.02.2009 г. было выпущено в свет четыре книги димитровградских авторов членов ДПО, выходила в свет роман-газета «Радуга Причеремшанья», происходил прием кандидатов в члены Союза писателей России.

В прениях выступили: М.Панкратова, А.Никонов, В.Манухин, А.Осипов, В.Сысуев.

Прошедшие открытые выборы нового состава Совета ДПО были ЕДИНОГЛАСНЫМИ. В новый состав Димитровградского писательского отделения Ульяновской областной писательской организации вошли: члены Союза писателей России - В.Манухин, А.Никонов, В.Гордеев, член ДПО В.Сысуев. Председателем ДПО избран В.Гордеев, его заместителем – А.Никонов.

По четвертому вопросу повестки дня выступил вице-президент Регионального общественного благотворительного фонда поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД «Эгида». Он рассказал о том, что предоставил помещение и оргтехнику для выпуска альманаха «Совершенно НЕ секретно», издателем которого является Димитровградское писательское отделение Союза писателей России. Благотворительный фонд и его попечители помогают выпуску этого альманаха, в котором публикуются димитровградские писатели.

Подтверждена «Выписка из протокола общего собрания ДПО от 15.07.06г.» о рекомендации к вступлению в Союз писателей России В.П.Сысуева.

Принято письмо членов ДПО к Главе Димитровграда Н.А.Горшенину.

Предложено А.Никоновым и принято ЕДИНОГЛАСНО письмо членов Совета ДПО Совету ветеранов ВОВ.

24 мая - День славянской письменности и культуры

Русский язык и русский характер Заветы Кирилла и Мефодия

Культурные и литературные события периода прежде всего знаменуются большим патриотическим и христианским праздником – Днем славянской письменности и культуры. Некогда, его зачинатель, деятель российской культуры, скульптор В.Клычков

Был вдохновителем и исполнителем многих, значимых сегодня памятников древнерусским героям, многих фестивалей и празднеств в этот день на Руси. Увы, ныне это грандиозное свершается только в десятке российских крупных городов да в Белоруссии. Во многом это связано с тем, что некоторая часть молодежи, разочаровавшись в бесполом хождении лысыми кришнаитами по улицам, устав от бессмысленного бормотания в честь индуистского божества, стали создавать языческие или славяно-горицкие секты. А там – и до «присмотра» кукловодов от политики и криминала недалеко... Так радители славянской культуры сегодня «опущены» до обвинений в терроризме и отношении к ним настроенное.

* * *

Равноапостольных Кирилла и Мефодия называют учителями словенскими. Они родились в Македонии в начале IX века в городе Солуни и по происхождению были славянами из знатного рода. Святой Кирилл получил блестящее образование, с 14-летнего возраста он воспитывался вместе с сыном византийского императора Михаила, затем стал преподавать философию в Константинополе, где побеждал в прениях еретиков-иконоборцев и магометан. Но душа его стремилась к подвигу, к уединению, и он удалился на гору Олимп (там уже пребывал в пустынножительстве его брат Мефодий).

В 857 году оба брата были посланы императором проповедовать христианство в могучий тогда Хазарский каганат, угрожавший постоянными разрушительными набегами Византийской империи. Задача обратить в веру Христову этот враждебный народ, сделать его союзником Византии была непростой. Прибыв к хазарам, святые братья дружелюбно и с любовью долго беседовали с ними о сущности Православия. Убеждённый ими хазарский князь вместе со своими приближёнными принял христианство. Князь хотел наградить своих учителей подарками, но они просили только отпустить с ними на родину греческих пленников, захваченных хазарами во время набегов. И он отпустил с ними 200 пленников.

В 862 году князь Ростислав Моравский (Моравия тогда была одним из сильнейших славянских государств в Европе) попросил Византийского императора прислать христианских проповедников.

Прибыв в Моравию, святые братья создали славянскую азбуку, перевели на славянский язык Евангелие, Псалтирь и многие богослужебные книги. В православных храмах Моравии стали служить на понятном местному населению языке. Это было главным делом жизни святых Кирилла и Мефодия. Попытаемся и мы осмыслить значение их подвига.

Пропасть между ними была уже огромна. Католическая церковь сама надменно прекратила общение с Единой Святой Соборной Апостольской Церковью, не приемлющей претензий Рима на всемирную земную власть, стремящуюся поглотить все государства.

Этого не хотел и князь Ростислав, призвавший Кирилла и Мефодия, и наш святой князь Александр Невский. Вообще всем славянам (кроме поляков, - тут особый случай) всегда по душе была Византийская Православная Церковь.

Нам надо глубоко осознать, какой Божий дар преподнесли славянам святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. На протесты латинян, утверждавших, что богослужение и Библия не могут оскверняться варварским славянским языком, равноапостольный Кирилл отвечал словами пророка Давида: "Всякое дыхание да хвалит Господа".

Святые братья мужественно перенесли испытания и гонения за свой подвиг просвещения народов. Плодами их деяний мы пользуемся и ныне, они определили наше духовное и культурное направление. Потому, наверное, первой общественной православной организацией, созданной в России после прекращения гонений на Церковь, был Славянский фонд

письменности и культуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Среди древнейших памятников славянской письменности особое и почетное место занимают жизнеописания создателей славянской грамоты – святых Кирилла и Мефодия. Среди этих памятников выделяются “Житие Константина Философа”, “Житие Мефодия”, “Похвальное слово Кириллу и Мефодию”.

О начале славянской письменности узнаем мы из главной русской летописи – “Повести временных лет”. Там говорится о том, как однажды славянские князья Ростислав, Святополк и Коцел отправили к византийскому царю Михаилу послов со словами: “Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил, и поучил нас, и объяснил святыя книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их”.

Тогда вызвал царь Михаил двух ученых братьев – Константина и Мефодия, и “уговорил их царь и послал их в славянскую землю... Когда же братья эти пришли, начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие”.

Совершилось это в 863 году. Отсюда и ведет свое начало славянская письменность. “И рады были славяне, что услышали о величии Божиим на своем языке”. Затем братья перевели Псалтирь, Октоих и другие церковные книги.

Спринятием христианства на Русь пришла и славянская азбука. И в Киеве, и в Новгороде, и в других городах стали создавать школы для обучения славянской грамоте. Явились в Русской земле учителя из Болгарии – продолжатели дела Кирилла и Мефодия.

Азбука, употребляемая в современном церковно-славянском языке, называется кириллицей в память святого Кирилла (Константина).

А святых братьев Кирилла и Мефодия Церковь прославляет как просветителей славян во всем мире и почитает в чине равноапостольных.

Какого роста были наши великие прозаики и поэты

СОДЕРЖАНИЕ:

День Святого Георгия Победоносца	4
Ничего о прошлом не забыли	6
А.Миллошов. «Трижды в Берлине»	8
Я.Рогачев. «Помнятся пути фронтовые»	11
«Товарищ председатель»	18
«Его любили все - и люди, и животные, и даже... враги»	22
В.Домбровский. «Диверсанты Великой Отечественной»	26
Дембельский альбом	31
Полезные сведения из истории России	38
Тайные истории Мелекесса-Димитровграда	46
В.Манухин. «Грезить рано о покое...»	53
В.Гордеев. «Отвести беду стихами»	59
В.Сысуев. «Не связки об этом узнает, не каждому это понять»	68
А.Горшенин. «Добро людям делать я буду...»	72
Л.Семенова. «Струны моей одинокой души...»	75
В.Зиновьев. «Толерантная войнушка»	80
Е.Парфенова. Детский уголок	83
А.Осипов. «Трава забвения»	86
Р.Долодаренко. «Предначертание»	96
В.Коробков. «Литераторь»	99
А.Никонов. «Ковчег острова Альмендралехо»	117
Хроники, события, факты	153

Литературно-публицистический альманах
Димитровградского писательского отделения Союза писателей России,
Ульяновского регионального благотворительного общественного
Фонда поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД
«ЭГИДА»

Издается с декабря 2008 года при содействии и поддержке
депутата Димитровградской городской Думы первого созыва
М.Б.ВОРОНОВА

ЗАО «Промсервис» (ген.директор А.А.МИНАКОВ)
ООО «ДПЗ» (директор В.В.ДЕГТЯРЁВ)

Редакция выражает им глубочайшую благодарность.

Шеф-редактор альманаха –
член Союза писателей России **Александр НИКОНОВ.**

В выпуске принимали участие:
Литературный редактор – член Союза писателей России **В. ГОРДЕЕВ.**
Художник – **Г. ГЕНЕРАЛЕНКО.**
Фотомастера – **В. ЗИНОВЬЕВ, А. РОГОВ.**
Компьютерная верстка – **Т. БЕРЕНДЕЕВОЙ.**

ISBN – 5-85658-028-1

Адрес редакции:
433512, Ульяновская обл., г. Димитровград, пр. Ленина, д.30, оф. 24.
Телефон: 3-37-44.

Произведения авторов альманаха публикуются на безгонорарной основе.
Возможна публикация произведений самостоятельных авторов,
не заказанных редакцией. На договорной основе.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Выпуск отпечатан в Димитровградской типографии:
433510, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107.

Подписано в печать 14.04.09. Формат 60х90\16. Печ.л. 10,0.
Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 1510. ЦЕНА СВОБОДНАЯ.